

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2023 г., том 30, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравляем академика Вячеслава Ивановича Молодина с юбилеем! 5

РЕЛИГИЯ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

Сальникова И.В. Нателные кресты как отражение этноконфессионального состава первопоселенцев Новосибирского Приобья 7
Журова Л.И. Послание священнику Благовещенского собора Сильвестру в рукописной традиции: вопросы атрибуции 17
Джумантаева Т.А. Наследие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой: музееведческий аспект 22
Севастьянова С.К. К характеристике монашеской парадигмы патриарха Никона: Антониево-Сийский монастырь и патриаршие монастыри. 31
Белянин Д.Н. «Ружный» вопрос в сельских приходах епархий Азиатской России в начале XX в. 42
Первушин В.В. Образ Русской православной церкви на страницах газеты «Правда» в 1921 г. 51

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Дилигул Е.С., Поляков И.А. Семейный «летописец» рода Никитиных второй половины XVII — первой четверти XVIII в. как ранний памятник автобиографического жанра 59
Чупин М.Ю. Сборник «Вопросы колонизации» (1907—1917 гг.): статус, издательские характеристики, авторский состав, проблематика 68
Шишкин В.И. Сибирское землячество участников гражданской войны (24 марта 1929 – конец 1934 г.) 77
Фельдман М.А. Феномен ударничества в промышленности СССР как составная часть «Великого перелома» 87
Емельянова Е.О. Расследование военных преступлений Второй мировой войны: проблемы организации и межгосударственного взаимодействия 99

ОСВОЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЕВРАЗИИ

Шипилов И.А. История физической географии как науки в России: от Д.Г. Мессершмидта до П.П. Семенова-Тян-Шанского. . 105
Козлов С.В. Эго-документы в контексте сохранения и изучения историко-культурного наследия 113

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), академик РАН, профессор *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), канд. ист. наук *В.В. Данилович* (Минск), доктор, профессор *Дашидэндэв* (Улан-Батор, Монголия), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист. наук, профессор *А.С. Зуев* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор, профессор *Л. Виола* (Торонто, Канада), доктор *К. Мацузато* (Токио, Япония), академик РАН, профессор *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор, профессор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), чл.-кор. РАН *И.В. Побережников* (Екатеринбург), *Я. Садовски* (Краков, Польша), чл.-кор. РАН, профессор *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук, профессор *А.В. Горбатов*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Ж.А. Еремкбай*, канд. ист. наук *В.В. Журавлев*, д-р ист. наук *Г.М. Запорожченко*, д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперштох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *Л.Н. Мазур*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, канд. ист. наук *Т.И. Морозова*, д-р ист. наук *С.А. Некрылов*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *В.Н. Разгон*, д-р ист. наук *Т.А. Сабурова*, канд. ист. наук *А.И. Савин* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Л.Н. Славина*, д-р ист. наук, профессор *М.К. Чуркин*, д-р ист. наук *Д.Н. Шевелев*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 311, тел. (7–383) 330–24–31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 23.03.2021 г. ПИ № ФС 77-80-483

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикации этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *Н.М. Райзвих*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Выход в свет 29.12.23. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 301.

Сибирское отделение РАН
630090 Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
Отпечатано в Сибирском отделении РАН
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2
Тел. 330-84-60, e-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2023, vol. 30, N 4

CONTENTS

Congratulations to the anniversary of Academician V.I. Molodin!	5
--	---

RELIGION IN HISTORY AND CULTURE

Salnikova I.V. Baptismal crosses as a reflection of the ethno-confessional composition of the first settlers of the Novosibirsk Ob region	7
Zhurova L.I. The Epistle to the Priest of the Annunciation Cathedral Sylvester in the manuscript tradition: attribution issues	17
Jumantayeva T.A. The heritage of Reverend Euphrosyne, Princess of Polotsk: museological aspect	22
Sevastyanova S.K. On the characteristics of Patriarch Nikon' monastic paradigm: The Siya Monastery of St. Autonius and patriarchal monasteries	31
Belyanin D.N. The issue of payment of ruga in rural parishes of the dioceses of Asian Russia in the early XXth century	42
Pervushin V.V. Image of the Russian Orthodox Church in the pages of the newspaper "Pravda" in 1921	51

DOMESTIC AND UNIVERSAL HISTORY

Diligul E.S., Polyakov I.A. The family «chronicle» of the Nikitin family of the second half of the 17th – the first quarter of the 18th centuries as an early monument of autobiographic genre	59
Chupin M.U. Collected volume of articles "Questions of Colonization" (1907–1917): status, publishing characteristics, authors, problematics	68
Shishkin V.I. Community of the Civil War participants in Siberia (March 24, 1929 – end of 1934).	77
Feldman M. A. The phenomenon of shock work in the industry of the USSR as an integral part of the «Great Break»	87
Emelyanova E.O. Investigation of war crimes of the Second World War: problems of organization and interstate cooperation.	99

MASTERING THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF EURASIA

Shipilov I.A. The history of physical geography as a science in Russia: from D.G. Messerschmidt to P.P. Semenov-Tyan-Shansky	105
Kozlov S.V. Ego-documents in the context of preservation and study of historical and cultural heritage	113

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
(“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

Founders: **Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Academician of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Candidate of historical Sciences *V.V. Danilovich* (Minsk, Belarus), Doctor of Philosophy *N.B. Dashdendev* (Ulaanbaatar, Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor *M. Junge* (Germany), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor of Philosophy, Professor *L. Viola* (Toronto, Canada), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Delhi, India), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *I.V. Poberezhnikov* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences *Jakub Sadowski* (Krakow, Poland), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *A.S. Zuev* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *M.K. Churkin*, Doctor of historical Sciences, Professor *A.V. Gorbatov*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *J.A. Yermekbay*, Doctor of historical Sciences *G.M. Zaporozhchenko*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kuperstokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Mazur*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynicheva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Matkhanova*, Candidate of historical Sciences *T.I. Morozova*, Doctor of historical Sciences, Professor *S.A. Nekrylov*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.N. Razgon*, Doctor of historical Sciences *T.A. Saburova*, Candidate of historical Sciences *A.I. Savin* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences *D.N. Shevelev*, Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Slavina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*, Candidate of historical Sciences *V.V. Zhuravlev*

Editorial address: Institute of History, SB RAS, office 311, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090
Russian Federation
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of the Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russian Federation

***ПОЗДРАВЛЯЕМ АКАДЕМИКА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВИЧА МОЛОДИНА
С ЮБИЛЕЕМ!***

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ!

Примите искренние поздравления по случаю знаменательной даты – 75-летия со дня рождения!

Мы знаем Вас как выдающегося ученого-археолога, более 50 лет самоотверженно трудящегося на благо археологической науки. С 1973 г. Вы возглавляете Западно-Сибирский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции, постоянно принимаете участие в раскопках археологических памятников Сибири и сопредельных территорий. Впечатляет география Ваших полевых исследований – это не только Сибирь, но и Монголия, Куба, Япония, Сирия, Канада.

Вы – автор более 1500 научных работ, в том числе 65 индивидуальных и коллективных монографий, к которым обращается уже не одно поколение специалистов. Ваши научные труды и достижения дали мощный импульс развитию археологии в Сибири, позволили вывести ее на передовые рубежи мирового уровня. Ваши публикации энциклопедиста, неравнодушного ученого, доктора исторических наук вызывают неизменный интерес благодаря анализу и обобщению результатов научных изысканий, проводимых исследовательскими коллективами под Вашим руководством; они посвящены также не менее важным темам гуманитарной науки – известным ученым, ветеранам Великой Отечественной войны, истории и деятельности Сибирского отделения Российской академии наук.

Плодотворное сотрудничество, устойчивые научные и дружественные связи сложились у Вас с коллективом Института истории СО РАН. Благодаря Вашей поддержке воплотились в жизнь фундаментальные проекты, увидели свет общественно значимые издания. Вы активно участвуете в работе научных конференций нашего института, неустанно трудитесь на ниве исторической науки, будучи ярким примером для всех поколений ученых.

Являясь одним из организаторов гуманитарной науки в Сибири, Вы вносите заметный вклад в развитие научно-образовательных учреждений региона, способствуете тесной академической и вузовской интеграции на благо науки. Как советник директора Института археологии и этнографии СО РАН держите руку на пульсе стратегии развития института, обеспечивая преемственность научных поколений, активизируя творческую деятельность коллектива.

Признанный наставник молодежи, Вы неустанно ведете педагогическую работу, будучи профессором Новосибирского государственного университета, а также почетным профессором Новосибирского государственного педагогического университета и Томского государственного университета. Под Вашим научным руководством выросли талантливые ученики – 13 докторов и 37 кандидатов наук – специалистов по археологии, этнографии и палеогенетике.

Весьма признательны Вам за поддержку деятельности всероссийского научного журнала «Гуманитарные науки в Сибири». Коллектив Института истории СО РАН, редакционный совет и редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» поздравляют Вас с Юбилеем и желают крепкого здоровья, неисчерпаемой энергии, новых эпохальных открытий!

РЕЛИГИЯ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

DOI: 10.15372/HSS20230401

УДК 903.26

EDN: YLNQOU

*Юбилею академика
Вячеслава Ивановича Молодина
посвящается*

И.В. САЛЬНИКОВА

НАТЕЛЬНЫЕ КРЕСТЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОСТАВА ПЕРВОПОСЕЛЕНЦЕВ НОВОСИБИРСКОГО ПРИОБЬЯ

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17

В статье представлены результаты изучения ставрографической коллекции, полученной в ходе археологических раскопок памятников Нового времени (начало XVIII – XIX вв.) на территории Верхнего Приобья. Собрание включает материалы поселенческих комплексов: некрополи Никольской церкви с. Кривошеково, Спасского собора в г. Каинске и Умревинского острога. Благодаря морфологическому и иконографическому анализу нательных крестов выявлены некоторые черты и сюжеты, свидетельствующие о конфессиональной принадлежности первопоселенцев. Среди поселенцев наряду с православным населением, с учетом старообрядцев, присутствовали представители католического вероисповедания, что подтверждается наличием крестов с католической традицией изображения распятия и с сюжетом страстей Господних. Сравнение находок с коллекцией Приангарья (Восточная Сибирь) дало основание высказать предположение о миграции католического населения с востока на запад. Нательные кресты отражают духовную традицию и национальные особенности колонистов и являются новым источником для изучения миграционных потоков.

Ключевые слова: ставрография, нательные кресты, миграционные потоки, Верхнее Приобье, конфессиональная и национальная принадлежность.

Для цитирования: Сальникова И.В. Нательные кресты как отражение этноконфессионального состава первопоселенцев Новосибирского Приобья // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 4. С. 7–16. DOI: 10.15372/HSS20230401

I.V. SALNIKOVA

BAPTISMAL CROSSES AS A REFLECTION OF THE ETHNO-CONFESSIONAL COMPOSITION OF THE FIRST SETTLERS OF THE NOVOSIBIRSK OB REGION

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, pr. Ak. Lavrent'yev ave., Novosibirsk, 6300090, Russian Federation

There is a growing number of studies devoted to the analysis of collections of Orthodox religious items found as a result of research of the necropoleis of Russian settlements in Siberia. The article focuses on the objects of personal piety – baptismal crosses, which are an invaluable source

Работа выполнена в рамках государственного задания, проект: «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства (FWZG-2022-0005).

Ирина Владимировна Сальникова – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: salnikovair52@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3239-9418>.

Irina V. Salnikova – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

for the reconstruction of the spiritual culture of settlers. The pectoral cross as a symbol of belonging to Christianity is the most common archaeological artifact. In the territory of the Upper Ob region, three monuments of modern times have been studied: two settlement complexes (the cultural layer of the village of Krivoshchekovo, including the necropolis of the St. Nicholas Church; the necropolis and the foundation of the church of the Spassky Cathedral in Kainsk) and a fortified outpost – the Umrevinsky Ostrog (prison). They date from the mid-18th – 19th centuries. As a result, a representative staurographic collection was formed, including 564 units. The collection of baptismal crosses is noted for a wide variety of forms, decoration and iconographic subjects. Morphological and stylistic analysis of the collection revealed certain iconographic and epigraphic features, such as different iconography in depiction of crucifixion, the presence of the plot of instruments of the Lord's Passion, the epigraphy of titlos, which indicates that the composition of the first settlers was not homogeneous in confessional and national terms. Among them, there were representatives of the Old Believers, official Orthodox Church, and Catholics. The comparison of staurographic collection of the Upper Ob region with of the collections of the Angara region (in particular, the Ilmsk Ostrog) and the monuments of the city of Irkutsk showed a quantitative difference in the distribution of certain types of crosses. It turned out that the number of Catholic baptismal crosses and crosses with elements of Catholicism (instruments of the Lord's Passion), which the Polish-Lithuanian "service people" (sluzhilye) could have left, significantly exceeds those in the Novosibirsk collection. Consequently, there were more pro-Catholic population in those regions. Comparison of these indicators makes it possible to trace the direction of intra-Siberian migration flows. Documentary sources indicate an earlier settlement of the territory of Eastern Siberia than the Ob region, and a western direction of further migration flows. The baptismal crosses reflect the spiritual and national traditions of settlers and are a new source for studying the migration processes of the first settlers of Siberia.

Key words: *staurography, baptismal cross, migration flows, Upper Ob region, confessional and national affiliation.*

ВВЕДЕНИЕ

Освоение русскими земледельцами территории Верхнего Приобья началось в конце XVII – начале XVIII вв., после строительства форпостов, которые позднее превратились в административно-хозяйственные центры [Мамсик, 2009]. Подтверждением этого могут служить практически одновременно возведенные Умревинский (1703 г.), Чаусский (1713 г.) и Каинский (1722 г.) остроги. В первом десятилетии XVIII в. возникает «новоселебная» деревня Кривошеково как пункт для торговли с телеутами в начале XVIII в. Затем ее жители стали специализироваться на перегоне скота на правый берег р. Оби, кроме того, занимались торговлей, сельским хозяйством и рыболовством. В XIX в. с. Кривошеково стало волостным центром, Каинск получил статус города.

Исторические исследования свидетельствуют о полиэтничном характере этапа военной колонизации Сибири, которая осуществлялась «служивыми людьми». Среди них были и подданные Речи Посполитой, литовско-польского государственного образования. Историки отмечают, что, попав в плен в результате русско-польских войн, военнопленные зачислялись на службу в гарнизоны, размещались в наиболее стратегически важных форпостах Сибири [Мамсик, 2009, 2013]. К концу XVII столетия в регионе насчитывалось около 10 тыс. служилых людей (9823 чел.), в том числе 3170 чел. «литовского списка» [Резун, Шиловский, 2005, с. 37]. Именно «служилые люди» первыми стали реализовывать государственный план присоединения Сибири к Русскому государству Иностранные подданные имели статус «дети боярские», им платили довольствие, давали наделы земли [Резун, Шиловский, 2005]. Численные данные, представленные в монографии И.Р. Соколовского, свидетельствуют о весомой роли иностранцев в колонизации Сибири [Соколовский, 2000, 2004]. Автор приводит свидетельство о том, что первый форпост на территории Новосибирской области основал Алексей Степанов

Кругликов в 1703 г., он был его приказчиком до 1707 г. Это сын Степана Круглика – шляхтича Мстиславского повета, который был взят в плен казаками Запорожского войска. В 1655 г. Степан был привезен в Москву, где его поверстали в чин «сына боярского» и послали служить в Сибирь, в Томск [Соколовский, 1996, с. 9].

Вслед за военной колонизацией Сибири начался этап земледельческой колонизации, целью которой являлось обеспечение материальной базы для служилого войска и административного аппарата. Государственная политика обеспечивала приток пашенного крестьянства. Еще один поток переселенцев в конце XVII в. был связан со значительной раскольничьей иммиграцией в Сибирь, особенно из северного края.

По свидетельству историков, география переселенческих потоков была обширной, охватывавшей территорию Севера, центральную часть России, Зауралье, Поволжье, районы Польши, Литвы, Белоруссии, Украины [Мамсик, 2009, Соколовский, 2004]. Следовательно, переселенческий поток был неоднороден в этноконфессиональном отношении.

Обширный корпус исторических документов, раскрывающих историю заселения Сибири, может быть дополнен археологическими материалами. Одним из них является нательный крест как знак принадлежности к христианству. Крест-тельник является самой массовой категорией находок при исследовании русских поселенческих и погребальных комплексов. В настоящий период сформировано значительное собрание нательных крестов, они разнообразны по форме, семантике, декору, материалу изготовления, конфессиональной принадлежности их владельцев. Информационный потенциал крестов-тельников значителен, он может быть источником в социально-культурном контексте процесса заселения Сибири. Поэтому необходимы междисциплинарные исследования, объединяющие документальные источники и материальные предметы, свидетельствующие о духовной культуре первопоселенцев.

Цель и новизна исследования – определение этноконфессионального состава первопоселенцев Верхнего Приобья на основе иконографического и морфологического анализа ставрографической коллекции, а также выявление совокупности признаков, указывающих на конфессиональную принадлежность. Для изучения направления переселенческих потоков важно сравнить состав коллекций нательных крестов памятников Нового времени Верхнего Приобья, с аналогичными собраниями Приангарья.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

История изучения нательных крестов представлена в монографии В.И. Молодина [Молодин, 2010]. Базовым источником нашего исследования является ставрографическое собрание, полученное в результате изучения археологических памятников Нового времени на территории Верхнего Приобья, большая часть из которого хранится в фондах музея Института археологии и этнографии. Собрание включает коллекцию нательных крестов из некрополей Никольской церкви с. Кривошеково (левобережье современного г. Новосибирска), Спасского собора г. Каинска (современного г. Куйбышева Новосибирской области) и Умревинского острога. Первая группа материалов получена в результате исследований археологических комплексов «Культурный слой села Кривошеково» и «Археологический культурный слой Спасского Собора» в г. Куйбышеве (ранее – г. Каинск), проведенных сотрудниками отдела спасательных археологических работ ИАЭТ СО РАН в 2018–2020 гг. [Сальникова, 2019, 2020; Сальникова, Тимошенко, 2020]. Авторы раскопок Умревинского острога – А.В. Шаповалов, А.П. Бородовский. Для целей сравнительного анализа привлечены материалы из Приангарья: некрополей г. Иркутска и Илимского острога [Молодин, 2007, Бердников 2012а, 2012в]. Выбор именно этих коллекций для сравнения типов крестов-тельников объясняется их систематизацией по единой методике.

Коллекция нательных крестов археологических памятников Нового времени в Верхнем Приобье включает 564 экз. Значительная их часть обнаружена на территории некрополей Никольской церкви с. Кривошеково, Спасского собора, в г. Каинске. В Умревинском остроге найдено 45 нательных крестов, из них случайных находок с территории острога – 16 экз. [Горохов, Бородовский, 2017, с. 99].

Нами использованы такие методы исследования коллекции, как систематизация и классификация артефактов. Выявлена иерархия признаков: форма, иконография, титлы и монограммы, декор.

При систематизации коллекций применена типология, впервые предложенная В.И. Молодиным в результате систематизации нательных крестов Илимского острога [Молодин, 2007], широко используемая в современных исследованиях.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЯ

В Илимской коллекции нательных крестов В.И. Молодин выделяет 11 основных типов по форме средокрестия, типы делятся на подтипы и варианты по конструктивным, иконографическим чертам и декору поверхности. Кресты-тельники некрополей Верхнего Приобья систематизированы по методике В.И. Молодина. В нашем собрании такого разнообразия типов нет, отсутствуют кресты типов 2, 3, 9, 11, единичны кресты типов 6, 7, 10. Отсутствие единообразия форм объясняется отчасти региональными традициями поселенцев, хронологией археологических памятников, малым количеством литейных мастерских в Сибири, отсутствием торговых связей с литейными центрами России и требует дальнейшего изучения (рис. 1; таблица, 2, 3, 9, 11).

Наиболее распространены были кресты типов 1, 5, 4, 8, в меньшей степени – типы 6 и 7. Поэтому мы останавливаемся на подробной характеристике указанных изделий. Необходимо отметить, что выделенные типы имеют одинаковые конструкции и иконо-

Рис. 1. Типы нательных крестов, которые отсутствуют в археологических памятниках Верхнего Приобья: 1–2 – тип 2; 3 – тип 3; 4 – тип 9; 5 – тип 11.

Fig. 1. Types of baptismal crosses that are absent in the archaeological sites of the Upper Ob region: 1–2 – type 2; 3 – type 3; 4 – type 9; 5 – type 11.

Распределение типов нательных крестов из археологических памятников Нового времени на территории Сибири

Тип Tip	Археологический памятник Archaeological site						
	Кривошеково, Никольский некрополь, Новосибирск, 278 ед. (середина XVIII–XIX вв.) Krivoshchekovo, St. Nicholas Necropolis, Novosibirsk	Каинск, Спасский некрополь НСО, 253 ед. (середина XVIII–XIX вв.) Kainsk, Spassky Necropolis of the NSO	Умревинский острог НСО, 41 ед. (середина XVIII–XIX вв.) Umrev fortpost, of the NSO	Спасский некрополь, Иркутск, 280 ед. (начало XVIII – 60-е годы XVIII вв.) Spassky Necropolis, Irkutsk	Владимировский некрополь, Иркутск, 31 ед. (начало XVIII – 60-е годы XVIII вв.) Vladimir Necropolis, Irkutsk	Крестовоздви- женский некрополь, Иркутск, 189 ед. (конец XVIII – начало XIX вв.) Holy Cross Vizhensky Necropolis, Irkutsk	Илимский острог, Иркутская обл., 215 ед. (конец XVII – XIX вв.) Ilimsky fortpost, Irkutsk region
1	54 % (150 ед.)	42 % (107 ед.)	53, 6 % (22 ед.)	26,9 % (75 ед.)	45,1 % (14 ед.)	25,4 % (48 ед.)	32 % (69 ед.)
2	–	–	–	0,7 % (2 ед.)	–	1,1 % (2 ед.)	3,7 % (8 ед.)
3	–	–	–	–	–	–	0,46 % (1 ед.)
4	7,6 % (23 ед.)	9 % (21 ед.)	15 % (6 ед.)	36,2 % (101 ед.)	9,7 % (3 ед.)	5,8 % (11 ед.)	15,3 % (33 ед.)
5	17 % (50 ед.)	9,4 % (22 ед.)	17 % (7 ед.)	0,4 % (1 ед.)	–	6,9 % (13 ед.)	5,1 % (11 ед.)
6	4,7 % (13 ед.)	12,3% (31 ед.)	1?	2,2 (6 ед.)	–	15,3 (29 ед.)	13,02 % (28 ед.)
7	0,36 % (1 ед.)	3,4 % (8 ед.)	0, 4 % (2 ед.)	12,2 % (34 ед.)	22,6 % (7 ед.)	9,5 % (18 ед.)	15,8 % (34 ед.)
8	8 % (24 ед.)	16,7 % (39 ед.)	7 % (3 ед.)	15,1 % (42 ед.)	19,4 % (6 ед.)	20,6 % (39 ед.)	13,5 % (30 ед.)
9	–	–	–	–	–	–	0,46 (1 ед.)
10	–	0,4 (1 ед.)	–	3,6 % (10 ед.)	3,6 % (10 ед.)	–	1,1 (2 ед.)
11	–	–	–	–	–	–	0,46 (1 ед.)
12	0,36 % (1)	–	–	–	–	–	–
13	–	1,18 % (3 ед.)	–	–	–	–	–
14	0,36	–	–	–	–	–	–
15	0,36 % (1)	–	0,2 % (1)	–	–	12,2 % (23 ед.)	0,46 % (1 ед.)

графию, но неоднородны по декору, размерам, эпиграфическим данным.

Кресты типа 1 простой четырехконечной формы, их лопасти равны по ширине, вертикальная лопасть длиннее горизонтальной, они под прямым углом расходятся от средокрестия. Оглавие-ушко двух видов – плоское и многоярусное, фигурное, оканчивающееся шишечкой. Характерная черта иконографии: в центр креста вписан рельефный восьмиконечный крест, у подножия которого полукругом показана гора Голгофа с обозначенной внутри головой Адама. Вдоль вертикальной планки креста рельефом изображены копье и трость. Что касается эпиграфического описания, то на верхней части под оглавием расположены обязательные титулы, нанесенные в две строчки ЦРЬ (Царь), СВЫ (Славы), на горизонтальных оконечностях нанесены титулы ИС ХС (Иисус Христос), иногда ниже есть добавление Снь Бжи (Сын Божий). Кроме традиционных надписей, имеются два варианта нанесения монограмм: «К» и «Т» (копие и трость) по обе стороны голгофского креста (разделенные нижней частью вертикальной лопасти). Под вертикальной лопастью центрального креста, между монограммой «НИКА», в нижней части в две строчки нанесены буквы М Л, Р Б (Место лобное, Раю бысть).

Оборотная сторона может быть гладкой; разделенной на зоны валиком, без текста или с текстом, который чаще всего стерт. Третий признак – декор, часть крестов украшена эмалью, она может быть одноцветной – синей, зеленой, темно-синей, монохромной – голубой или темно-синей, встречается очень темного цвета, практически черного. Один из вариантов декора – дополнительный геометрический или растительный орнамент, нанесенный гравировкой (рис. 2, таблица, 1). По количеству экземпляров данный тип самый распространенный в памятниках Новосибирской области, он составляет от 54 до 43 % коллекции.

Тип 4. Кресты данного типа имеют средокрестие, обрамленное кругом, украшенное шариками, волютами, лучами, которые могут исходить как от круга, так и от средокрестия. Этот тип имеет самую большую инвариантность по декору и иконографии. Именно кресты данного типа иногда украшены цатой, которая изображена на средокрестии голгофского креста, лопасти могут быть дополнены фигурными выступами, традиционные титулы могут помещаться на оборотной стороне (рис. 3, таблица, 4). Количественное соотношение – Кривошеково – 7,6 % (23 экз.), Каинск – 9 % (21 экз.), Умревинский острог – 15 % (6 экз.)

Тип 5. Кресты этого типа называют листовидными (копьевидными). «Концы и углы средокрестия, а также ствол изделия заполнены растительным орнаментом, что и придает ему форму листа» [Винокурова, 1999, с. 340]. У данного типа встречаются ушки –

как фигурные, с каплевидным навершием, так и плоские. Изображения и титлы на лицевой стороне традиционные. На оборотной стороне помещена молитва «Да воскреснет Бог», вписанная в крестообразную рельефную рамку (рис. 4; таблица, 5).

Рис. 2. Варианты нательных крестов типа 1.

Fig. 2. Variants of baptismal crosses of type 1.

Рис. 3. Варианты нательных крестов типа 4.

Fig. 3. Variants of baptismal crosses of type 4.

Рис. 4. Варианты нательных крестов типа 5.

Fig. 4. Variants of baptismal crosses of type 5.

Рис. 5. Варианты нательных крестов типа 6.

Fig. 5. Variants of baptismal crosses of type 6.

Тип 6. У данной группы острые углы средокрестия, лопасти расширяются. В зависимости от подтипа лопасти могут иметь прямые или треугольные оконечности. Изображения на лицевой части крестов традиционные – голгофский крест. Обратные стороны у крестов с треугольными окончаниями лопастей имеют дополнительную орнаментацию, представлен сюжет «орудия страстей Христовых»: на перпендикулярной планке изображены кумган, петух на столбе, лестница, на средокрестии – гроб Господен, на левой лопасти – мешочек с деньгами, риза, на правой – клещи, молоток и гвозди (рис. 5,2, таблица,6).

Тип 7. Эта группа крестов отличается от предыдущего тем, что лопасти плавно расширяются от средокрестия, их края имеют подтреугольную форму и фигурное оформление оконечностей лопастей. На лицевую сторону вписан восьмиконечный крест, нередко встречается изображение распятия Христова как центральный образ и погрудные изображения святых на боковых лопастях. На обороте имеются символы орудий страстей Христовых. Традиционные титулы расположены под оглавием и на оконечностях, поверхность украшена голубой и синей эмалью (рис. 6, таблица,6).

Тип 8. Изделия этой группы отличает расширение лопастей и их фигурное оформление оконечности в виде трилистника. Иконография традиционная, как и титулы, но место их расположения может иметь

три варианта. Кресты данного типа не украшены эмалью, но обратная сторона может быть декорирована рельефными валиками (рис. 7, таблица,7).

В археологических памятниках Верхнего Приобья выявлены отдельные экземпляры православных крестов-тельников, которые не вошли в типологию, предложенную В.И. Молодиным. Вероятно, они принадлежали новой региональной группе поселенцев – выходцев из районов Центральной России.

Один из них, обнаруженный в погребальном комплексе Спасского собора г. Каинска, соответствует IX типу по типологии Винокуровой Э.П. [Винокурова, 1999, с. 347, табл. VIII,1]. У изображенного четырехконечного креста лопасти украшены «лилие-подобными трилистниками», на нижней части перпендикулярной лопасти с обеих сторон имеются такие же фигурные выступы (рис. 8,1, таблица,12).

В некрополе Никольской церкви с. Кривошеково обнаружены два новых типа нательных крестов. Крест с прямым углом в средокрестии, лопасти украшены дополнительными выступающими рельефными деталями, титулы традиционные, лицевая поверхность декорирована полихромной эмалью синего и голубого цветов. На обратной стороне помещен текст, строки которого подчеркнуты валиками, имеются следы темной эмали. (рис. 8,2, таблица,14). Вторым крест двусторонний, изготовленный методом штамповки из сплава, содержащего золото, о чем свидетельствуют два клейма, проставленных на обороте вертикальной лопасти. Все изображения на изделии исполнены гравировкой. На лицевой стороне по центру нанесен шестиконечный крест, титулы «ІС ХС» выполнены наклонными линиями, участок под оглавием лицевой стороны украшен расходящимися лучами. На нижнюю часть вертикальной лопасти нанесен сетчатый орнамент. Обратная сторона декорирована лучами. Крест выполнен в форме четырехлепесткового цветка, имеет острый угол в средокрестии, вытянутые лопасти с закругленными краями. Практически идентичное ему изделие обнаружено в Горноправдинском могильнике Ханты-Мансийского

Рис. 6. Варианты нательных крестов типа 7.

Fig. 6. Variants of baptismal crosses of type 7.

автономного округа – Югры [Зайцева, Кениг, 2014, с. 25]. Оба креста имеют одинаковые клейма, следовательно, они изготовлены одним московским ювелиром (рис. 8,3, таблица, 12).

Распределение крестов по типам в некрополях Верхнего Приобья различно, но самым распространенным типом является тип 1, затем следуют типы 5, 4 и 8, остальные типы крестов встречаются единично.

Историками выявлена более ранняя дата освоения восточных и северных регионов Сибири, чем Верхнего Приобья, исключением является основание Томской крепости в 1604 г. Нами была поставлена задача выявить маршруты миграционных потоков, основываясь на количественном изменении определенных типов нательных крестов западных и восточных регионов Сибири. Для ее решения составлена таблица, в которую внесены данные коллекций Новосибирской области, некрополей г. Иркутска и Илимского острога (см. таблицу).

В восточном регионе показатели распределения типов крестов на археологических объектах разнятся. Видимо, это связано с хронологией памятников. Но тем не менее тип 1 нательных крестов популярен и в Приангарье, его доля колеблется от 45 до 25,4 %, резко уменьшается доля крестов типов 5 и 8 или они вообще отсутствуют; возрастает количество крестов типов 4 и 7 (таблица). Кроме того, есть кресты, интерпретированные автором как католические, они обнаружены в Крестовоздвиженском некрополе в количестве 23 экз. – 12,2 % [Бердников, 2012(а), с. 140]. На погостах Верхнего Приобья католические кресты присутствуют в единичном виде.

Католический крест отличается от православного иконографией распятия Христа: согнутые колени, сведенные стопы ног у Спасителя, наличие нимба, кроме того, ушко у креста прикреплено параллельно его плоскости. Один из них найден на погосте Никольской церкви, его форма повторяет конфигурацию золотого креста. Крест, вероятно, штампованный (не литой), двусторонний. Его ушко отломано, и для ношения просверлено отверстие на верхней части вертикальной лопасти. Лицевая сторона окантована

Рис. 7. Варианты нательных крестов типа 8.

Fig. 7. Variants of baptismal crosses of type 8.

Рис. 8. Новые типы нательных крестов археологических памятников Верхнего Приобья.

Fig. 8. New types of baptismal crosses of archaeological sites of the Upper Ob region.

простым рельефом. В центральной части изображена фигура распятого Христа, выполненная не в православной традиции: одно колено подогнуто, стопы сведены, нимб над головой в виде расходящихся лучей. Титлы ИС ХС расположены по обе стороны от головы Христа. На обороте на горизонтальной перекладине помещена рельефная надпись прописными буквами «ВЛМАРВА», окантованная жгутовым орнаментом. На нижней вертикальной лопасти креста погрудное изображение святого, с крестом в правой руке и чашей в левой, над его головой виден нимб, обозначенный рельефной дугой (рис. 9,1). Другой крест обнаружен на территории Умревинского острога, по форме он относится к типу 1, но на лицевой его стороне помещено рельефное изображение распятия Христа в католической традиции – сведенные стопы у центрального образа. Особо необходимо отметить расположение ушка тельника, оно параллельное плоскости креста, в отличие от тельников православных, где ушко располагается перпендикулярно (рис. 9,2, таблица, 15).

Важное значение для понимания этноконфессионального состава поселенцев имеют нательные кресты типов 6 и 7. Их оборотная сторона украшена изображениями орудий страстей Христовых. Этот редкий католический сюжет был заимствован из Западной Европы, что, по мнению С.В. Гнутовой, может быть подтверждением «проникновения западно-

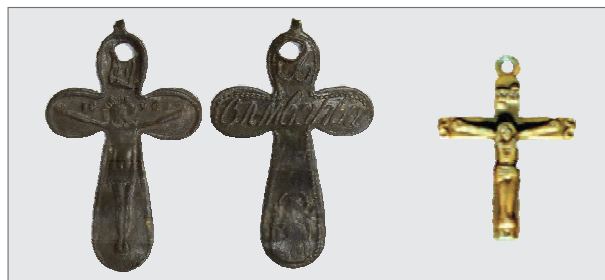

Рис. 9. Католические нательные кресты.

Fig. 9. Catholic baptismal crosses.

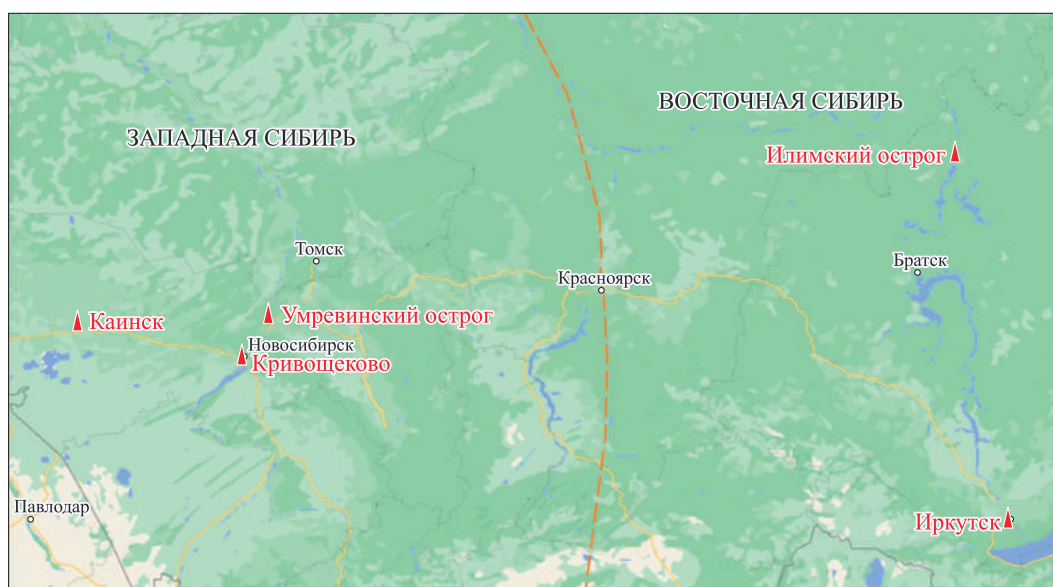

Рис. 10. Карта расположения археологических памятников Нового времени (конец XVIII – начало XIX вв.).

Fig. 10. Map of the location of archaeological sites of modern times (late 18th – early 19th centuries).

европейских католических влияний, которое в XVII – нач. XVIII вв. шло через юг России» [Гнутова, 1994, с. 85]. На крестах типа 7 помещено наибольшее количество элементов, символизирующих страсти Христовы: лестница с петухом, кунган (сосуд на поддоне), клещи, молоток, гроб Господен, перчатка, рука, фонарь, мешочек с деньгами. На лицевой стороне нательного креста данного типа изображено рельефное распятие Христово, что, по оценке В.И. Молодина, имеет «глубокие латинские корни» [Молодин, 2010, с. 130]. Следовательно, кресты данного типа, независимо от конфессии, сочетают в себе христианские традиции, причем кресты с такой иконографией являются синкретичными. Проведенный нами анализ (см. таблицу) показал, что образцов с изображением распятия, символики «орудия страсти» выявлено в археологических памятниках Приангарья больше, чем в Верхнем Приобье.

Распределение типов нательных крестов свидетельствует о том, что они принадлежали православному населению, в том числе сторонникам старообрядчества, использовавшим кресты с характерной для них формой и иконографией. В научной литературе выделяется ряд специфических черт, присущих старообрядческому поморскому литью: наличие восьмиконечного креста, в том числе и внутри четырехконечной формы; титло с надписью ЦРЬ СЛЫ (Царь Славы), ІС ХС (Иисус Христос), НИКА и буквы «К» (копье) и «Т» (трость); определенная молитва или тропарь, текст которой расположен на оборотной стороне изделия; неприятие изображения фигуры распятого Христа; использование эмали [Микшина, 2018, с. 169].

Эти характеристики дают основания для отнесения крестов типа 1 (подтип 1, см. рис. 2, 1, 2), 4 и 5 (см. рис. 3, 4) к старообрядческим. Аналогичные кресты типа 4 и формы для их изготовления обнаружены на старообрядческом Архангельском погосте Олонецкой губернии, они датируются XVIII в. [Островский, Федоров, 2007, с. 83]. Следует добавить еще один аргумент в пользу отнесения этих типов крестов к старообрядческим – идентичные образцы имеются в коллекции Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций г. Ветка¹. В количественном отношении старообрядческих крестов типа 4, выявленных в Приангарье (36 % в некрополе Спасского собора Иркутска [Бердников, 2012б, с. 166]) больше, чем в Приобье (15 %, Умревинский острог [Горохов, Бородовский, 2017, с. 101]). Нательные кресты типа 1 имели широкое повсеместное распространение.

Возможно, часть католического населения использовала нательные кресты с западным протокатолическим сюжетом «страсти Господни». В археологических памятниках Приангарья количество католических и синкретичных крестов, совмещающих православные и католические традиции, встречается чаще, чем в Верхнем Приобье, где католических и синкретичных крестов обнаружено всего 10 экз. Между тем только в Крестовоздвиженском некрополе Иркутска обнаружено 23 единицы католических крестов. Чтобы стать подданными России, выходцы

¹ Информация была предоставлена главным хранителем Ветковского музея С.И. Леонтьевой, канд. искусствоведения, г. Ветка.

из стран с католическим вероисповеданием должны были принимать православие, но в их среде как дань традиции бытовали нательные кресты с соответствующей символикой.

Фиксации типов нательных крестов свидетельствует об определенной географической локализации их обладателей. В памятниках Верхнего Приобья выявлены типы крестов-тельников, не встречающиеся в Восточной Сибири. Это можно рассматривать как свидетельство новых миграционных потоков из центральных районов России. Наши выводы согласуются с результатами исследований историков [Мамсик, 2012, 2013; Соколов, 2004]. Следует отметить, что они обратили внимание на значительное число представителей польской шляхты, занимавших ключевые административные позиции в населенных пунктах Верхнего Приобья. Обнаруженные нами архивные документы, метрические книги Никольской церкви с. Кривошеково указывают, что священнослужители имели польские фамилии. Так, с 1790 г. пономарем служил Андрей Курбаковский, в 1802–1841 гг. он был священником той же церкви. В 1850 г. его сменил Николай Митропольский, диаконом в том же приходе был Михаил Полянский².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наши исследования показали, что нательные кресты могут быть важным источником для изучения этноконфессионального состава первопоселенцев Верхнего Приобья. С этой целью был сформирован репрезентативный корпус источников. Систематизировано и типологизировано ставрографическое собрание, насчитывающее 562 экз. из трех археологических памятников конца XVIII – середины XIX вв.: некрополи Никольской церкви с. Кривошеково, Спасского собора г. Каинска и Умревинского острога. В результате морфологического и стилистического анализа выявлены определенные иконографические и эпиграфические признаки, свидетельствующие о неоднородном этноконфессиональном составе населения. Различия в иконографии в изображении распятия, наличие сюжета орудий страстей Господних, эпиграфика титула, конструкция оглавия, что указывает на принадлежность части населения к католической вере. Установлено, что доминирующие типы крестов (1, 5, 6, 8–11) принадлежали русскому православному населению, включая старообрядцев, для которых характерно использование крестов 1 (1 подтипа) и 4 типов; часть крестов являются синкретичными – присутствует семантика и православных, и католических крестов – с символами орудий страстей Господних

(типы 6 и 7); выявлен католический тип креста (15), новые типы, не встречающиеся в восточном регионе (12–14). Проведено сравнение состава коллекций нательных крестов памятников Верхнего Приобья с аналогичными собраниями Приангарья для определения направлений переселенческих потоков. Выяснилось, что нательных крестов старообрядческого облика больше в восточном регионе, как и католических, и синкретичных образцов, принадлежавших, вероятно, польско-литовским «служивым людям» или их потомкам. Комплексное изучение историографических ресурсов, архивных источников и археологических материалов дает основание для дальнейшего изучения нательных крестов с целью более полного отражения этноконфессиональных традиций населения отдельных территорий Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердников И.М. Нательные кресты, иконки и образки из раскопок Крестовоздвиженского некрополя (Иркутск) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геохронология. Этнология. Антропология. 2012а. № 1 (1). С. 138–165.
- Бердников И.М. Кресты-тельники из некрополя Спасской церкви города Иркутска // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2012б. Т. 11, вып. 7. № 3 (47). С. 164–178.
- Бердников И.М. Сибирский православный некрополь XVIII–XIX веков как археологический источник (по материалам исследований в Иркутске): автореф. канд. ист. наук. Новосибирск. 2012в. 23 с.
- Винокурова Э.П. Металлические кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы XVII в. М.: Наука. 1999. С. 326–360.
- Гнутова С.В. Орудия Страстей Христовых на русских крестах XVII–XIX веков // Филевские чтения: материалы Третьей науч. конф. по проблемам русской культуры второй половины XVII – начала XVIII веков. 8–11 июля 1993 г. М., 1994. Вып. V. С. 68–86.
- Горохов С.В., Бородавский А.П. Нательные кресты Умревинского острога // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2017. Т. 16, № 3. С. 98–107.
- Зайцева Е.В., Кенинг А.В. Погребальная обрядность русского старожильческого населения нижнего Прииртышья XVIII–XIX вв. (по материалам раскопок могильника Горноправдинского) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, Тюмень, Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. I. С. 23–27.
- Мамсик Т.С. Первопоселенцы Новосибирского Приобья. По материалам XVII – середины XIX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 254 с.
- Мамсик Т.С. Польско-литовская компонента в сибирской фамильной ономастике (XVII–XIX вв.) // Проблемы российско-польской истории и культурный диалог: материалы Междунар. науч. конф. 23–24 апр. 2013 г. Новосибирск, Ин-т истории СО РАН, 2013. С. 247–254.
- Мамсик Т.С. Чауское Приобье: население и хозяйство. Опыт ретроспекций по материалам XVIII–XIX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 228 с.
- Микишина Е.В. Влияние поморской традиции культового литья на иконографию крестов – тельников Сибири в XVIII веке (по археологическим материалам) // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты: материалы LVIII Российской (с междунар. участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. С. 168–171.

² Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2817. Л. 8; Д. 2824. Л. 60; Д. 2827. Л. 61 об.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. 248 с.

Молодин В.И. Очерки по ставрографии. Красноярск: Изд-во КГПИ, 2010. 172 с.

Островский А.Б., Федоров Ю.А. Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея. СПб.: РЭМ, 2007. 348 с.

Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: Сова, 2005. 196 с.

Сальникова И.В. Нателные кресты Кривошековского некрополя // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 574–584.

Сальникова И.В. Ставрографическая коллекция Кривошековского некрополя (типология, семантика) // Вестн. Кем. гос. ун-та. 2020. Т. 22, № 1(81). С. 67–77.

Сальникова И.В., Тимошенко А.А. Предварительные результаты исследования ставрографической коллекции некрополя Спасского собора (Куйбышев – ранее Каинск) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 909–917.

Соколовский И.Р. Приказчик Умревинского острога Алексей Круглик и его отец (биографии двух «чиновников» XVII – нач. XVIII вв.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX веков: регион. науч. конф. 5–6 дек. 1996 г.: тез. докл. Новосибирск. 1996. С. 8–9.

Соколовский И.Р. Некоторые источники формирования и численности «литвы» в Сибири в XVII в. // Белорусы в Сибири. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2000. Вып. 2. С. 16–53.

Соколовский И.Р. Служивые «иноземцы» в Сибири XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск: Сова, 2004. 212 с.

REFERENCES

Berdnikov I.M. (2012a). Baptismal crosses, icons, and miniature icons from excavations at Krestovozdvizhensky necropolis (Irkutsk). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, no. 1, pp. 138–165. (In Russ.)

Berdnikov I.M. (2012b). The baptismal crosses found during the excavation of the Church of the Savior necropolis in Irkutsk. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, vol. 11, no. 7, pp. 164–178. (In Russ.)

Berdnikov I.M. (2012c). Siberian Orthodox necropolis of the 18th–19th centuries as an archaeological source (based on research materials in Irkutsk): Cand. hist. sci. diss. abstr. Novosibirsk, 23 p. (In Russ.)

Gnutova S.V. (1994). Instruments of the Passion of Christ on Russian crosses of the 17th–19th centuries. *Filevskie chteniya*. Moscow, iss. 5: Materialy tret'ei nauchnoy konferentsii po problemam russkoy kul'tury vtoroy poloviny XVII – nachala XVIII vekov, 8–11 iyulya 1993 g., pp. 68–86. (In Russ.)

Gorokhov S.V., Borodovskiy A.P. (2017). The baptismal crosses of Umrevinsky Ostrog. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, vol. 16, no. 3, pp. 98–107. (In Russ.)

Mamsik T.S. (2009). Chaussky Ob region: population and economy. The experience of retrospections based on the materials of the

18th–19th centuries. Novosibirsk, Izd-vo Sib. otd-niya Ros. akad. nauk, 228 p. (In Russ.)

Mamsik T.S. (2012). The first settlers of the Novosibirsk Ob region: based on the materials of the 17th – mid-19th centuries. Novosibirsk, Izd-vo Sib. otd-niya Ros. akad. nauk, 254 p. (In Russ.)

Mamsik T.S. (2013). Polish-Lithuanian component in Siberian family onomastics (XVII–XIX centuries). *Problemy rossiysko-pol'skoy istorii i kul'turny dialog: materialy Mezhdunar. nauch. konf.*, 23–24 apr. 2013 g. Novosibirsk, pp. 247–254. (In Russ.)

Mikshina E.V. (2018). The influence of the Pomor tradition of cult casting on the iconography of Siberian baptismal crosses in the 18th century (based on archaeological materials). *Drevnie i traditsionnye kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka: problemy, gipotezy, fakty: materialy LVIII Ros. (s mezhdunar. uchastiem) arkheologo-etnogr. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchennykh*. Omsk, pp. 168–171. (In Russ.)

Molodin V.I. (2007). Baptismal crosses of the Ilmsky Ostrog. Novosibirsk, INFOLIO, 248 p. (In Russ.)

Molodin V.I. (2010). Essays on staurography. Krasnoyarsk, 172 p. (In Russ.)

Ostrovskiy A.B., Fedorov Yu.A. (2007). Russian Orthodox cross in the collection of the Russian Ethnographic Museum. Saint Petersburg, Art-Palas, 347 p. (In Russ.)

Rezun D.Ya., Shilovskiy M.V. (2005). Siberia, late 16th – early 20th centuries: frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes. Novosibirsk, Sova, 196 p. (In Russ.)

Salnikova I.V. (2019). Baptismal crosses from the Krivoshekovo necropolis. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*, vol. 25, pp. 574–584. (In Russ.)

Salnikova I.V. (2020). Staurographic collection of the Krivoshekovo necropolis (typology, semantics). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 22, no. 1, pp. 67–77. (In Russ.)

Salnikova I.V., Timoshchenko A.A. (2020). Preliminary results of the study of the staurographic collection of the Spassky Cathedral necropolis (Kuibyshev – formerly Kainsk). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*, vol. 26, pp. 909–917. (In Russ.)

Sokolovskiy I.R. (1996). The clerk of the Umrevinsky Ostrog Alexey Kruglik and his father (biographies of two “officials” of the 17th – early 18th centuries). *Problemy istorii mestnogo upravleniya Sibiri XVII–XX vv.: tezisy dokl. Region. nauch. konf.*, Novosibirsk, 05–06 dek. 1996 g. Novosibirsk, pp. 8–9. (In Russ.)

Sokolovskiy I.R. (2000). Some sources of the formation and number of “Lithuania” in Siberia in the 17th century. *Belorusy v Sibiri*. Novosibirsk, iss. 2, pp. 16–53. (In Russ.)

Sokolovskiy I.R. (2004). Serving “foreigners” in Siberia in the 17th century. (Tomsk, Yeniseysk, Krasnoyarsk). Novosibirsk, Sova, 212 p. (In Russ.)

Vinokurova E.P. (1999). Metal baptismal crosses of the 17th century. *Kul'tura srednevekovoy Moskvy, XVII vek*. Moscow, pp. 326–360. (In Russ.)

Zaitseva E.V., Kening A.V. (2014). Funeral rites of the Russian old-timer population of the Lower Irtysh region in the 18th–19th centuries (based on the materials from the excavations of the Gornopravdinsky burial ground). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk, Tyumen, Ekaterinburg, vol. 1, pp. 23–27. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.06.2023

Дата рецензирования 30.09.2023

Статья принята к публикации 09.10.2023

DOI: 10.15372/HSS20230402

УДК 821.161'01'(470)"15"

EDN: WTIZTC

Л.И. ЖУРОВА

ПОСЛАНИЕ СВЯЩЕННИКУ БЛАГОВЕЩЕНСКОГО СОБОРА СИЛЬВЕСТРУ В РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ: ВОПРОСЫ АТРИБУЦИИ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В сборниках трудов Максима Грека, составленных русскими книжниками в конце XVI – начале XVII вв., находятся тексты, писателю не принадлежащие. Предметом настоящей статьи стали вопросы атрибуции Послания священнику Кремлевского Благовещенского собора Сильвестру – влиятельной личности в молодые годы царствования Ивана IV, активному государственному деятелю, публицисту середины XVI в. Приведены аргументы, указывающие на несостоятельность утвердившейся в науке точки зрения об авторстве Максима Грека. Не известны какие-либо сведения об общении Святогорца с московским священником, о знакомстве ученого инок с воеводой Никитой Борисовичем Колычевым и его семьей, ставшими персонажами сюжета Послания. Апелляции к адресату не соответствуют стилистике обращений Максима Грека к высокопоставленным личностям. Но установлены смысловые и текстуальные связи Послания с биографией и сочинением старца Артемия Троицкого. Высказано предположение о принадлежности ему настоящего памятника.

Ключевые слова: Максим Грек, Сильвестр, Никита Борисович Колычев, старец Артемий, атрибуция, послания, рукописная традиция.

Для цитирования: Журова Л.И. Послание священнику Благовещенского собора Сильвестру в рукописной традиции: вопросы атрибуции // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 4. С. 17–21. DOI: 10.15372/HSS20230402

L.I. ZHUROVA

THE EPISTLE TO THE PRIEST OF THE ANNUNCIATION CATHEDRAL SILVESTR IN THE MANUSCRIPT TRADITION: ATTRIBUTION ISSUES

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The author's name in the title of a medieval manuscript text is not always a reliable reference for attributing the text to that author. The collections of works of Maximus the Greek, compiled by the Russian scribes in the late 16th – early 17th centuries, contain texts that do not belong to the writer. One of the literary monuments, considered the author's text of Maximus the Hagiorite, is the Epistle to the Priest of the Kremlin Annunciation Cathedral Sylvester, who was an influential person in the young years of the reign of Ivan IV, an active public figure, and a publicist writer of the mid-16th century. The paper deals with the basic empirical constants of the monument attribution. It was preserved as part of the Trinity, Complete and Pomorye collections, along with the authentic Epistle of Maximus the Greek to Deacon Grigory. This proximity probably influenced the attribution of the Epistle to Sylvester to Maximus the Hagiorite. The paper presents arguments indicating the inconsistency of the point of view about the authorship of Maximus the Greek traditionally maintained by the humanitarian knowledge. The glorification of the addressee in the prescript of the Epistle to the Priest differs from the style of Maximus the Greek's appeals to high-ranking persons. The Epistle to Sylvester contains the author's request to the addressee for help to the widow and children of the perished military commander Nikita Borisovich, under whose name we must assume the voivode Nikita Borisovich Kolychev. There is no evidence of Maximus the Greek's acquaintance with Kolychev's family. But the name of a certain Nikita is mentioned in one of the untitled epistles by Staretz Artemy. Nothing is known about communication between Maximus the Greek

Статья выполнена по теме госзадания «Память о прошлом в письменных источниках XVI–XX вв.: актуализация событий, трансляция культурных традиций, исследовательские практики» (FWZM-2021-0005).

Людмила Ивановна Журова – д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института истории СО РАН, e-mail: zhurovansk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6796-0896>.

Ludmila I. Zhurova – The Chief Researcher, Doctor of Philology, associate professor. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of History SB RAS.

and Sylvester, and it is difficult to explain why Maximus the Greek could address Sylvester as his benefactor. At the same time, such a word would be understandable in the speech by Starets Artemy, who became the abbot of the Trinity Monastery on the recommendation of Sylvester. The above observations and certain stylistic features of the Epistle do not allow us to attribute the work to Maximus the Greek but allow us to assume the authorship of Starets Artemy.

Key words: Maximus the Greek, Sylvester, Nikita Borisovich Kolychev, Starets Artemy, attribution, epistles, manuscript tradition.

АКТУАЛЬНОСТЬ ЗАДАЧИ

Имя автора в названии средневекового рукописного текста не всегда является надежным референтом атрибуции сочинения [Преподобный ..., 2008, с. 373–404]. Сам Максим Грек в одном из посланий дьякону Григорию предупреждал: «Мнози бо развратни списатели пишут словеса лестна прекрасным глаголением земския премудрости и наричются великому Василию или Афонасию, или Златаусту, да надписаниемъ именъ святыхъ учителейъ прелщаютъ простыхъ» [Сочинения ..., 1862, с. 262]. Большое число сочинений Святогорца сохранилось в сборниках, составленных русскими книжниками в конце XVI – начале XVII вв., использовавшими не известные нам источники. Состав таких кодексов систематически пополнялся: например, если прижизненное Хлудовское собрание, 50-е гг. XVI в., насчитывает 73 (74) главы, то Нижегородско-Парижское собрание, конец XVI в., – 113 глав; Музейное, конец XVI в., – 118, Троицкое, 20-е гг. XVII в., – 130, Полное, 30-е гг. XVII в., – 151 глава. В поздние своды вошли некоторые переводные труды Максима, постановления различных соборов, сторонние сочинения, причем подавляющее число текстов надписано именем Максима Грека. Ревизия авторства сочинений публициста XVI в. – важная задача, актуальность которой обусловлена подготовкой издания 3-го тома трудов писателя.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ РЕФЕРЕНТЫ АТРИБУЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТЕКСТА

В статье рассмотрены основные эмпирические референты атрибуции Послания священнику Кремлевского Благовещенского собора Сильвестру [Сочинения ..., 1860, с. 379–381; Иванов, № 246] – влиятельной личности в молодые годы царствования Ивана IV, активному государственному деятелю, публицисту середины XVI в.

Науке известны самые разные, порой взаимоисключающие версии по ряду вопросов биографии кремлевского попа: об его идеологии, отношениях с Иваном Грозным, об атрибуции сочинений и т.д. Многообразие оценок исследователи объясняют «противоречием между скудостью источников о жизни и деятельности благовещенского священника и рано сложившейся легендой о его всемогуществе» [Буланин, Колесов, 1989, с. 323]. В такой контекст разнящихся концепций попадает и «Послание Сильвестру».

РУКОПИСНАЯ ИСТОРИЯ ПАМЯТНИКА

Памятник сохранился в составе собраний первой трети XVII в. – Троицком¹ и Полном², а также в генетически связанном с Троицким собранием Поморском кодексе³. Рукописная традиция очень устойчива. Основные разночтения, как правило, представляют собой писцовые ошибки. Так, в списке Поморского собрания, датируемом 1860 г., отметим чтение: «помиловал благовѣрному царю и самодержавному всеа Русии»⁴ вместо «поминал благовѣрному царю и самодержцу всеа Русии». В этом же списке приведена вставка, вероятно, составленная книжником (выделено курсивом): «се три сестры, да нѣчимъ отдати ихъ в законное супружество». Троицкие списки практически разночтений не имеют, кроме одного – более релевантного чтения в Троицк. 201: «прости руку помощи по твоему обычному благоугодному (богоугодному – Троицк. 201) милосердию»⁵.

Примечательно, что во всех названных рукописях за Посланием Сильвестру следует подлинное Послание Максима Грека дьякону Григорию, с которым его связывали дружеские отношения [Журова, 2023, с. 22–24]. Очень вероятно, что такое сопровождение повлияло на приписывание Святогорцу и Послания Сильвестру: тексты могли находиться в одном архиве, откуда их извлек редактор Троицкого собрания.

АПЕЛЛЯТИВЫ ПОСЛАНИЯ КАК РЕФЕРЕНТ АТРИБУЦИИ

Авторство Максима Грека назначено заголовком, сочиненным составителем сборника: «Послание Максима Грека Сильвестру попу». Название дано в эпистолярном жанре, которое, как правило, автором не надписано, скорее всего, составлено книжником, и оно не является абсолютным доказательством верификации авторского текста. Послание Сильвестру имеет все элементы архитектоники жанра: прескрипт, семантему и клаузулу. В прескрипте обращает на себя внимание апелляция к адресату: «Честнѣишему

¹ Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 304/1. Троицкое собр. № 200. Л. 362–362 об.

² Там же. № 201. Л. 552 об.

³ Там же. Ф. 247. Собр. Рогожской общины. № 341. Л. 457 об.; Российская национальная библиотека (РНБ). F.I.425, л. 473 об.–474; ГПНТБ СО РАН. ОРКиР. Л. 590–591 об. и др.; Тихомировское собр. № 271. Л. 590–591 об.

⁴ Там же. Тихомировское собр. № 271. Л. 590.

⁵ РГБ. Ф. 304/1. № 200. Л. 362 об.

во иереях Вышняго и всякими цвѣты добродѣтельными преукрашенному, и во искусствѣ и разумѣ богодухновенных Писании изящному разсудителю, господину Силвестру». Сравнение величания попа Силвестра с обращениями, например, к митрополиту Макарию в послании Максима Грека [Сочинения..., 1860, с. 357–367] указывает на принципиальные различия в стилистике авторов. Пышная велеречивость Послания Силвестру диссонирует с аристократической тональностью апелляций Максима Грека, адресованных московскому митрополиту: «твое преподобство, богоугоднѣ и апостололѣпне правяща кормила святѣишиа митрополиа Москвѣ и всеа Руси...», «Всесошященне владыко, божественнаго блаженства тезоимените...», «Блажен воистинну и треблаженъ ты еси, всесошященне владыко, аще пребудеши до конца, сице мудръствуя и исправляя», «Ты же, о Богом облагодатне, возмогаи всегда о Христѣ».

В Послании Силвестру автор как бы преподносит свое сочинение: «Прими убо словеса сиеца от мене с любовию». Он просит воздать хвалу Просветившему его, если слова «достохвална явятся твоему велеумию», и молит исправить их, если найдет какие-либо ошибки. Такой тип поведения вроде бы не характерен для Максима Грека. Вариант апеллятива «твое велеумие» находим в названии послания митрополитъему казначею Алексею: «Послание Максима инока, Святогорца, к препѣдобному жителю благоумну мужу Алексию...», которое тоже, вероятнее всего, составлено книжником. Что любопытно, памятник имеет ту же рукописную традицию, что и Послание Силвестру. И он знаменит тем, что Максим Грек сообщает здесь об отправке десяти тетрадей со своими сочинениями митрополиту и одной тетрадью к царю: «к ней же главы 27, та мною списана мудро добрѣ къ самому великому властелю»⁶. В самом послании Святогорец не величает адресата Алексия «благоумным», и такое обращение не встречается в посланиях писателя.

Самоуничижительная характеристика автора: «аз, ненаученый и худоумный, долженъ есмь сиецево искати разсуждение у тебе, толь многоученаго суща» – невозможна для Максима Грека. Но она встречается в сочинениях старца Артемия Троицкого. Например, в «Послании Люторским учителям» читаем: «азъ ненаученый покушюсь» [Послания, 1878, стб. 1205]; в «Послании князю Черторыйскому»: «от нас ненаученых и грубых» [Послания, 1878, стб. 1266]. Максим Грек в принципе не мог назвать себя «ненаученным», и мы не находим такого определения в его посланиях. Так, к высокопоставленным лицам,

митрополиту Макарию и царю Ивану IV, инок представляет себя: «воздати ми благоизволи, непотребному рабу твоему, божественных Спаса Христа Даровъ Причастие» [Сочинения ..., 1860, с. 364]; в Послании-просьбе Ивану Грозному о возвращении на Афон: «окаянный чернецъ Святогорецъ, богомолецъ крѣпкаго царствия твоего» [Там же, 1860, с. 377], «аз, худоумный и нищий богомолецъ твоея богохранимыя державы»; в Послании Михаилу Шуйскому – «нищен богомолецъ вашъ, Максимъ Святыхъ Горы» [Там же, 1860, с. 420]; в Послании князю Дмитрию Курлятеву: «Нищий богомолецъ вашъ онсица, много челомъ бию благородию твоему» [Там же, 1860, с. 394]. То есть, в обращении к светским лицам Максим Грек именует себя в первую очередь как «нищий богомолецъ».

ПЕРСОНАЖИ СЮЖЕТА ПОСЛАНИЯ

Будучи слышан («якоже слышу от всѣхъ») о милосердии Силвестра к требующим помощи, автор Послания «с добрым упованием» осмеливается обратиться с просьбой о помощи вдове и детям погибшего военачальника: «покоиника Никиты Борисовича, чтобы государь умилился и показал милость к нимъ, в велицей скудости и нужи живущимъ»⁷. О личности Никиты Борисовича существует несколько версий. Первые публикаторы Послания – Д.И. Голохвастов и арх. Леонид – считали, что речь идет о князе Н.Б. Ростовском-Приимкове [Голохвастов, арх. Леонид, 1874, с. 31–32]. В.С. Иконников опроверг это предположение, поскольку князь упоминается в документах 1577 г., и заключил: «Другого лица с подобным именем не встречается... Возможно, до Максима Грека дошел неверный слух по поводу опалы кн. Н.Б. Ростовского» [Иконников, 1915, с. 515]. А.А. Зимин полагал под именем Никиты Борисовича представителя старшей ветви боярских детей Колычевых-Хлызневых, который в 1552 г. погиб под Казанью [Зимин, 1964, с. 60]. Д.М. Буланин называет полкового воеводу Н.Б. Туренина [Буланин, Колесов, 1989, с. 326], но князь потомства не оставил [Власьев, 1906, с. 406]. Таким образом, более вероятно зрение А.А. Зимина.

Мог ли Максим Грек общаться с Колычевыми и знать такие подробности боярской семьи, как наличие «долга многа», как отсутствие приданого дочерям Никиты Борисовича: «се три сестры, да нѣчимъ отдати ихъ»? Это маловероятно. Не находим никаких упоминаний о знакомстве Максима Грека, находившегося с конца 40-х гг. XVI в. за стенами Свято-Троицкого монастыря, с Никитой Борисовичем Колычевым и его семьей. Трудно предположить их встречу.

⁶ «Главы поучительны к начальствующим правоверно» [Преподобный ..., 2014, с. 253–263].

⁷ Текст здесь и далее цит. по рукописи: РГБ. Ф. 304/1. № 200. Л. 362–362 об.

Но имя Никиты упомянуто в одном из посланий (без заглавия) старца Артемия, сохранившемся в рукописи конца XVI в.⁸: «О чем пытал нас Никита, и азъ ему сказывалъ тако, штобы никоже никому, ни мнѣ, ниже иному не вѣровалъ скоро, кроме свѣдѣтельства богодухновенныхъ Писании» [Послания, 1878, стб. 1394]. Таким образом, факт непосредственного общения инок Артемия с Никитой Колычевым очевиден, и есть основания полагать о сложившихся отношениях этих исторических персонажей в середине XVI в. и знакомстве старца с семьей воеводы.

Об истории общения Максима Грека и Сильвестра ничего не известно, кроме свидетельства настоящего Послания. Исследователи, как правило, ссылаются на него, принимая за достоверный источник [Курукин, 2015, с. 16]. Но можно ли этому источнику доверять? Установлен единственный факт, связывающий имена Максима Грека и Сильвестра: в знаменитой библиотеке благовещенского попа, хранившейся в Кирилло-Белозерском монастыре, куда наставник Ивана Грозного удалился после 1560 г., были две греческие рукописи – Апостол и Псалтырь, – с автографами Максима Грека, как установлено Б.Л. Фонкичем [Фонкич, 2003, с. 112]. Но трудно сказать, как эти книги попали к Сильвестру.

Автор Послания Сильвестру называет адресата своим благодетелем, а себя именует – «неключимый чернец»⁹. Как правило, в посланиях духовным лицам Максим Грек представляет себя как «многогрешный чернец», например, в «Послании неизвестной монахини о предсмертной схиме»: «Многогрѣшныи чрънецъ онѣсице много челом преподобнѣи инокыни, госпожѣ нашей имярек!»¹⁰. Не известно, за какие поступки иерея Максим Грек мог бы назвать Сильвестра своим благодетелем. Но такое величание было бы оправдано в устах старца Артемия, ставшего в 1551 г. игуменом Троице-Сергиева монастыря по рекомендации Сильвестра. Кремлевский поп по «государеву велению» испытывал старца перед поставлением его игуменом Сергиевой обители: «Государь Артемью велѣлъ пробыти въ Чудовѣ, а мнѣ велѣлъ призывати и смотрити въ немъ всякаго нрава и духовныя ползы; и тогда отъ устъ Артемьевыхъ ученья книжнова довольно ми показалось» [Московские соборы ..., 1847, с. 19].

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИМЕТЫ

Клаузула в «Послании Сильвестру» построена на пожелании адресату сохранения его благодатью

Христа: «Господь Богъ нашъ Исус Христос да сохранятъ тя всегда во благодати Своеи!».

В этой же эпистолярной формуле, заключающей целый ряд посланий Максима Грека, употреблен синоним предикату «сохраняет» – «соблюдаетъ»: «Спасъ тебя да съблюдаютъ от всякия напасти и зависти видимыхъ врагъ и невидимыхъ» (Послание Георгию) [Сочинения, 1860, с. 424–425]; «Здрава ты и душею, и тѣломъ да соблюдаетъ всегда Господь и да избавить от настоящихъ лютыхъ» (Послание князю Димитрию) [Сочинения, 1860, с. 394]; «Здравыхъ и въ всякой тишини и твердости, и радости да соблюдаютъ всегда Господь Исусъ Христосъ всѣхъ васъ!» (Послание Петру Шуйскому) [Сочинения, 1860, с. 420]; «Человѣколюбивый Господь да съблюдаютъ намъ тебе, священнѣиши владыко, на многа лѣта, да и насъ святыми твоими молитвами да съблюдаютъ всегда въ всякомъ православи и правосудии» (О католических орденах) [Ржиг, 1935–1936, с. 101]. Устойчивость словоупотребления глагола «соблюдаетъ», наверное, может служить приметой речи Святогорца и атрибутирующим признаком его посланий. У старца Артемия только в одном послании заключительная формула содержит этот же мотив, но выражен он иначе: «От их же учения да покрить насъ Христос Богъ нашъ» [Послания, 1878, стб. 1266]. Приведенные наблюдения над стилем речи не позволяют безоговорочно признать принадлежность Послания Сильвестру Максиму Греку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопросы атрибуции сочинений Максима Грека – задача очень ответственная. Из 364 сочинений, отнесенных А.И. Ивановым к литературному наследию публициста [Иванов, 1969], Святогорцу принадлежат примерно 150 текстов. Предложенный в данной статье опыт решения поставленной задачи лишний раз убеждает в необходимости комплексного анализа текста – лингвистического, стилистического, текстологического, исторического. Наряду с установлением формальных признаков атрибуции (например, предложенный В.Ф. Ржигой родительный падеж на –ех) необходимо интерпретировать содержание Послания, искать системные и текстуальные связи с другими сочинениями автора, учитывать историко-культурный контекст бытования произведения.

Изучение содержания, истории текста, контекста, наблюдения над стилистикой повествования «Послания Сильвестру попу» позволяют поставить под сомнение установившуюся в науке точку зрения об авторстве Максима Грека. Скорее всего, заголовок с его именем в Послании Сильвестру появился под влиянием авторского «Послания дякону Григорию» (о пьянстве), которое постоянно находится рядом с

⁸ РГБ. Ф. 310. Собр. Ундольского. № 494. Филигрань установлена А.А. Манохиным, за что приношу ему огромную благодарность: Лауцявичус, № 2729, 1597–1599 гг.

⁹ Неключимый – негодный, непотребный.

¹⁰ РГБ. Ф. 256. Собр. Румянцева. № 264. Л. 203.

ним в составе поздних сводов. Стилистические приметы (апеллятивы, устойчивые сочетания, самоуничижительные формулы) Послания Сильвестру не находят аналогов в сочинениях Святогорца. Отсутствие каких-либо данных о знакомстве Максима Грека с Сильвестром, с Никитой Борисовичем Колычевым не позволяет содержание Послания связывать с биографией ученого монаха. Но ряд реалий, наблюдаемых в Послании Сильвестру, дает основание для гипотезы о принадлежности текста старцу Артемию Троицкому.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буланин Д.М., Колесов В.В. Сильвестр // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Л., 1989. Ч. 2. С. 323–333.

Власьев Г.А. Потомство Рюрика: материалы для составления родословий. СПб.: Т-во Р. Голике и И. Вильборг, 1906. Т. 1, ч. 2. 467 с.

Голохвастов Д.П. и арх. Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1874. Кн. 1, отд. 1. С. 31–32.

Журова Л.И. Послания Максима Грека дьякону Григорию: текстология, атрибуция, поэтика // Герменевтика древнерусской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2023. Сб. 22. С. 7–28.

Зимин А.А. Колычевы и русское боярство XIV–XVI вв. // Археографический ежегодник за 1963 год / отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.: Наука, 1964. С. 56–71.

Иванов А.И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография. Л.: Наука, 1969. 248 с.

Иконников В.С. Максим Грек и его время. Киев, 1915. 758 с.

Курукин И.В. Жизнь и труды Сильвестра, наставника Ивана Грозного. М., 2015. 192 с.

Московские соборы на еретиков XVI в. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1847. Кн. 3, отд. 2. С. 1–30.

Послания старца Артемия XVI в. // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Петербург, 1878. Т. 4: Памятники полемической литературы в Западной Руси. Стб. 1202–1448.

Преподобный Максим Грек. Сочинения. М.: Индрик, 2008. Т. 1. 568 с.

Преподобный Максим Грек. Сочинения. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. Т. 2. 432 с.

Ржизга В.Ф. Неизданные сочинения Максима Грека // Byzantinoslavica. Praha, 1935–1936. Т. 6. С. 85–108.

Сочинения преподобного Максима Грека, изданные Казанской духовной академией. Казань, 1860. Ч. 2. 460 с.

Сочинения преподобного Максима Грека, изданные Казанской духовной академией. Казань. 1862. Ч. 3. 296 с.

Фонкич Б.Л. Греческие рукописи в монастырских библиотеках России в середине XVII в. // Греческие рукописи и документы в России. М.: Индрик, 2003. С. 110–114.

REFERENCES

Artemy (elder). (1878). The epistles of Starets Artemy, the 16th century. *Russkaya istoricheskaya biblioteka izdavaemaya arkheograficheskoy komissiiyey*. Peterburg, vol. 4, bk. 1, col. 1201–1448. (In Russ.)

Bulanin D.M., Kolesov V.V. (1989). Sylvester. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Leningrad, iss. 2, pt. 2, pp. 323–333. (In Russ.)

Fonkich B.L. (2003). Greek manuscripts in the monastery libraries of Russia in the middle of the 17th century. *Grecheskie rukopisi i dokumenty v Rossii*. Moscow, pp. 110–114. (In Russ.)

Golokhvastov D.P., Leonid (archim.). (1874). Priest Sylvester of the Annunciation Cathedral and his writings. *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete*, bk. 1, pp. 1–110 (1st. pag.). (In Russ.)

Ikonnikov V.S. (1915). Collection of historical works. Vol. 1: Maximus the Greek and his time: historical research. Kiev, Tip. Imp. un-ta sv. Vladimira, 640 p. (In Russ.)

Ivanov A.I. (1969). The literary heritage of Maximus the Greek. Characteristics, attribution, bibliography. Leningrad, Nauka, 248 p. (In Russ.)

Kurukin I.V. (2015). The life and works of Sylvester, the mentor of Ivan the Terrible. Moscow, Kvadriga, 192 p. (In Russ.)

Maximus the Greek (reverend). (2008). Writings. Vol. 1. Moscow, Indrik, 568 p. (In Russ.)

Maximus the Greek (reverend). (2014). Writings. Vol. 2. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 432 pp. (In Russ.)

(1847). Moscow assemblies against heretics of the 16th century during the reign of Ivan Vasilyevich the Terrible. *Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete*, no. 3, pp. 1–30 (2nd pag.). (In Russ.)

Maximus the Greek (reverend). (1860). Writings by Reverend Maximus the Greek. Pt. 2. Kazan, Tip. Gubernskogo pravleniya, 460 p. (In Russ.)

Maximus the Greek (reverend). (1862). Writings by Reverend Maximus the Greek. Pt. 3. Kazan, Tip. Gubernskogo pravleniya, 296 pp. (In Russ.)

Rzhiza V.F. (1935–1936). The unpublished works by Maximus the Greek. *Byzantinoslavica*. Prague, 1935–1936, vol. 6, pp. 85–108.

Vlasyev G.A. (1906). Rurik's descendants: materials for compiling genealogies. Vol. 1, pt. 2. Saint Petersburg, T-vo R. Golike i A. Vil'borg, 467 p. (In Russ.)

Zhurava L.I. (2023). The epistles of Maximus the Greek to Deacon Grigory: textual studies, attribution, poetics. *Germentevika drevnerusskoy literatury*. Moscow, bk. 22, pp. 7–28. (In Russ.)

Zimin A.A. (1964). The Kolychevs and the Russian boyars of the 14th–16th centuries. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1963 god*. Moscow, pp. 56–71. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.08.2023

Дата рецензирования 09.09.2023

Статья принята к публикации 21.09.2023

DOI: 10.15372/HSS20230403

УДК 069 (476)

EDN: ASLKXO

Т.А. ДЖУМАНТАЕВА

НАСЛЕДИЕ ПРЕПОДОБНОЙ ЕВФРОСИНИИ, КНЯЖНЫ ПОЛОЦКОЙ: МУЗЕЕВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник,
Республика Беларусь, 211415, г. Полоцк, ул. Нижне-Покровская, 22
Белорусский государственный университет культуры и искусств,
Республика Беларусь, 220007, г. Минск, ул. Рабкоровская, 17

Предстоящий 900-летний юбилей старейшего Спасо-Евфросиниевского монастыря возвращает нас к необходимости пересмотра известных исторических и культурологических фактов, связанных с деятельностью выдающейся личности в истории Полоцка и православной церкви – преподобной Евфросинии Полоцкой.

В статье учтены результаты недавних научных публикаций на заданную тему и по-новому решены некоторые вопросы репрезентации, интерпретации, актуализации и освоения материального и духовного наследия преподобной Евфросинии. С учетом последних научных исследований дан обзор объектов наследия. Кроме того, в свете музеефикации исторической территории Полоцка и превращения его в город-музей автор считает уместным и своевременным рассматривать перспективные возможности реконструкции христианской традиции через актуальные и доступные для широкой аудитории формы репрезентации наследия преподобной Евфросинии.

Ключевые слова: преподобная Евфросиния, историко-культурное наследие, репрезентация, Спасо-Евфросиниевский монастырь, житийная (агеографическая) литература, полоцкая школа архитектуры, воздвизальный крест Лазаря Божию, икона Богоматери Одигитрии Эфесской, ансамбль фресок Спасо-Преображенской церкви.

Для цитирования: Джумантаева Т.А. Наследие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой: музееведческий аспект // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 4. С. 22–30. DOI: 10.15372/HSS20230403

Т.А. JUMANTAYEVA

THE HERITAGE OF ST. EUPHROSYNE, PRINCESS OF POLOTSK: MUSEOLOGICAL ASPECT

National Polotsk Historical and Cultural Museum-Reserve,
22, Nizhne-Pokrovskaya Str., Polotsk, 211415, Belarus
Belarusian State University of Culture and Arts,
17, Rabkorovskaya Str., Minsk, 220007, Belarus

The relevance of the topic is caused by the approaching 900th anniversary of the Polotsk Savior-Euphrosyne Convent and the significance comprehension and perception of the heritage of Reverend Euphrosyne of Polotsk for modern people.

Thanks to the adoption of Christianity and the spread of writing, the borrowing of Byzantine cultural models and the influence of Western European culture, in the 11th–12th centuries, the lands of modern Belarus entered the stage of European history. Euphrosyne of Polotsk played a major role in the political, economic and cultural development of the Polotsk land. The first East Slavic woman canonized by the Orthodox Church, she stood at the origins of the material embodiment of spiritual heritage of universal human values, perceived and transformed by her through rewriting and translating liturgical books, the construction of churches and the creation of iconographic programs for their decoration and the establishment of Christianity. The masterpieces of architecture, painting and decorative art created with her participation became the material embodiment of the spiritual heritage of the enlightener herself and had a significant impact on the spiritual and cultural development of other countries and peoples.

Тамара Александровна Джумантаева – канд. культурологии, доцент, Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник, Белорусский государственный университет культуры и искусств, e-mail: tamara.jum@gmail.com; https: orcid.org/0000-0003-4792-7770).

Tamara A. Jumantayeva – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, National Polotsk Historical and Cultural Museum-Reserve, Belarusian State University of Culture and Arts.

The museological aspect of representation of the heritage of Reverend Euphrosyne, developed by the author, involves making her heritage relevant and accessible to a wide audience, up to interaction with the heritage through interactive museum tools, while maintaining a deep spiritual meaning.

The article highlights current and prospective forms of representing the heritage of a unique personality in the history of Belarus and the Orthodox Church – Reverend Euphrosyne of Polotsk.

Key words: Reverend Euphrosyne, historical and cultural heritage, representation, Savior-Euphrosyne Convent, hagiographic literature, Polotsk school of architecture, Exaltation cross of Lazar Bogsha, Icon of the Mother of God Hodigitria of Ephesus, fresco ensemble of the Transfiguration Church of the Savior.

ВВЕДЕНИЕ

В преддверии грядущего исторического и религиозного события – 900-летия Полоцкого Спасского монастыря, которое будет праздноваться в 2025 г., для российской и белорусской гуманитарной научной общественности важное значение будет иметь проблематика музейной репрезентации духовного и культурного наследия эпохи уникальной личности в истории Беларуси и православной церкви – преподобной Евфросинии Полоцкой. Русская православная церковь называет ее покровительницей женского монашества, игуменьей, создавшей один из первых восточноевропейских монастырей – Спасский, который с середины XIX в. называется Спасо-Евфросиниевским [Полоцкое Радование, 2010, с. 103].

Сегодня это крупный ставропигиальный женский монастырь (более 130 насельниц) с богатейшей

историей и уникальными памятниками, где каждый день начинается молитвой у мощей преподобной Евфросинии, которые монастырь хранит с 1910 г. (рис. 1). Сестры Спасо-Евфросиниевского монастыря несут различные послушания: в церкви, на просфорне, на кухне, в трапезной, на огороде, в архиве, в библиотеке. В швейной мастерской изготавливают монашескую одежду, облачения для священнослужителей и различные предметы церковного обихода. В монастыре возродили традиции золотого и лицевого шитья, устроили иконописную мастерскую. В монастыре работает издательский отдел, имеется переплетная мастерская. При обители действует воскресная школа, которую посещают более 120 детей.

Накануне юбилея на территории монастыря будет возведен новый корпус монастырской трапезной (4 тыс. м²), будет закончена реставрация Спасо-Пре-

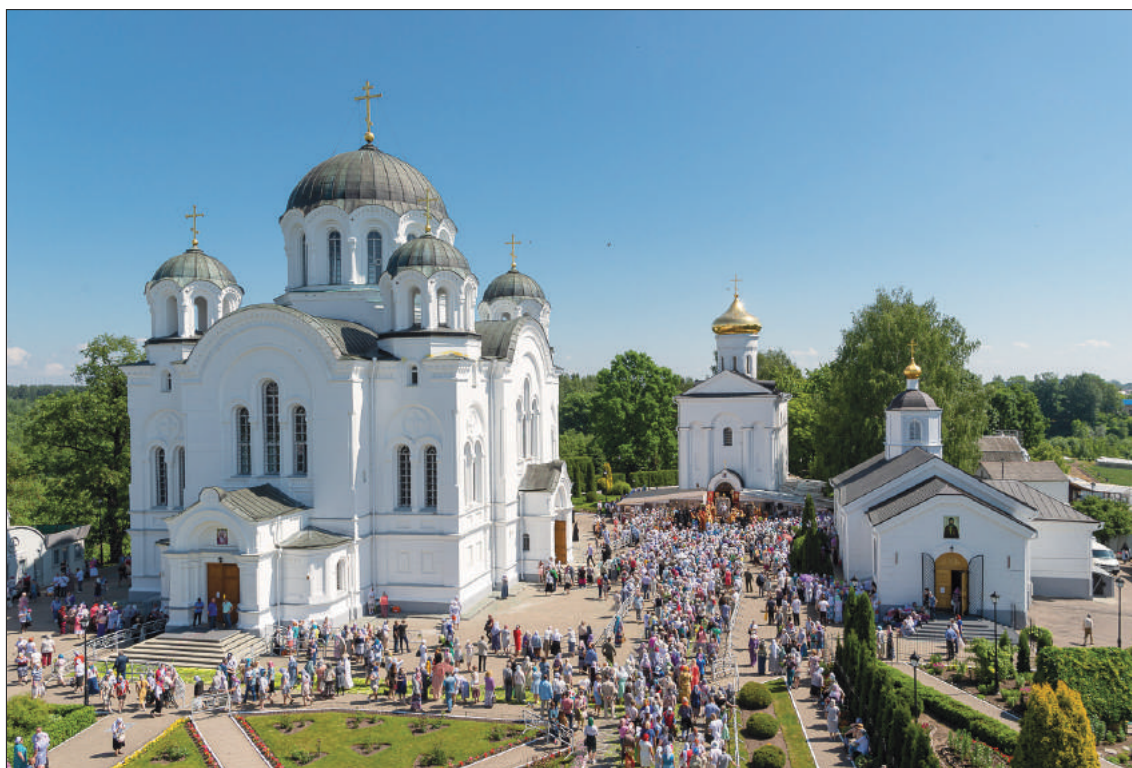

Рис. 1. Спасо-Евфросиниевский монастырь в Полоцке.

Fig. 1. Polotsk Savior-Euphrosyne Convent.

ображенской церкви, которая по заказу Евфросинии была построена полоцким зодчим Иоанном. «Благодаря новейшим открытиям, сделанным во время раскрытия фресковой росписи, уже не приходится сомневаться в деятельном участии игуменнии в составлении иконографической программы всей декорации Спасской церкви, выполненной около 1161 г.» [Сарабянов, 2016, с. 366].

В городе откроются новые музейные экспозиции, связанные с историей монастыря и подвижнической деятельностью Святой Евфросинии Полоцкой.

В Художественной галерее (филиале Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника) открыта стационарная выставка «Стенопись XII–XIX веков Спасского храма в Полоцке» [Джумантаева, 2020, с. 171]. Экспозиция, создававшаяся на протяжении шести лет (2013–2019), рассказывает об уникальной полоцкой школе архитектуры и о монументальной живописи Спасо-Преображенского собора XII–XIX вв. Работы по раскрытию фресок осуществлялись одновременно с отслоением и переносом на новую постоянную основу поздней масляной живописи XVIII–XIX вв. Фрески остались в Спасском соборе, а отслоенная живопись перенесена в галерею, благодаря чему сегодня можно увидеть три интерьера храма: в самом храме – фрески XII в., а в галерее – живопись XVIII в., 1837 и 1885 гг.

Кроме того, в экспозиции представлены археологические находки, копии фресок XII в. и их графические прорисы, макеты полоцких памятников архитектуры XII в., предметы литургического обихода и личного благочестия, а также цифровые проекции и фильмы, рассказывающие об уникальных технологиях отслоения масляной живописи XVIII–XIX вв.

В 2019 г. на Международном научно-практическом семинаре «На пути к справедливому обществу: женщины в общественной жизни, науке, культуре», который проходил в Новосибирске, мы представляли доклад о материальном воплощении духовного наследия Святой Евфросинии Полоцкой [Джумантаева, 2019, с. 74–85]; где акцентировалось внимание на ее непосредственном влиянии на создание объектов материальной и духовной культуры или участия в этом процессе: Жития, Полоцкого Евангелия и других рукописных книг, Креста Лазаря Богши, Спасской церкви с ансамблем фресковой росписи, иконы Эфесской Богоматери, актов печатей, певческого цикла о Евфросинии Полоцкой (стихиры). За прошедшие четыре года появились новые научные материалы, искусствоведческие и археологические источники, которые будут использоваться нами для того, чтобы в музеевском аспекте исследовать проблемы репрезентации культурного наследия преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, и представить новые смыслы и находки в экспозиции, о которой речь шла выше.

Музейная репрезентация наследия преподобной Евфросинии Полоцкой является сложной исследовательской проблемой. Ее личность и священный статус требуют особого подхода к представлению в музейном пространстве. Одной из ключевых задач является балансирование между религиозным почитанием и музейным документированием.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК МЕТОД

Музейная репрезентация рассматривается нами как метод и процесс реконструкции действительности для построения экспозиции. «Музейная репрезентация – это процесс реконструкции действительности через создание ее модели на основе актуализации аккумулированной музейными предметами информации, накопленной музейными предметами, и ее дальнейшая трансляция посредством музейной коммуникации» [Гаўрылава, 2023, с. 3]. Музейные предметы как объекты той реальности, в которой они создавались, функционировали и из которой были извлечены в процессе музейного комплектования, содержат информацию об этой реальности. В результате музейного тезаврирования информация, содержащаяся в предмете, дешифрируется, и предмет не только приобретает значение самостоятельного символа, но и становится частью контекста музейной коллекции. В музейной экспозиции каждый предмет-символ имеет свое основное и вторичное (скрытое) значение. Они создают символический образ реальности, а сама экспозиция выступает как визуальная форма этого образа, т.е. репрезентирует реальность.

Музейная репрезентация действительности представляет собой многоуровневый процесс, на первом уровне которого аккумулируются информация, смыслы и значения, содержащиеся в музейных предметах. В процессе комплектования (сбора), когда объект находится в привычной ему среде бытования, нужно определить его информационный потенциал и место в той объективной реальности, в которой он существовал и выполнял свои утилитарные функции.

Реконструкция действительности происходит непосредственно на втором уровне репрезентации, когда осуществляется интерпретация объектов историко-культурного наследия. Музейная экспозиция представляет собой так называемую визуальную интерпретацию исторических событий, явлений, фактов, которую создают знаки и коды, воплощенные в материальные оболочки – музейные предметы. В процессе проектирования происходит отбор музейных предметов из коллекции и поиск смысловых связей между предметами на основе научной концепции и художественного проекта. Далее осуществляется визуализация, связанная с непосредственным созданием музейной экспозиции как физического воплощения образной модели реальности.

Взаимодействие представленной музеем модели реальности и посетителей составляет суть третьего уровня, на котором с помощью различных коммуникативных практик транслируются заложенные в экспозиции смыслы. Репрезентация действительности в музее выполняет кумулятивную (накопление смыслов, содержащихся в музейных предметах), организационную (организация всего массива информации на основе определенных принципов), коммуникативную (актуализированная информация транслируется посетителям в процессе музейной коммуникации) функции, а также функцию конструирования (репрезентация предполагает реконструкцию действительности через создание ее модели). В качестве модели выступает музейная экспозиция.

ОБЗОР И НАУЧНАЯ ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ

Главным источником, дающим информацию для музейной репрезентации интересующего нас периода, является Житие преподобной Евфросинии, которое считается памятником не только восточнославянской агиографической литературы XII в., но и исторической. Оно дошло до нашего времени в нескольких редакциях и более чем в 150 списках XVI–XVIII вв., что свидетельствует о популярности этого произведения и о традициях почитания преподобной Евфросинии [Мысливец, 2015, с. 10–11].

В 2020 г. в научной литературе появился ранее не упоминавшийся текст Жития краткой проложной редакции. Он был обнаружен в рукописном Простом (нестишном) прологе, хранящемся во Львовском историческом музее (№ 108) [Журина, 2020].

В 2012 г. Спасо-Евфросиниевский монастырь опубликовал самый полный текст Жития (редакция XVI в.), переведенного с древнерусского языка профессором МГУ В.В. Кусковым и адаптированного составителями для современного читателя [Житие..., 2012]. Текст дополнен необходимыми комментариями и проиллюстрирован клеймами житийной иконы преподобной Евфросинии.

Житие представляет собой ценный источник для изучения религиозных и социокультурных аспектов жизни средневекового Полоцка. В нем описываются детали жизни и подвига святой, рассказывается о ее взаимодействии с окружающим миром, раскрывается ее духовное влияние, общественный вклад и значимость в современном контексте. Сегодня, когда ценности и традиции имеют особое значение, Житие сохраняет свою актуальность, продолжая вдохновлять и возвышать души верующих и искателей истины.

Находка в 2015 г. четвертой актовой печати Евфросинии Полоцкой (впервые в идеальной сохранности, читаемой) во время археологических исследований Спасской церкви подвигла историка и археолога

С.В. Тарасова, посвятившего свою жизнь изучению Полоцка, написать книгу о преподобной, где автор не только собрал все известные материалы о Евфросинии Полоцкой, но и сделал попытку время, в котором она жила, отобразить «человечным, цветным и предметным» [Тарасаў, 2021, с. 3]. Во время раскопок на Великом посаде (торгово-ремесленный центр Полоцка) еще в 1988 г. С.В. Тарасов нашел усадьбу полоцкого ювелира XII в., занимавшую 1500 м². В Полоцке в XII в. проживало более 14 тыс. чел., а его площадь достигала 80 га [Кирпичников, 2016, с. 231]. Усадьба с ювелирной мастерской могла принадлежать Лазарю Богше, изготовившему по заказу преподобной Евфросинии в 1161 г. легендарный воздвизальный крест-реликварий для Спасской церкви [Тарасаў, 2022, с. 289–307].

Во время археологического сезона 2023 г. на Нижнем замке, недалеко от Великого посада, археологами было обнаружено 700 тиглей для плавки цветных металлов и стекла, фрагмент необработанного золотого изделия, много стеклянных глазчатых бусин. Впору говорить не об отдельных ювелирных мастерских, а о целом городском квартале, где жили и работали ювелиры. Развитие этого ремесла было связано в первую очередь с ранним принятием христианства. «В русском летописании говорится про то, как Рюрик отдал одному из своих “мужей” Полоцк, а значит допустить, что при “муже” и началось крещение в понимании византийцев. Тогда понятно, почему русские летописи ничего не сказали о крещении полочан при Владимире. Если следовать византийской историографии, полоцкие кривичи были к этому времени уже сто лет как крещены» [Петров, Гурецкий, 2017, с. 16].

История духовной и церковной жизни Полоцка данного периода, распространение письменности и книжности, развитие архитектуры и монументальной живописи позволяют утверждать, что значительный культурный импульс шел сюда из Византии. Положение города – на важном торговом пути «из варяг в греки» – давало возможности не только активно торговать, но и иметь политические, культурные и религиозные связи с многочисленными государствами на пространстве от Балтийского до Черного моря.

X–XIII вв. – это время существования независимого Полоцкого княжества и время мирного распространения христианского учения, сосуществовавшего одновременно с язычеством несколько веков. Особой категорией предметов личного благочестия, подтверждающих этот тезис, являются амулеты-змеевики, выполненные в виде монетоподобных подвесок или круглых складней с изображением христианской символики на лицевой стороне и «змеино-гнезды» с надписями, содержащими заклинания, – на оборотной. Их изображения появляются даже на фресках Спасской церкви [Тарасаў, 2021, с. 182].

Расцвет Полоцкого княжества связан с периодом правления легендарного князя Всеслава Брючиславича (1044–1101) – деда Евфросинии Полоцкой. Он построил в середине XI в. Софийский собор, где первые восемь лет послушания провела юная монахиня, переводя и переписывая книги.

Одним из наиболее древних памятников полоцкого зодчества, созданных после Софийского собора, стал крупный Георгиевский храм в местечке Сельцо (в 2 км от Софийского собора), здесь находилась усыпальница полоцких епископов. Туда из Софийского собора и отправилась в 1125 г. Евфросиния создавать свой монастырь.

На XII в. приходится активное каменное строительство в Полоцке. На территории княжеской загородной резиденции был построен Бельчицкий Борисоглебский монастырь с четырьмя храмами, на Верхнем замке рядом с Софийским собором были возведены два больших храма, один из которых стал прообразом смоленского собора Архангела Михаила. К сожалению, в разное время они были разрушены. Некоторое представление об архитектуре и убранстве этих церквей мы имеем благодаря экспедициям М.К. Каргера, П.А. Раппопорта, И.М. Хозерова, Н.Н. Воронина, Н.Н. Щекотихина, Л.В. Алексеева и искусствоведческим обобщениям А.А. Селицкого [Сарабьянов, 2016, с. 13–14]. В строительстве церквей на территории Бельчицкого монастыря мог принимать участие полоцкий зодчий Иоанн, который по заказу преподобной Евфросинии построил за 30 недель (один строительный сезон), как говорится в Житии, Спасскую церковь.

Житие не называет точной даты создания монастыря и строительства Спасской церкви, но упоминает о благословении Евфросинии епископом Ильей и участии в этом проекте князя Бориса Всеславича (оба умерли в 1128 г.). Поэтому дата – 1125 г. – вполне приемлемая, хотя на конец 1120-х гг. приходится период политической нестабильности, вызванный походом русских князей против Полоцка и высылкой полоцких князей с сыновьями на 10 лет в Константинополь. Евфросиния, оставшаяся в городе, могла в этот период возглавить государство [Янин, 1970, с. 17–19]. Отсюда – наличие актов печатей с ее именем, последняя из которых была найдена во время исследования в 2015 г. впервые обнаруженных галерей, которые примыкали с трех сторон к Спасской церкви и просуществовали до XVII в.

Ссылка полоцких князей с семьями оказалась полезной для дальнейшего налаживания дипломатических отношений с Византией. Из Константинополя Евфросиния смогла получить различные святыни и реликвии, а также список с чудотворной иконы Богоматери Одигитрии Эфесской (рис. 2), которая, по приданию, была написана евангелистом Лукой [Петров, Гулецкий, 2020, с. 71–78]. Икона была поставлена в

церкви Богородичного мужского монастыря, построенного Евфросинией, и сразу стала одной из главных святынь Полоцка. Сегодня в Спасском монастыре находится копия этой иконы, а сама икона после того, как ею благославили полоцкую княжну Александру на брак с Александром Невским в Торопце, попала в Русский музей. В данный момент Русский музей передал ее на временное хранение в действующий храм Александра Невского в Подмоскowie. В монастырской иконописной мастерской написано несколько копий, одна из них передана в экспозицию Художественной галереи.

Такой же важной святыней для христиан стал Крест Лазаря Богши. Прибывшие с посольством реликвии были вложены в крест, который Евфросиния заказала как воздвизальный для Спасского храма полоцкому ювелиру Лазарю Богше. Восьмиконечный крест был изготовлен и положен в алтаре церкви в 1161 г. Он был на редкость информативным: надписи говорили о заказчице, исполнителе, времени и цене, а также заклетию – не выносить крест из монастыря. Тем не менее в XVI в. крест оказался у Ивана Грозного, который вернул его в Полоцк во время оккупации города в 1563 г., затем – у иезуитов, в XVIII–XIX вв. – в Софийском соборе, а в 1930-е гг. был вывезен в Могилев, откуда бесследно пропал в 1941 г. Многие годы велись поиски святыни, но пока безуспешно...

В 1997 г. после долгого научного изучения и возрождения утраченной техники перегородчатой эмали, в которой были выполнены на кресте миниатюры святых, в канун праздника Воздвижения Креста Господня в Спасский монастырь был торжественно доставлен воссозданный Крест, изготовленный брестским ювелиром Н.П. Кузьмичом по образцу древнего. В 2007 г. была воссоздана и серебряная рака, изготовленная по эскизам, сделанным с фотоснимков 1910 г. [Полоцкий Спасо-Евфросиниевский ..., 2023].

При жизни преподобной Евфросинии Спасо-Преображенский храм был расписан фресками, полностью сохранившимися до настоящего времени. Ансамбль фресок Спасской церкви представляет собой абсолютно уникальное явление в культурном наследии преподобной. По полноте сохранности первоначальной декорации Спасская церковь сравнима только с ансамблями Софии Киевской (1040-е гг.) и собора Мирожского монастыря во Пскове (около 1140 г.). Манера живописи, характерная для византийского искусства зрелого Комниновского периода, во фресковой декорации Спасо-Преображенского храма в Полоцке близка к таким выдающимся образцам второй половины XII в., как росписи церкви Св. Пантелеймона в Нерези (около 1164 г.) и мозаика базилики Рождества Христова в Вифлееме (1168 г.) [Сарабьянов, 2016, с. 15].

Росписи Спасской церкви отличаются особой художественной целостностью, которая свидетельству-

ет о работе опытной сплоченной артели художников, объединявшей как местных мастеров, так и приглашенных из других русских земель и возглавляемой, вероятнее всего, византийским фрескистом. Такой вывод представляется уместным, принимая во внимание династические и церковные связи полоцкого княжеского рода и самой преподобной Евфросинии с Константинополем. Вместе с тем состав росписи обусловлен и оригинальными местными традициями, которые были характерны для Древней Руси и получили реализацию благодаря непосредственному участию в создании фресок Спасо-Преображенской церкви самой преподобной Евфросинии, которая и определила состав основных звеньев иконографической программы своего храма [Сарабянов, 2016, с. 423].

В ходе реставрационных работ на Спасской церкви в ее стенах были обнаружены 7 аркосолий (погребальных ниш) разных размеров, а внутри фундамента южной галереи – плинфовый трехкамерный саркофаг, служивший криптой (местом захоронения); что подтверждает факт создания Спасского храма как усыпальницы. Это подтверждает предположение, что в росписях Спасской церкви значительное место было отведено поминальной и патрональной про-

грамме, автором которой, бесспорно, была сама преподобная. В ансамбле росписей представлен святой великомученик Георгий – небесный патрон отца преподобной Евфросинии, полоцкого князя Святослава-Георгия, а также изображены Борис и Глеб – святые, соименные двум старшим братьям Георгия и соответственно дядьям преподобной.

Приведенные данные показывают, что первичным в выборе святых для росписи значительного объема храма являлся патрональный принцип. Преподобная Евфросиния выбирала святых покровителей своих ближайших родственников – отца, трех его родных братьев и своего родного брата. Важен тот факт, что к моменту создания фресковых росписей Спасского храма отец преподобной и три его родных брата, небесные покровители которых включены в данную патрональную программу, уже давно умерли; таким образом, изображения носят и очевидный поминальный акцент. Патрональную программу стенописей продолжают изображения из четырех фигур святых жен, одна из которых – преподобная Евфросиния Александрийская – небесная покровительница полоцкой игуменьи (рис. 3). Средоточием патрональной программы капеллы на хорах является ктитор-

Рис. 2. Икона Богоматери Одигитрии Эфесской.

Fig. 2. Icon of the Mother of God Hodigitria of Ephesus.

Рис. 3. Святая Евфросиния Александрийская. XII в. Фреска Спасо-Преображенской церкви.

Fig. 3. Saint Euphrosyne of Alexandria. 12th century. Fresco of the Transfiguration Church of the Savior.

ский портрет самой Евфросинии Полоцкой, подносящей модель Спасского храма Спасителю, благословляющему преподобную с небес. Портрет расположен в западной части придела на хорах, где находилась келья преподобной. Патрональная программа росписи храма выходит за рамки чисто поминального контекста, в ней выражаются идеи общепросветительного характера, связанные с христианизацией восточнославянских земель, историей монашества и ролью в этом процессе семьи преподобной Евфросинии. Исследовав «патронально-киторскую программу» росписи храма, В.Д. Сарабьянов сделал вывод, что «... середина XII столетия явилась тем периодом, когда весь комплекс патрональных, поминальных и киторских тем обрел в древнерусской храмовой декорации целостность и структурность. Росписи Спасской церкви Евфросиниева монастыря свидетельствуют об этом, демонстрируя нам вариативность и многополярность в раскрытии этой темы и в то же время оставаясь памятником, запечатлевшем внутренний духовный мир преп. Евфросинии Полоцкой» [Сарабьянов, 2016, с. 302].

Стены Спасо-Преображенской церкви являются также ценнейшим памятником эпиграфики XII–XVII вв. (в храме сохранилось около 4 тыс. граффити) и палеографии (сопроводительные надписи XII в. на фресках на старославянском и греческом языках). Уникальный по своей полноте и объему корпус граффити собора позволяет представить развитие письменности и языка на территории Полоцкого княжества [Калечиц, 2023].

АКТУАЛИЗАЦИЯ НАСЛЕДИЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПОЛОЦКОМ МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ

Весь столь многогранный материал, раскрытый и сохраненный реставраторами и комплексно изучаемый исследователями, открывает одну из главных страниц в истории и культуре Полоцкой земли и прославляет имя преподобной Евфросинии Полоцкой. Духовные деяния Святой Евфросинии, связанные с распространением христианской культуры, обрели свое уникальное материальное воплощение в оригинальном подлинном памятнике архитектуры и фресковой живописи XII в. – Спасо-Преображенской церкви Спасо-Евфросиниевского монастыря в Полоцке, оказав значительное влияние как на современников, так и на будущие поколения.

Музейная репрезентация наследия преподобной Евфросинии может быть способом взаимодействия сегодняшнего полочанина с ее наследием на весьма глубоком уровне. Мы уже имеем опыт интерактивной коммуникации с наследием. В 2021 г. в Художественной галерее, где экспонируется стенопись Спасо-

Преображенской церкви, были созданы условия для посетителей изучать процесс росписи храма не только в устном и визуальном изложении, но и посредством практической работы. Научные сотрудники разместили в экспозиции оштукатуренную плоскость «стен» размером 350 × 170 см. с прорисью фрагмента композиции росписи алтарной части Спасо-Преображенского храма «Евхаристия». Посетителям предлагается изготовить фрагмент фресковой росписи из общей композиции. В церкви данная фреска скрыта за алтарной преградой, что интригующе воздействует на желание посетителей получить не только информацию об изображениях, но и, остановившись на особо значимом событии для себя, создать фреску с сюжетом собственными руками.

Во время практической работы и общения с научным сотрудником происходит процесс вовлечения посетителя в замысел сюжета, понимания особенности полоцкой Евхаристии (на престоле изображены не литургические сосуды, а Крест-реликварий преподобной Евфросинии), постижения техники написания фрески.

В оборудованной мастерской художника-фрескиста посетитель работает совместно с научным сотрудником. Выбор фрагмента рисунка из общей композиции сюжета фресковой росписи, замес штукатурного раствора, получение темперного красящего пигмента, перенесение калькированного изображения на «стену», нанесение граффити, выполнение цветного решения росписи – все сопряжено с фактором естественного присутствия в том времени, получении тактильной информации и как следствие – феномена личной причастности. Посетитель, создавая фрагмент росписи с авторской подписью, имеет возможность закрепить его в общую композицию и оставить в музее либо унести с собой как «музейный экспонат».

Таким образом, посетитель через форму музейной интерактивной коммуникации включается в культурный контекст исторического прошлого своего древнего города. Ему становятся понятными: назначение храмовых росписей, идеи программы росписи Спасского храма, техника живописи, мастерство художников и реставраторов. Происходит актуализация и освоение культурного наследия. Музей реализует свою прокреативную функцию (автономная составная часть образовательно-воспитательной функции), которая направлена на выявление и активизацию творческих способностей на основе культурного опыта, на примере образцов высокого искусства и технических достижений предыдущих поколений.

Полоцк представляет собой уникальную историческую территорию, памятники которой охраняются, изучаются, реставрируются и используются в му-

зейных экспозициях. Недвижимые памятники (архитектурные, археологические) включены в музейное собрание Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника и являются музейными предметами. Сам заповедник с его охранной зоной, существующими и будущими музеями является ядром, вокруг которого создаются условия для превращения исторического Полоцка в город-музей. В структуре заповедника работает 11 музеев. В экспозициях почти всех музеев имеются экспонаты или материалы, связанные с эпохой преподобной Евфросинии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Музейные традиции Полоцка берут начало в XI–XIII вв., когда в Софийском соборе, в Спасском и других монастырях стали появляться рукописные книги, иконы и другие предметы литургического обихода. Условно монастырские собрания этого периода можно назвать коллекциями музейного характера. Удачные археологические сезоны, исследовательская и поисковая работа, новые научные интерпретации известных источников, а также современные музейные технологии позволяют создавать модели ушедших исторических эпох, используя музеефицированные объекты, аутентичные музейные предметы, копии и реконструкции. У каждого города и его горожан есть свой облик, свое лицо, своя духовность, индивидуальное прошлое и свое будущее. Мы уверены, что творческий подход позволит сформировать такую репрезентативную программу развития, которая поможет людям, проживающим в этом месте, сообществу, в целом строить будущее, с учетом уникальности данного места-времени, исторически преемственное, культурно и духовно привлекательное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаўрылава С.В. Рэпрэзентацыя краязнаўчымі музеямі Рэспублікі Беларусь сачыякультурнага развіцця рэгіёнаў: аўтарэф. дыс. ... канд. культуралогіі. Мінск, 2023. 26 с.
- Джумантаева Т.А. Материальное воплощение духовного наследия святой Евфросинии Полоцкой // На пути к справедливому обществу: женщины в общественной жизни, науке, культуре (1919–2019): сб. науч. стат. по итогам Междунар. науч.- практ. семинара (Новосибирск, 15–16 окт. 2019 г.) / отв. ред. Е.А. Ерохина, О.Н. Шелегина. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. С. 74–85.
- Джумантаева Т.А. Полацк музейны. Полоцк музейный. Museum Polotsk: Фотаальбом на беларускай, рускай і англійскай мовах. Мінск: Беларусь, 2020. 333 с.
- Житие преподобной матери нашей Евфросинии, игумении и княжны Полоцкой / под ред. Монахини Сергии (Бульчик). Белосток: Спасо-Евфросиниевский монастырь в г. Полоцке, 2012. 24 с.
- Журина Ю.С. Житие преподобной Евфросинии Полоцкой в рукописном прологе XVII в. из Львовского исторического музея // Slavistica Vilnensis. 2020, vol. 65(2). P. 131–135.
- Калечиц И.Л. Корпус граффити Полоцкой Спасо-Преображенской церкви: северная келья. М.: Квадрига, 2023. 204 с.

Кирпичников А.Н. Полоцк по письменным и археологическим источникам: вариант нового осмысления // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2016. Вып. 5. С. 224–233.

Мыслівец Г.М. Традыцыя шанавання Еўфрасінні Полацкай: генезіс, развіццё, сучаснасць: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2015. 27 с.

Петров А.Н., Гулецкий Д.В. Атрибуция актовых печатей первого полоцкого князя Рогволода // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. М.: РИА Внешторгиздат, 2017. Вып. 4. С. 11–24.

Петров А.Н., Гулецкий Д.В. Приобретение Евфросинией Полоцкой Эфесской иконы в Константинополе в свете находок греческих печатей под г. Сенно: к постановке вопроса полоцко-византийской церковной дипломатии второй половины XII в. // Белорусский исторический обзор. М., 2020, № 1(3). С. 71–78.

Полоцкий Спасо-Евфросиниевский женский монастырь с древности до наших дней. Минск: Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке, 2023. 78 с.

Полоцкое Радование: Свято-Евфросиниевские Торжества 1910 года / ред. А.Г. Борисова-Горюнова. Минск: Спасо-Евфросиниевский монастырь в г. Полоцке, 2010. 440 с.: ил.

Сарабянов В.Д. Спаская церковь Евфросиниевского монастыря в Полоцке. 3-е изд. Белосток: Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке, 2016. 516 с.

Тарасаў С.В. Афрасіння Полацкая і археалогія // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы VIII Міжн. навук.-практ. канф. (Полацк, 1–2 лістапада 2022 г.) / Уклад. Т.У. Явіч. Полацк: Полацкае кніжнае выдавецтва, 2022. С. 289–307.

Тарасаў С.В. Еўфрасіння – Офрасіння – Афрасіння Полацкая. Яе час, яе крыж. Мінск: Цымбераў Р.М., 2021. 368с., іл.

Янин В.Л. Полоцкий матриархат // Знание – сила. 1970. № 12. С. 17–19.

REFERENCES

- Borisova-Gorunova A.G. (ed.) (2010). Polotsk Rejoicing: Saint Euphrosyne's celebrations of 1910. Minsk, Spaso-Evrosinievskiy monastyr' v g. Polotske, 440 p. (In Russ.)
- Gavrilova S.V. (2023). Representation of social and cultural development of regions by the local history museums of the Republic of Belarus: Cand. culturol. diss. abstr. Minsk, 26 p. (In Belarus.)
- Jumantayeva T.A. (2019). The material embodiment of the spiritual heritage of Saint Euphrosyne of Polotsk. *Na puti k spravedlivomu obshchestvu: zhenshchiny v obshchestvennoy zhizni, nauke, kul'ture (1919–2019): sb. nauch. st. po itogam Mezhdunar. nauch.-prakt. seminar (Novosibirsk, 15–16 okt. 2019 g.)*. Novosibirsk, pp. 74–85. (In Russ.)
- Jumantayeva T.A. (2020). Museum Polotsk: photo album. Minsk, Belarus, 333 p. (In Belarus., Russ., Engl.)
- Myshivets G.M. (2015). The tradition of veneration of Euphrosyne of Polotsk: genesis, development, modernity: Cand. hist. sci. diss. abstr. Minsk, 27 p. (In Belarus.)
- Kalechits I.L. (2023). Corps of graffiti of the Polotsk Transfiguration Church of the Savior: northern cell. Moscow, Kvadriga, 204 p. (In Russ.)
- Kirpichnikov A.N. (2016). Polotsk on written and archaeological sources: a new version of the judgment. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. Saint Petersburg, Kazan, iss. 5, pp. 224–233. (In Russ.)
- Petrov A.N., Guletsky D.V. (2017). Attribution of act seals of the first Polotsk prince Rogvolod. *Rus', Litva, Orda v pamyatnikakh numizmatiki i sfragistiki*. Moscow, iss. 4, pp. 11–24. (In Russ.)
- Petrov A.N., Guletsky D.V. (2020). The acquisition of the Ephesian Icon by Euphrosyne of Polotsk in Constantinople in light of the findings of Greek seals near the city of Senno: on the question of

Polotsk-Byzantine church diplomacy in the second half of the 12th century. *Belorusskiy istoricheskiy obzor*, no. 1, pp. 71–78. (In Russ.)

(2023). Polotsk Savior-Euphrosyne Convent from antiquity to the present day. Minsk, Spaso-Evfrosinieviskiy zhenskiy monastyr' v g. Polotske, 78 p. (In Russ.)

Sarabyanov V.D. (2016). Church of the Savior of the Euphrosyne Convent in Polotsk. Bialystok, Spaso-Evfrosinieviskiy monastyr' v g. Polotske, 516 p. (In Russ.)

Sergiya (Bulchik; nun). (ed.) (2012). The life of Our Reverend Mother Euphrosyne, Abbess and Princess of Polotsk. Bialystok, Spaso-Evfrosinieviskiy monastyr' v g. Polotske, 24 p. (In Russ.)

Tarasov S.V. (2022). Euphrosyne of Polotsk and archeology. *Gistoryya i arkhealogiya Polatska i Polatskay zyamli: materyyaly VIII Mizhnar. navuk.-prakt. kanf. (Polatsk, 1–2 listapada 2022 g.)*. Polotsk, pp. 289–307. (In Belarus.)

Tarasov S.V. (2021). Euphrosyne of Polotsk. Her time, her cross. Minsk, Tsimberov R.M., 368 p. (In Belarus.)

Yanin V.L. (1970). Polotsk matriarchy. *Znanie – sila*, no. 12, pp. 17–19. (In Russ.)

Zhurina Yu.S. (2020). The life of Saint Euphrosyne of Polotsk in the manuscript prologue of the 17th century from the Lviv Historical Museum. *Slavistica Vilnensis*, no. 65, iss. 2, pp. 131–135. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.08.2023

Дата рецензирования 08.09.2023

Статья принята к публикации 21.09.2023

DOI: 10.15372/HSS20230404

УДК 271+281.93+930.85

EDN: HCWAYJ

С.К. СЕВАСТЬЯНОВА

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ МОНАШЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ПАТРИАРХА НИКОНА: АНТОНИЕВО-СИЙСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ПАТРИАРШИЕ МОНАСТЫРИ

Сибирский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
РФ, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6

В статье впервые предпринята попытка охарактеризовать понимание монашеской парадигмы патриархом Никоном. В монашестве он видел оплот Русской православной церкви, монастырь воспринимал как очаг православной культуры и просвещения (где игумен – инициативный руководитель культурно-образовательного и духовно-просветительского служения); подчеркивал роль монастыря как крупного вотчинника и охранителя интересов патриаршей казны; его внимание к проблемам воспитания иноков, способных к многогранной деятельности в качестве церковных администраторов и писателей, иконописцев и книжников, храмоздателей и подвижников. Схожие тенденции прослеживаются и в истории Антониево-Сийского монастыря. Благодаря перестановкам в управлении обителью, вкладам Никона и других жертвователей, обширным вотчинам и приписным обителям монастырь под руководством игумена Феодосия, духовные качества и многогранность интересов которого сближали его с новгородским владыкой Никоном, к началу XVIII столетия во многом осуществил тот образец, к воплощению которого стремился Святейший Никон.

Ключевые слова: Новгородский и Великолукский митрополит и Всероссийский патриарх Никон, патриаршие монастыри, парадигма монашеской жизни, Антониево-Сийский монастырь, игумен Феодосий, реформа церковного управления.

Для цитирования: Севастьянова С.К. К характеристике монашеской парадигмы патриарха Никона: Антониево-Сийский монастырь и патриаршие монастыри // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 4. С. 31–41. DOI: 10.15372/HSS20230404

S.K. SEVASTYANOVA

ON THE CHARACTERISTICS OF PATRIARCH NICON' MONASTIC PARADIGM: THE SIYA MONASTERY OF ST. ANTONIUS AND PATRIARCHAL MONASTERIES

Siberian Institute of Management – branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
6, Nizhegorodskaya str., Novosibirsk, Russian Federation

The study is the first attempt to characterize the understanding of the paradigm of monastic life by the Metropolitan of Novgorod and Velikiye Luki and Patriarch of All Russia Nikon. Patriarchal monasteries, located in a vast territory from the Moscow region to the White Sea, were created as new spiritual centers of Orthodox monasticism. The brethren of these monasteries, like their mentor and ktitor – Patriarch Nikon, were distinguished by their interest in painting and church construction, chronicle writing and versification, medicine and numerous crafts, were successors of the Eastern Christian and Old Russian traditions and sought to integrate them with the cultural and historical heritage of Little and White Russia. The article examines in detail a number of components of Nikon's monastic paradigm: monasticism as a stronghold of the Russian Orthodox Church and a monastery as a center of Orthodox culture and education, where the abbot-educator is the initiative leader of cultural, educational and spiritually-educational ministry; a monastery as a large patrimony and guardian of the interests of the patriarchal treasury; the concentration of the monastery on the education of monks capable of multifaceted activities as church administrators and writers, icon painters and scribes, temple builders and ascetics.

Севастьянова Светлана Климентьевна – д-р филол. наук, профессор кафедры социальной антропологии, психологии и коммуникаций, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, e-mail: sevask@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9131-3285>.

Svetlana K. Sevastyanova – Doctor of Philology, Professor of Social Anthropology, Psychology and Communications Department, Siberian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Under the leadership of the abbot, a consistent spokesman for church and state decisions, the monastery turned into administrative, economic and diocesan center based on the Eastern Christian experience of monastic residence. As a school of spirituality and a center of education and scholarship, with its Christian service and ascetic ideal, the monastery also influenced the formation of the spiritual and moral values of the laity in their service to the Church and the Fatherland. Similar trends can be traced in the middle – second half of the 17th century and in the history of Siya Monastery of St. Antonius. Thanks to the reshuffle in the management of the monastery, contributions from Nikon and other donors, extensive estates and assigned monasteries, the Siya Monastery under the leadership of Abbot Theodosius, whose spiritual qualities and versatility of interests made him similar to the Metropolitan of Novgorod Nikon, by the beginning of the 18th century, had in many respects implemented that model, to the embodiment of which His Holiness Nikon strove.

Key words: *Metropolitan of Novgorod and Velikiye Luki and Patriarch of All Russia Nikon, patriarchal monasteries, paradigm of monastic life, Siya Monastery of St. Antonius, abbot Theodosius, reform of church administration.*

ВВЕДЕНИЕ

Изменения в церковной жизни России в середине XVII в., которые в историографической традиции именуются церковной реформой, принято связывать с деятельностью патриарха Никона (1605–1681). К инициированным им мероприятиям традиционно относят внесение правки в богослужебные книги московской печати, трансформирование ряда обрядов и отдельных пунктов литургической традиции в целях их унификации с современными ему греческими. Но если хронология и содержание богослужебных изменений изучены сегодня достаточно подробно¹, как и последовавшие затем со стороны властей попытки административно-территориального характера для упорядочения содержания и контроля церковных владений (Г.А. Воробьев, Н. Виноградский, Т.Б. Соловьева, П.В. Седов, Е.В. Скрипкина и др.), то преобразования духовной жизни русского православия, реализовать которые святитель Никон попытался в патриарших монастырях, исследованы недостаточно (рис. 1).

Попытки изменить границы обширных патриарших владений и реформировать управление в Церкви в то время, когда Никон был митрополитом Новгородским и Великолуцким (с 1649) и действующим патриархом Всероссийским (1652–1666), предпринимались неоднократно. В октябре 1657 г. на Поместном соборе в Москве учреждена Вятская и Великопермская епархия; в марте 1672 г. на созванном царем Алексеем Михайловичем церковном соборе – Нижегородская епархия. После вхождения Малороссии в Московское государство патриаршая область расширилась за счет территорий слободской Украины. Известны неудачные (1655 и 1657 гг.) попытки Никона вывести за пределы Москвы кафедру Крутицкой епархии, а митрополита Сарского и Подонского Питирима назначить на новую Белгородскую епархию, которая фактически была открыта только в 1667 г.

Вопрос об умножении епархий и усложнении системы контроля был поднят в 1667 г. Тогда определено было учредить к 14 существовавшим епархиям 20 новых, но постановление собора не выполнено, как и не была принята предложенная восточными патриархами греческая схема по организации деятельности епархий с введением окружного управления и устройством окружных съездов епархиальных архиереев под председательством митрополитов [Материалы..., 1876, с. 376–382].

К этим же вопросам вернулись в 1681–1682 гг. Два реформаторских проекта царя Федора Алексеевича не были приняты соборным духовенством, а из предложенных к учреждению 12 новых епархий открыты 5 – и не в Сибири, как рекомендовал правитель: Звенигородская, Великоустюжская, Холмогорская, Тамбовская и Воронежская.

На фоне неосуществленных властями планов церковного реформирования и изменения состава патриарших владений основание патриархом Никоном трех монастырей на территории от Подмосковья до Белого моря – Валдайского Иверского (1653), Онежского Крестного (1656) и Воскресенского Ново-Иерусалимского (1656), а также высказанное Никоном в декабре 1664 г. и январе 1665 г. желание единолично ведать ими [Дело..., 1897, с. 210–221] приобретают особое значение. В создании этих трех архитектурных комплексов заложена идея вселенского значения Святой Руси и реализован замысел Первосвятителя о создании на Русской земле образа Царства Небесного (рис. 2). Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь символизировал центр мирового православия, а патриарх Никон как священноархимандрит Нового Иерусалима являл собой центральную фигуру Вселенской Церкви [Лебедев, 1988, с. 156–157]. В то же время Валдайский и Онежский монастыри продолжили традицию освоения удаленных от Центральной России территорий и, выполняя миссионерско-просветительские функции, вовлекали в процессе монастырской колонизации в православное братство Святой Руси многонациональное местное население. Попутно заметим, что несмотря на пассивность и нерешительность последних «досинодальных» патриархов Российских, для открытой и публичной декларации идей в защиту Церкви, они последовательно в

¹ Церковная реформа XVII века: эволюция взглядов, причины их происхождения и распространения (размещение: 29 окт. 2014 г.) / публ. А.В. Виноградова // БОГОСЛОВ.RU. Научный богословский портал. URL: <https://bogoslov.ru/article/4252531> (дата обращения: 20.01.21).

Рис. 1. Патриарх Никон с братией Воскресенского монастыря. Парсуна начала 1660-х гг.

Fig. 1. Patriarch Nikon with the brethren of the Resurrection Monastery. Parsuna from the early 1660s.

своих деяниях проводили в жизнь идеи Никона. Так, по инициативе патриарха Иоасафа II (1667–1672) на Амуре, недалеко от границы с Китаем, был основан Спасский монастырь; а Сийскому игумену Феодосию была дана грамота с благословением направить священника-миссионера с причтом на Новую Землю для проповеди ненцам [Шамин и др., 2011, с. 216]. Патриарх Иоаким (1674–1690), подобно Никону, видя в монастырях опору Церкви, добился упразднения Монастырского приказа и отмены решения боярской Думы о ненаделении землями церквей и монастырей [Булычев и др., 2010, с. 142, 144].

Судя по тем начинаниям, которые Никон успел осуществить в патриарших монастырях до соборного

суда над ним в декабре 1666 г., можно предположить, что в монастыре Первосвятитель видел оплот Русской православной церкви. Своим духовным авторитетом монастырь как очаг православной культуры и просвещения должен был реализовать идеи патриарха, укреплявшие духовную жизнь русского православия. Патриаршие монастыри, в которых продолжались восточнохристианские и древнерусские традиции, создавались как новые духовные центры православного монашества. Превратив свои монастыри в крупных землевладельцев, Никон наполнил их разноплеменными насельниками, мастерами – представителями различных строительного-художественных ремесел, собрал богатейшие книгохранилища

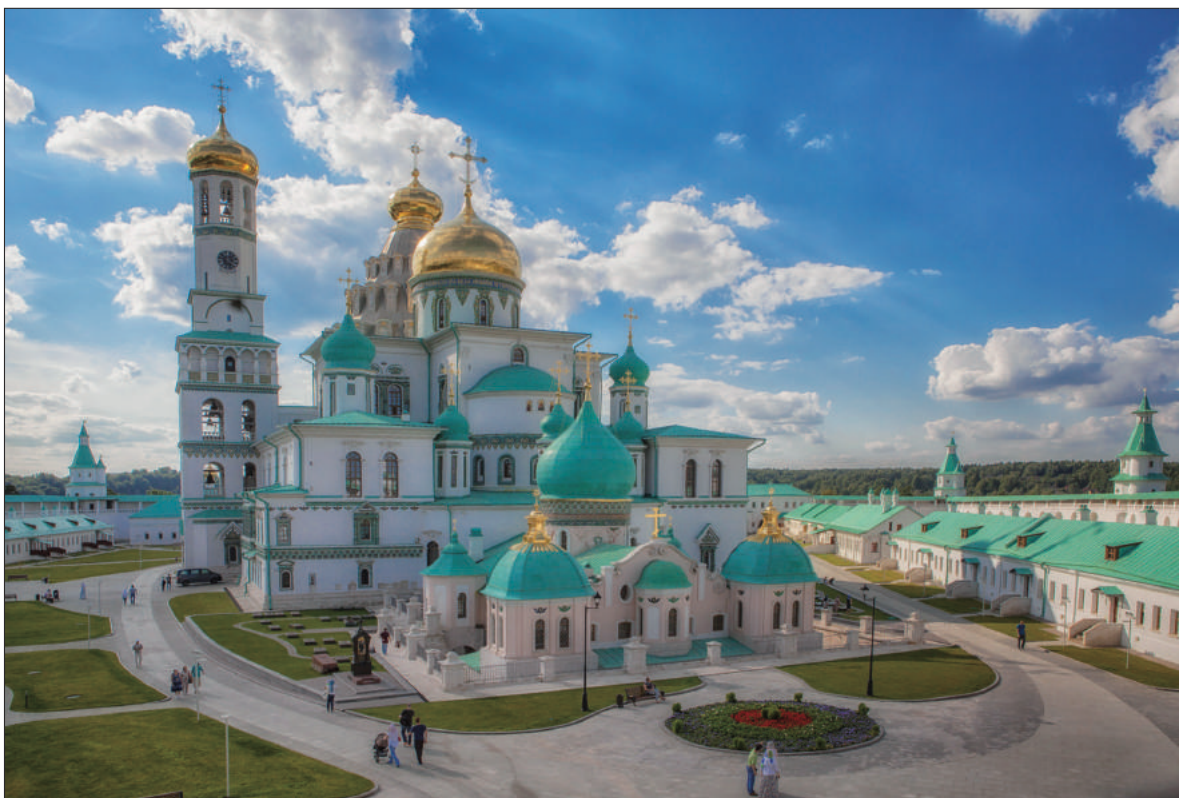

Рис. 2. Воскресенский Ново-Иерусалимский ставропигиальный мужской монастырь. Храм Воскресения Христова. Восточный фасад. Современный вид.

Fig. 2. Resurrection New Jerusalem Stauropegial Monastery. Church of the Resurrection. Eastern facade. Modern look.

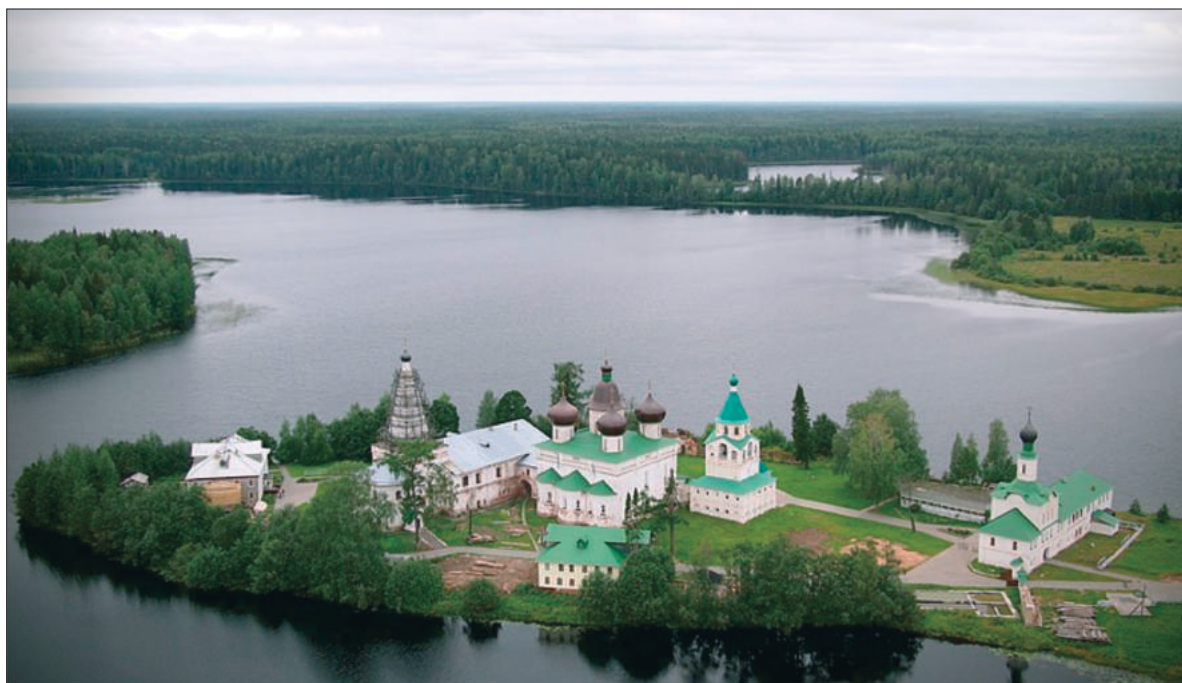

Рис. 3. Троицкий Антониево-Сийский монастырь. Современный вид.

Fig. 3. The Trinity Siya Monastery of St. Antonius. Modern look.

и организовал типографию. Братия указанных обителей, подобно своему наставнику и ктитору – святителю Никону, отличалась интересом к церковному художеству и храмоздательству, летописанию, стихосложению и врачебному делу, это были восприемники традиций Древней Руси, которые стремились к их интеграции с культурно-историческим наследием Малой и Белой России. Близкие тенденции прослеживаются в середине–второй половине XVII в. и в истории Антониево-Сийского монастыря (рис. 3).

НОВГОРОДСКИЙ МИТРОПОЛИТ НИКОН И АНТОНИЕВО-СИЙСКИЙ МОНАСТЫРЬ

В 1652 г. во время поездки в Соловецкий монастырь за мощами святителя Филиппа состоялось первое и подробное знакомство владыки с территорией, находящейся в архиерейском ведомстве. Оценивая хозяйским взором реальное положение приходских церквей и часовен, скитов, монастырей и их вотчин, митрополит Никон, возможно, сопоставлял увиденное с изложенными в делопроизводстве Софийского дома фактами и рассматривал в исторической ретроспективе состояние монашеской жизни на русских землях к северу от Москвы. Ведь за его плечами были опыт пустынножительства на Анзерском острове Соловецкого архипелага и успешно реализованные в периферийном Кожеозерском и столичном Новоспаском монастырях управленческие навыки. По дороге на Соловки Никон вникал в ход строительных работ, заказывал карты местностей и чертежи городов, служил молебны и поучал паству, проявлял интерес к работам по добыче серебряной руды и раздавал щедрые денежные пожертвования на благоустройство церквей.

Посещение Антониево-Сийского монастыря не входило в планы Никона, он попал туда случайно, чтобы предать земле скоропостижно скончавшегося в пути юродивого старца Василия Босого. О кончине Вавилы в первых числах мая – так звали в миру любимца царя Алексея Михайловича и Никона – владыка сообщил в Москву только в июне: «яко оста вашу и нашу любовь, преиде к небесному Царю в совет и в небесныя кровы со святыми ангелы жити Маия в 3 день, погребен честно в Сиском монастыре, <...> а погребал я, грешной» [Письма..., 1848, с. 301]. На помин души старца Василия Никон организовал стол, раздал духовенству 50 руб. [Николаевский, 1885, с. 31]. Возможно, с тех пор в монастыре 22 июля установлено «пети понахида пред обеднею собором» на помин души Василия Босого².

Рис. 4. Прп. Феодосий Сийский. Современная икона.

Fig. 4. Reverend Theodosius of Siya. Modern icon.

В Сийской обители митрополит пробыл три неполных дня: приехал 2 мая, утром 4 числа он отбыл в Холмогоры, где был уже в четвертом часу дня [Полное собрание..., 1965, с. 174]. Этого краткого времени препровождения было достаточно, чтобы он сформировал представление о духовном и хозяйственном положении монастыря и принял важные для будущего обители решения.

В дни посещения Никоном Антониево-Сийского монастырского общежития на месте не оказалось игумена Феодосия (1644–1652 и 1662–1687; † 1688): по делам обители он находился в Москве (рис. 4). Воспользовавшись отсутствием настоятеля, келарь Феофил и казначей Иона подали владыке челобитную на Феодосия. «Желая, да мятеж утолить», как позже оценивал действия новгородского митрополита архимандрит Никодим [Рыжова, 2001, с. 253], Никон сменил руководство монастыря: черного попа Корнилия произвел в игумена (1652–1657), а на место келаря-жалобщика назначил монаха Никандра. Но едва митрополит покинул монастырь, келарь «с первых дней над братьею немилосерд объявился» и бил челом на непослушных старцев. 11 мая из Архангельска Никон евангельским словом поучал новопоставленного не самовольничать, жить «со всяким

² Книга кормовая Антониево-Сийского монастыря 1680 года. Л. 55 об.: Машинописная копия рукописи // Электронная краеведческая библиотека «Русский Север» [Электронный ресурс]. URL: <https://ekb.aonb.ru/index.php?id=32> (дата обращения: 22.03.2020).

смирением», братию наказывать «тихим и кротким обычаем»³.

Митрополит Никон пристально следил за состоянием христианского благочестия жителей Новгородского уезда. Настоятели монастырей, которые пользовались у него особым авторитетом, выполняли ответственные архиерейские поручения. После того как в июле 1647 г. в Архангельске стали совершаться чудеса от гроба и мощей неизвестного угодника Божия, который являлся во сне немощным людям и называл себя Евфимием [Крушельницкая, 1997], именно игумена Феодосия в 1650 г. владыка Никон благословил участвовать в расследовании происходящего. После освидетельствования мощей святым признан бывший настоятель Михайло-Архангельского монастыря Евфимий и канонизирован как местночтимый [Сибирцев, 1894, с. 18–24]. Написан образ новоявленного чудотворца, составлены тропарь и кондак, возможно, при участии Феодосия [Никодим, 1901, с. 121]. В 1651 г. мощи прп. Евфимия перенесены в церковь Происхождения честных древ Креста Господня.

При игумене Феодосии, как замечал иеромонах Никодим (Кононов), оценивая почти сорокалетний срок его управления Сийским монастырем, иноческая жизнь «стояла на высоте нравственного совершенства» [1901, с. 122]. Поэтому бунт и доносы со стороны братии были невозможны в присутствии настоятеля – человека строгого монашеского правила. В незаурядных и разносторонних личностях с многогранными духовными и художественными дарованиями, подобных почитаемым Никоном аскетам и основателям монастырей – прпп. Антонию и Феодосию Печерским, Сергию Радонежскому, Зосиме и Савватию Соловецким, Макарию Унженскому, Елеазару Анзерскому, Никодиму Кожеозерскому, Антонию Сийскому, новгородский митрополит в каждом из них видел идеал устроителя монашеской жизни в России. Агиограф Феодосия, архимандрит Никодим, свидетельствовал: когда братия Сийского монастыря заметила, что благодаря трудам настоятеля обитель окрепла и развилась («твоим, честный отче, трудолюбием обитель разпространися»), он скромно ответил: «Аз ничтоже есмь, ниже единого достоин паксипемада⁴, и несмь монах, но видех монахи» [Рыжова, 2001, с. 261]. Поэтому, принимая решение о наказании игу-

мена Феодосия, который в полной мере уже тогда, в первый период управления Сийским монастырем соответствовал этим образцам, митрополит Никон направил его духовный и художественный опыт на пользу другого монашеского общежития.

Почитая Феодосия как строгого аскета и опытного подвижника, владыка намеренно устранил его из конфликтной среды и лишил братию соблазна втянуть настоятеля в новые распри и атмосферу доносов. По возвращении из Москвы Феодосий был послан «в подначальство» в Кожеозерский монастырь – прежнее место игуменского служения Никона, откуда он в 1646 г., укрепив монашескую дисциплину и хозяйственную жизнь обители, уехал в Москву, где царем Алексеем Михайловичем оставлен в столице и назначен архимандритом Новоспасского монастыря.

ПРП. ФЕОДОСИЙ – НАСТОЯТЕЛЬ АНТОНИЕВО-СИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ

Каким опытом мог поделиться прп. Феодосий с кожеозерцами, воплощая в своих деяниях замыслы новгородского митрополита и всероссийского патриарха о монашеской жизни в России?

Из Жития Феодосия и краткой «Истории» о нем известно, что восемнадцатилетним юношей Феодором он втайне от родителей ушел в Сийский монастырь, где в августе 1632 г. принял постриг с именем Феодосий и отдан в послушание монаху Давиду. Через три года молодой монах стал иеродиакonomом, а спустя почти десять лет братия избрала его игуменом. Рукоположил Феодосия Новгородский и Великолуцкий митрополит Афоний 12 января 1644 г. [Рыжова, 2001, с. 250–252, 263].

При прп. Феодосии достроены все храмы Сийской обители, а к 1644 г. – Благовещенская церковь с приделом во имя св. Михаила Малейна. Во время пребывания митрополита Никона в монастыре возводился главный Троицкий собор: заложенный в 1589 г. и освященный в 1607 г., он продолжал строиться при Феодосии еще 17 лет [Макарий, 1878, с. 16–17]. Это объясняет вклад митрополита Никона в монастырь в размере 200 руб., на которые он указал обложить серебром в соборной церкви местные иконы и Деисус [Библиотека Академии наук (БАН). Собр. Архангельское Д. 374. Л. 79] (рис. 5).

В монастыре владыка Никон застал еще один строительный объект – шатровую колокольню, к возведению которой приступили еще в конце XVI в. Считается, что именно Никон предложил достроить колокольню с храмом в честь святителей московских Петра, Алексия и Ионы [Курапов и др., 2001]. Освящение новой Трехсвятской церкви произошло только в 1661 г. Посвящение престолов трем московским святым первопрестольникам способствовало распро-

³ Кроме жалобы на игумена Феодосия Никон уже в сане патриарха получил жалобу и на поставленного им игумена Корнилия. Келарь Варсонофий и казначей Гурий обвиняли настоятеля в безделии и рукоприкладстве, разложении монастырской дисциплины и нерадении о монастыре [Перовский, 1897, с. 433, 435, 437].

⁴ Вероятно, речь идет о традиционных греческих сухариках (паксимадья), которые с древних времен готовят из пшеничной или ячменной муки и перед употреблением смачивают в небольшом количестве воды.

Рис. 5. Антониево-Сийский монастырь. Троицкий пятикупольный собор с колокольней, построенный при прп. Феодосии. Современный вид.

Fig. 5. The Siya Monastery of St. Antonius. Trinity five-domed cathedral with a bell tower built under.

странению их памяти в масштабах всего государства. Молитва к ним сийской братии, свидетельствуя о созидательной силе православия, укрепляла и память о первом Московском патриархе Иове, чьими усилиями формировалось на Руси почитание святителей Петра, Алексия и Ионы. Именно митрополит Иов в 1595 г. возвел первые храмы в честь этих святителей – в патриаршем селе Никольском и на Патриаршем дворе в Кремле [Кулакова, 2003].

Посвящение престолов московским святителям в Антониево-Сийском монастыре находится в одном ряду с организацией по предложению Никона перенесения в Успенский собор мощей святителей Иова, Гермогена и Филиппа как важнейших шагов на пути к единству Русской церкви. Сюда же можно отнести и изготовление для митрополита Никона омофора, на котором жемчугом, золотыми и серебряными нитями вышиты изображения Московского Кремля, Новгородского Детинца и избранных святых [Игнашина, 2003, с. 66–67]. Столицы России и северной периферии уравнивались на священническом облачении митрополита в своем общегосударственном значении. А молитвенная память о московских и новгородских святых, выходя за пределы Москвы и Великого Новгорода, символизировала их равнозначность в обще-

церковном почитании. Уже будучи Новгородским митрополитом, став инициатором этих знаковых в истории отечественного православия событий, Никон мыслил широко и масштабно, создавая на обширной территории от Москвы до Белого моря единое сакральное пространство общерусской святости. Монастыри и люди, воплощавшие замыслы Никона о единстве Русской церкви, находили у него поддержку и участие.

Задолго до отъезда в Кожеозерский монастырь Феодосий проявил себя как талантливый иконописец – в 1645 г. он «писал образ Софии Премудрости Божия и чудотворца Антония» [Макарий, 1878, с. 78; Кольцова, 2008, с. 101]. Но в ссылке его художественный дар получил особую огранку. На Кож-озере под руководством Феодосия появились первые работы его послушника Василия Мамонтова – будущего архимандрита Никодима, который, начав иноческий путь с «отчищения» и «понавления» икон, соберет потом богатейшую коллекцию прорисей икон для Сийского иконописного подлинника и станет изографом, чьи ранние работы приобретет монастырь для поднесения патриарху Адриану [Кольцова, 2003]. Как предполагает Т.М. Кольцова, Феодосий и Василий в 1654 г. участвовали в создании иконостаса в

д. Пияла [2005, с. 28]. Возможно, не без участия Василия и Никодима были написаны три пядничных образа: «Св. Евстафий, епископ Антиохийский и Тимофей», «Свв. мчч. Севастийские» и «Св. вмц. Варвара со святыми», которые Феодосий прислал из Кожезерского монастыря в качестве вклада в Сийский после пожара в 1658 г.: в XVII–XVIII вв. иконы находились в Троицком соборе на левом столбе храма, на его южной стороне [Мальцев и др., 1998, с. 105–106].

Работы этих двух талантливых мастеров внесли свой вклад в традицию сийского иконописания, идущую от основателя обители прп. Антония и отразившуюся в почерках многих незаурядных изографов – в частности, мастеров, приглашаемых из северной провинции для выполнения царских заказов и росписи кремлевских соборов. В передаче искусными ремесленниками своего художественного опыта столичным мастерам раскрывался еще один аспект преобразовательной деятельности митрополита и патриарха Никона. Путь от столицы на Русский Север, по которому распространялись святыни Вселенского православия, проложенный Никоном при создании патриарших монастырей, прошел и через Антониево-Сийскую обитель. Обширная территория от центра России до северной периферии превращалась в единое художественное пространство, где реализовывалось и укреплялось представление о Русском царстве как государственном и церковном центре, оплоте Вселенской православной культуры.

Исследователи единодушно признают в Феодосии выдающегося книжника и библиофила. Книжное собирательство стало одним из направлений подвижнической деятельности настоятеля. Он продолжил заложенную прп. Антонием традицию переписывания манускриптов для монастырского книгохранилища. В келейной библиотеке Феодосия были рукописи, посвященные основателю монастыря [Кукушкина, 1977, с. 51, 64, 102–117]. В 1658–1664 гг. Феодосий написал собственную редакцию жития святого. Ему также атрибутируют два сказания об иконе Пресвятой Богородицы Одигитрии, повесть о кресте на Емецкой дороге [Рыжова, 2000, с. 124–172; 2001, с. 222–225, 229–235, 262, 263] и, возможно, составление монастырского летописца, охватившего события с 1593 по 1694 г. [Кукушкина, 1977, с. 160]. Рукописи, украшенные красочными миниатюрами, прп. Феодосий не только вкладывал в монастырскую библиотеку, но и дарил близким ему людям, например, в 1682 г. представителям боярской династии Матвеевых – Артамону Сергеевичу и его сыну Андрею [Рыжова, 2001, с. 229]. Память о прп. Антонии и стремление игумена Феодосия расширить границы почитания основателя и подвижников Сийской обители вносят свою лепту в реализацию еще одного аспек-

та духовно-преобразовательных замыслов патриарха Никона о России как хранительнице чистоты православия.

С любовью к книге и просвещению тесно связана склонность игумена Феодосия к печатному делу. Украшая сборники, сийский игумен использовал в манускриптах оттиски с гравированных на дереве художественных рамок. Во второй период настоятельства Феодосия в Антониево-Сийском монастыре были изготовлены две книги посредством соединения нетипографским способом рукописи со сложным гравированным орнаментом [Сидоров, 1951, с. 230]. Тяготение Феодосия к издательской деятельности сближает его с патриархом Никоном, который, как известно, возглавлял в 1652–1658 гг. Московский печатный двор, а позже устроил в Валдайском Иверском монастыре типографию. Игумен-просветитель – еще одна грань настоятеля монастыря в парадигме монастырской жизни в России. Благодаря умелой организации библиотечного и тиражно-издательского дела талантливый и инициативный руководитель обители способствовал развитию в монашеском обществе культуры культурно-образовательного и духовно-просветительского служения.

В первые годы игуменства Феодосия Антониево-Сийский монастырь прочно укрепил свои позиции в системе епархиального управления. С начала XVII в. настоятель Сийского монастыря являлся патриаршим десятильником, который, подчиняясь новгородскому владыке, имел совместные владения – патриарха с митрополитом [Покровский, 1897, с. 62]. Игумену поручалось оповещать о царских и патриарших указах приписные монастыри и приходские церкви [Макарий, 1878, с. 66–68].

Благодаря государственной поддержке Сийский монастырь до ссылки настоятеля на Кож-озеро превратился в крупнейший церковно-административный орган Подвинья и получил особые права [Перовский, 1897, с. 429–431]. Сийский монастырь, крупный вотчинник, стал добросовестным сборщиком дани и охранителем интересов патриаршей казны, четко действуя по отработанной в первой половине XVII в. схеме управления патриаршей областью накануне передачи ряда церковных земель в ведение созданного в 1649 г. Монастырского приказа [Устинова, 2012, с. 202]. Так, в июне 1651 г. патриаршая грамота поручала монастырским властям обложить церковной данью выстроенную в стрелецкой слободе г. Архангельска церковь во имя Рождества Христова с приделом Рождества Пречистой Богородицы [Сибирцев, 1894, с. 72–73]. Сам монастырь при игумене Феодосии пользовался «для прокормления» доходами с территорий, сдаваемых им в аренду монастырским крестьянам на условиях подряда и оброка [Образцов,

1953, № 21–27, 31–69], а также с земель его вотчинных обителей. В 1680-х гг. архиепископ Холмогорский Афанасий разбирался в жалобе монахинь Покровского Емецкого монастыря, закрепленного за Сийским повторно царской грамотой 11 мая 1649 г., на то, что власти забрали у «девичь» монастыря «кормовые» земли, а своих сестер духовных содержали впроголодь [Перовский, 1897, с. 430].

Но известны случаи, когда в споре о земельных владениях Сийский монастырь уступал патриаршим притязаниям. Так, в 1657 г. в пользу Онежского Крестного монастыря отошла отстроенная на средства Сийской обители церковь во имя Всемилоственного Спаса Нерукотворенного образа с приделом Казанской иконы Божией Матери [Сибирцев, 1894, с. 28–33]. А в 1658 г. владения Сийского монастыря на Кольском полуострове – это половина р. Поной и р. Лахта с оброчными рыбными ловлями и половина оброчного погоста Поной, половина р. Еконги – были отданы тому же Крестному монастырю. Вторая часть погостов и рыбных ловель передана другому патриаршему детищу – Ново-Иерусалимской обители [Иванов, 2007, с. 271–272].

Но самой важной, пожалуй, стороной игуменской практики Феодосия стало воспитание плеяды ярких и талантливых учеников, которым он передал свой многогранный опыт [Кириллов, 1899, с. 441]. Это Иоанн Смирнов, в монашестве Иларион († 1698), архимандрит Соловецкого монастыря (с 1680 г.) и Спасского в Ярославле (с 1687 г.), где он возвел Троицкий собор до сводов, митрополит Псковский и Изборский (с 1691) [Русский..., 1897, с. 84], а также монах Паисий († 1695) – патриарший казначей и ктитор обители. Следует назвать и монаха Варфоломея – игумена Сийского по смерти Феодосия, а с введением архимандрии в монастыре – строителя (с 1692 г.) [Макарий, 1878, с. 100], в житии Феодосия приведено имя еще инока Герасима Даниловца – схимонаха Петра, иеродиакона Прохора, впоследствии келаря Троице-Сергиевой лавры, и, конечно, Никодима – первого архимандрита монастыря. Практически все ученики преподобного стали известными церковными деятелями и писателями, иконописцами и книжниками, храмоздателями и великими подвижниками, отразив в своих трудах полноту многогранности образа прп. Феодосия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идея превращения монастыря в деятельный административно-хозяйственный и епархиальный центр, имеющий в лице настоятеля последовательно выразителя церковно-государственных решений, в замыслах Никона о монашеском устроении зани-

мала одну из ведущих позиций. В то же время парадигма монашеской жизни, к выстраиванию которой едва приступил патриарх Никон в основанных им монастырях, опиралась на восточнохристианский опыт монашеского жительство, представленного в разных формах. В обителях, где будущий патриарх приобретал духовный навык – Макариев Желтоводский, Соловецкий и Кожеозерский монастыри, подвижничество сосуществовало с общественным служением, что проявлялось в духовном окормлении мирян, миссионерской и просветительской деятельности, обучении трудников строительным и художественным ремеслам, отроков – грамоте и разным видам работ. Монастырь как школа духовности, очаг образования и учености своим христианским служением и аскетическим идеалом влиял на формирование духовных и нравственных ценностей мирян в их служении Церкви и Отечеству.

В этой же традиции жил и развивался Антониево-Сийский монастырь, который, как и основанные Никоном монашеские общежития, был ориентирован на молитвенный подвиг и социальную практику. Благодаря перестановкам в управлении, вкладам жертвователей, обширным вотчинам и приписным обителям Сийский монастырь под руководством игумена Феодосия, духовные качества и разнообразие интересов которого сближали его со святителем Никоном, к началу XVIII столетия во многом осуществил тот образец, к воплощению которого стремился Святейший Никон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булычев А. А., Зеленина Я. Э., Даен М. Е. Иоаким // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2010. Т. 23. С. 138–148.
- Дело о патриархе Никоне / под ред. Н. И. Субботина. СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1897. 512 с.
- Иванов В. И. Монастыри и монастырские владения в XVII в. в Кольском уезде // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. М.: РОССПЭН, 2007. С. 255–276.
- Игнашина Е. В. Древнерусское лицевое и орнаментальное шитье в собрании Новгородского музея: каталог. Великий Новгород: Моби Дик, 2003. 128 с.
- Кириллов А. Подвижники благочестия, почивающие в усыпальнице Антониево-Сийского монастыря // Архангельские епарх. ведомости. 1899. № 16. С. 436–444.
- Кольцова Т. М. Архимандрит Антониево-Сийского монастыря Никодим и его рекомендации по реставрации икон // V Грабевские чтения: Междунар. науч. конф.: доклады, сообщения. М.: Сканрус, 2003. С. 104–114.
- Кольцова Т. М. Иконопись Архангельского края. Особенности становления и развития художественных центров в конце XVI–XVIII веках // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 4. С. 97–101.
- Кольцова Т. М. Иконы Северного Поонежья. М.: Сев. паломник, 2005. 352 с.
- Крушельницкая Е. В. Сказание о Евфимии Архангелогородском // Рукописные памятники: Публикации и исследования. СПб.: Изд-во ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1997. Вып. 4. С. 95–144.

Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII вв. Л.: Наука, 1977. 223 с.

Кулакова И.П. К истории Московского Кремля как религиозного центра конца XVI – начала XVII века (О почитании святителей Петра, Алексея и Ионы) // Кремль России: сб. стат. М.: ФГУ ГИКМЗ «Московский Кремль», 2003. Вып. 15. С. 1–12.

Куратов А.А., Трифон (Плотников), архим. Антониев Сийский во имя святой Троицы мужской монастырь // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2001. Т. 2. С. 597.

Лебедев Лев, протоиерей. Богословие Русской земли как образа обетованной земли царства небесного (на некоторых примерах архитектурно-строительных композиций XI–XVII веков) // Тысячелетие крещения Руси: Междунар. церк.-ист. конф. Киев, 21–28 июля 1986 г.: Материалы. М.: Изд. Моск. патриархии, 1988. Т. 2. С. 140–175.

Макарий, еп. Архангельский и Холмогорский. Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1878. Кн. 3. С. 1–122 (2-я пагин.).

Мальцев Н.В., Мальцева О.Н. Мастера иконостасной скульптуры и иконописцы Северной России XVI–XVIII веков. СПб., 1998. Вып. 1. 127 с.

Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н.И. Субботина. М.: Тип.: Т. Рис, 1876. Т. 2. Ч. 2: Акты, относящиеся к собору 1666–1667 года. 446 с.

Никодим, иеромон. Архангельский патерик. Исторические очерки о жизни и подвигах русских святых и некоторых приснопамятных мужей, подвизавшихся в пределах Архангельской епархии. СПб.: Тип. М. Акинфеева и И. Леонтьева, 1901. 228 с.

Николаевский П., протоиерей. Путешествие Новгородского митрополита Никита в Соловецкий монастырь за мощами святителя Филиппа // Христианское чтение. 1885. Ч. 1. С. 284–335.

Образцов Г.М. Оброчные и порядные записи Антониево-Сийскому монастырю XVI–XVII вв. // Исторический архив. М.; Л., Наука, 1953. Т. 8. С. 80–197.

Перовский В., протоиерей. Антониево-Сийский монастырь // Архангельские епарх. ведомости. 1897. № 14. С. 425–437.

Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археологической комиссией / под ред. М.А. Оболенского. М.: Университет. тип., 1848. Т. 1. 365 с.

Покровский И. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Казань: Типолит. Имп. ун-та, 1897. Т. 1. 605 с.

Полное собрание русских летописей. Изд. 1-е. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 33: Холмогорская летопись. Двинской летописец / под ред. Б.А. Рыбакова. 240 с.

Русский биографический словарь: в 25 т. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1897. Т. 8. / под ред. А.А. Половцова. 756 с.

Рыжова Е.А. Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского. (Книжные центры Русского Севера). Сыктывкар: Изд-во Сыкт. гос. ун-та, 2000. 371 с.

Рыжова Е.А. Литературное творчество книжников Антониево-Сийского монастыря XVI–XVIII вв. // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 247–264.

Сибирицев И.М. Исторические сведения из церковно-религиозного быта г. Архангельска в XVII и первой половине XVIII в. Архангельск: Типолит. наследников Д. Горайнова, 1894. 128 с.

Сидоров А.А. Древнерусская книжная гравюра. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 395 с.

Устинова (Лушина) И.А. Патриаршая область в первой половине XVII в. (к вопросу о территориальной компетенции патриаршего Казенного приказа) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию чл.-кор. РАН В.И. Буганова: сб. стат. М.: РОССПЭН, 2012. С. 198–205.

Шамин С.М., Э.П.И. Иоасаф II // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2011. Т. 25. С. 213–217.

REFERENCES

Bulychev A.A., Zelenina Ya.E., Daen M.E. (2010). Joachim. *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow, vol. 23, pp. 138–148. (In Russ.)

Ignashina E.V. (2003). Old Russian facial and ornamental embroidery in the collection of the Novgorod Museum: catalogue. Veliky Novgorod, Moby Dick, 128 p. (In Russ.)

Ivanov V.I. (2007). Monasteries and monastic possessions in the 17th century in the Kola district. *Svyaz' vekov: issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii do 1917 goda*. Moscow, pp. 255–276. (In Russ.)

Kirillov A. (1899). Devotees of piety resting in peace in the tomb of the Siya Monastery of St. Antonius. *Arkhangelskie eparkhial'nye vedomosti*, no. 16, pp. 436–444. (In Russ.)

Kol'tsova T.M. (2003). Archimandrite of the Siya Monastery of St. Antonius Nikodim and his recommendations for the restoration of icons. *V Grabarevskie chteniya: mezhdunar. nauch. konf.: dokl., sobshch.* Moscow, pp. 104–114. (In Russ.)

Kol'tsova T.M. (2005). Icons of northern Poonezhye. Moscow, Sev. palomnik, 352 p. (In Russ.)

Kol'tsova T.M. (2008). Iconography of the Arkhangelsk Territory. Features of the formation and development of art centers at the end of the 16th–18th centuries. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 97–101. (In Russ.)

Krushel'nitskaya E.V. (1997). The legend of Euphemy of Arkhangelsk. *Rukopisnye pamyatniki: publikatsii i issledovaniya*. Saint Petersburg, iss. 4, pp. 95–144. (In Russ.)

Kukushkina M.V. (1977). Monastic libraries of the Russian North: essays on the history of book culture in the 16th–17th centuries. Leningrad, Nauka, 223 p. (In Russ.)

Kulakova I.P. (2003). On the history of the Moscow Kremlin as a religious center of the late 16th – early 17th centuries. (On the veneration of Saints Peter, Alexei and Jonah). *Kremli Rossii: sb. st.* Moscow, iss. 15, pp. 1–12. (In Russ.)

Kuraton A.A., Trifon (Plotnikov; archimandrite). (2001). Holy Trinity Siya Monastery of St. Antonius. *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow, vol. 2, p. 597. (In Russ.)

Lebedev L. (archpriest). (1988). Theology of the Russian land as an image of the Promised Land of the Kingdom of Heaven (on some examples of architectural and construction compositions of the 11th–17th centuries). *Tsyacheletie kreshcheniya Rusi: materialy Mezhdunar. tserkov.-ist. konf., Kiev, 21–28 iyulya 1986 g.* Moscow, vol. 2, pp. 140–175. (In Russ.)

Macarius (bishop of Arkhangelsk and Kholmogory). (1878). Historical information about the Siya Monastery of St. Antonius. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom universitete*, bk. 3, pp. 1–122 (2nd pag.) (In Russ.)

Mal'tsev N.V., Mal'tseva O.N. (1998). Masters of iconostasis sculpture and icon painters of Northern Russia of the 16th–18th centuries. Iss. 1. Saint Petersburg, 127 p. (In Russ.)

Nikodim (hieromonk). (1901). Arkhangelsk patericon. Historical essays on the life and heroic deeds of Russian Saints and some ever-memorable men who labored within the Arkhangelsk Diocese. Saint Petersburg, Tip. M. Akinfееva i I. Leont'eva, 228 p. (In Russ.)

Nikolaevskiy P.F. (archpriest). (1885). Journey of Metropolitan Nikon of Novgorod to the Solovetsky Monastery for the relics of Saint Philip. *Khristianskoe chtenie*, pt. 1, pp. 284–335. (In Russ.)

Obolensky M.A. (ed.). (1848). Letters of Russian sovereigns and other persons of the royal family published by the Archaeographic Commission. Vol. 1. Moscow, Univ. tip., 365 p. (In Russ.)

Obraztsov G.M. (1953). Lease and contract records of the Siya Monastery of St. Antonius of the 16th–17th centuries. *Istoricheskiy arkhiv*. Moscow, Leningrad, vol. 8, pp. 80–197. (In Russ.)

Perovsky V. (archpriest). (1897). The Siya Monastery of St. Antonius. *Arkhangelskie eparkhial'nye vedomosti*, no. 14, pp. 425–437. (In Russ.)

Pokrovsky I. (1897). Russian dioceses in the 16th–19th centuries, their foundation, composition and extent. Kazan, Tipo-litogr. Imp. unta, Vol. 1. 605 p. (In Russ.)

Polovtsov A.A. (ed.). (1897). Russian biographical dictionary: in 25 volumes. Vol. 8. Saint Petersburg, Tip. Gl. upr. udelov, 756 p. (In Russ.)

Rybakov B.A. (ed.). (1965). Complete collection of Russian chronicles. Vol. 33: Kholmogory chronicle. Dvina chronicle. Moscow, Leningrad, Nauka, 240 p. (In Russ.)

Ryzhova E.A. (2000). The Siya Monastery of St. Antonius. The life of Anthonius of Siya. (Book centers of the Russian North). Syktyvkar, Izd-vo SyktGU, 371 p. (In Russ.)

Ryzhova E.A. (2001). Literary creativity of the scribes of the Siya Monastery of St. Antonius of the 16th–18th centuries. *Knizhnye tsentry Drevney Rusi: Severnorusskie monastyri*. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin, pp. 247–264. (In Russ.)

Shamin S.M. (2011). Joasaph II. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, vol. 25, pp. 213–217. (In Russ.)

Sibirtsev I.M. (1894). Historical information from the church and religious life of the city of Arkhangelsk in the 17th – the first half of the

18th centuries. Arkhangelsk, Tipo-litogr. naslednikov D. Goryainova, 128 p. (In Russ.)

Sidorov A.A. (1951). Old Russian book engraving. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 395 p. (In Russ.)

Subbotin N.I. (ed.). (1876). Materials for the history of the Schism for the first time of its existence published by the editors of “Bratskoe slovo”. Vol. 2, pt. 2: Acts related to the Cathedral of 1666–1667. Moscow, Tip. T. Ris, 446 p. (In Russ.)

(1897). The Case of Patriarch Nikon: publ. of the Archaeogr. Commiss. on documents of the Moscow Synodal (formerly Patriarchal) Libr. Saint Petersburg, T-vo “Pechatnya S.P. Yakovleva”, XXXII, 453, 21 p. (In Russ.)

Ustinova (Lushina) I.A. (2012). Patriarchal region in the first half of the 17th century (on the issue of territorial competence of the Patriarchal Treasury Prikaz). *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.): k 80-letiyu chl.-korr. RAN V.I. Buganova: sb. st.* Moscow, pp. 198–205. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.02.2023

Дата рецензирования 07.03.2023

Статья принята к публикации 21.09.2023

DOI: 10.15372/HSS20230405
УДК 94:271.2(571)"1900/1917"
EDN: POOHNN

Д.Н. БЕЛЯНИН

«РУЖНЫЙ» ВОПРОС В СЕЛЬСКИХ ПРИХОДАХ ЕПАРХИЙ АЗИАТСКОЙ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева,
РФ, 650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28

В статье рассматривается проблема обеспечения приходского сельского духовенства натуральным довольствием – ругой. Автор проанализировал и использовал широкий массив опубликованных и неопубликованных материалов, на основе которых можно говорить о наличии конфликта на материальной почве между приходским духовенством и крестьянством во многих сельских приходах за Уралом. Нередко сельские общества выплачивали ружный хлеб сельскому приходскому духовенству нерегулярно или же отказывались делать это совсем. Хотя такие отказы крестьян содержать причты за счет руги были отмечены еще во второй половине XIX в., именно в начале XX в. они стали массовым явлением. Такое поведение крестьян не приводило к каким-либо санкциям со стороны властей против них. Катализатором этого процесса можно считать революционное движение в 1905–1907 гг. Хотя нет оснований полагать, что в большинстве приходов за Уралом крестьянство не желало содержать причты, однако автор делает вывод, что отказы крестьян платить ругу были тенденцией, отражавшей конфликт крестьянства и приходского духовенства.

Ключевые слова: сельское духовенство, материальное обеспечение причтов, епархии Азиатской России, история Русской Православной Церкви, история сибирского крестьянства.

Для цитирования: Белянин Д.Н. «Ружный» вопрос в сельских приходах епархий Азиатской России в начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 4. С. 42–50. DOI: 10.15372/HSS20230405

D.N. BELYANIN

THE ISSUE OF PAYMENT OF RUGA OF RURAL PARISHES OF THE DIOCESES OF ASIAN RUSSIA IN THE EARLY XX CENTURY

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University,
28, Vesennaya Str., Kemerovo, 650000, Russian Federation

The article is devoted to a comprehensive study of church periodicals – diocesan bulletins, the analysis of which made it possible to form an objective view of the problem of providing parish clergy with the payment of ruga in the dioceses of Asian Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. Documents from the archives of Western and Eastern Siberia served as an additional source of information.

Ruga was an annual payment by the peasants to the clergy, mostly in grain, but sometimes by agreement – in money. It was one of the sources of support for the rural clergy beyond the Urals in the second half of the 19th – early 20th centuries. As a rule, when opening a new parish, the peasants drew up a verdict, according to which they undertook to support the clergy, including the annual payment of the ruga in grain. By the beginning of the 20th century, cases of peasants refusing to pay the ruga to the parish priests became more frequent. These refusals were not uncommon, although, obviously, they did not cover the majority of villages beyond the Urals. It should be noted that refusals to pay the ruga in the vast majority of cases did not lead to any sanctions from the authorities against the peasants. It was not uncommon for peasants to pay the ruga not in full or irregularly. Also, peasants often allocated lands of little use for agriculture to the clergy instead of ruga, and then either refused to pay the ruga at all or began to pay it irregularly. The reluctance of peasants to pay the ruga could be due to a number of reasons: the peasants' belonging to the schism, the desire of peasants to reduce the costs of maintaining clergy, crop failures, in some cases, the economic weakness of peasants, or some specific accidental circumstances.

There were many cases when peasants paid the ruga properly and in full, but there were also frequent cases when the ruga was poorly paid or not paid at all. The facts of peasants' refusal to pay the ruga were evidence of the emerging conflict between the peasantry and rural clergy in the early 20th century in the dioceses beyond the Urals.

Key words: rural clergy, material support of the clergy, dioceses of Asian Russia, history of the Russian Orthodox Church, history of the Siberian peasantry.

Белянин Дмитрий Николаевич – д-р ист. наук, профессор, Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, e-mail: bdn73@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2062-860X>.

Dmitry N. Belyanin – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University.

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Вопрос о содержании сибирскими крестьянами сельского приходского духовенства относится к числу малоисследованных. Как правило, историки рассматривают проблему материального обеспечения духовенства в целом, но ружному довольствию особого внимания не уделяется [Дулов, Санников, 2006, с. 187; Русская Православная Церковь..., 2007, с. 65, 68]. В самых общих чертах ружного вопроса касались в своих публикациях З.Н. Берковская и Е.А. Шушканова [Берковская, 2021, с. 22; Шушканова, 2018, с. 60].

Конфликты сибирского крестьянства и духовенства из-за ружного пособия в начале XX в. до сих пор не были предметом самостоятельного изучения. Таким образом, актуальность нашего исследования определяется недостаточной изученностью темы.

Источниковая база нашей работы включает комплекс опубликованных и неопубликованных источников. Из использованных нами опубликованных источников нужно отметить коллективную работу новосибирских историков «Крестьянское движение в Сибири. 1861–1907 гг. Хроника и историография», где были опубликованы архивные материалы, касавшиеся протестного движения сибирского крестьянства, в том числе на почве ружного вопроса [Крестьянское движение..., 1985].

Среди опубликованных источников особо следует выделить епархиальные ведомости, выходившие в каждой епархии Азиатской России. В них сибирское духовенство, в том числе сельские священники, дьяконы и псаломщики, публиковали заметки по самым насущным вопросам, касавшимся жизни, быта и устройства сельских приходов. Большой пласт публикаций в епархиальных ведомостях посвящен взаимоотношениям сельского клира с крестьянством, а также проблеме уплаты ружного довольствия. Многие сельские священники открыто публиковали материалы о конфликтах на материальной почве между клиром и крестьянством. С целью наибольшей полноты и объективности научного анализа нами использовались епархиальные ведомости почти всех епархий Азиатской России – от Оренбургской до Владивостокской.

Еще одним видом опубликованных источников являются «Справочные книги» по Омской и Енисейской епархиям, в них содержится информация об обеспеченности приходов землей и ругой, отдельно отмечаются факты частичной невыплаты руги или полного отказа от ее уплаты крестьянами.

Из неопубликованных источников нами изучались материалы Государственных архивов Томской области и Красноярского края. Неопубликованные

источники представлены несколькими видами документов:

- протоколами и журналами заседаний духовных консисторий;
- клировыми ведомостями приходских церквей;
- годовыми отчетами благочинных.

В протоколах и журналах духовных консисторий содержится информация о конфликтах сельского духовенства с прихожанами, в том числе на почве отказа последних платить ругу и вообще содержать причты. В клировых ведомостях отмечены факты обеспечения приходов конкретных церквей землей и ружным хлебом, а также приведены случаи самовольных захватов причтовых земель крестьянами. Годовые отчеты благочинных дают общую картину взаимоотношений прихожан с сельским духовенством по благочиниям в целом.

Таким образом, комплекс задействованных источников позволил досконально изучить вопрос о ружном довольствии сельских причтов за Уралом в начале XX в.

РУЖНЫЙ ВОПРОС В ЕПАРХИЯХ ЗА УРАЛОМ

В XIX в. для епархий Азиатской России существовало несколько законодательных актов, касавшихся материального обеспечения приходского духовенства. В Сибири особый Комитет об улучшении сельского быта 16 мая 1852 г. положил наделить сельские церкви землями для огородов и сенокосов и с этой целью нарезать для каждой сельской церкви по 55 дес. Что касалось пахотных земель, то комитет признал более удобным взамен таковых отпускать из состоявших по приходам сельских запасных магазинов на свой причт ежемесячно для священника по 20 пуд. муки, для дьякона – по 12 пуд., на каждого из причетников по 7 и для просфорни по 2 пуда. Предполагалось, что выплата руги хлебом избавит крестьянские общества от обременительной для них обработки церковных земель, а духовенство будет обеспечено продовольствием всюду равномерно. Это определение указанного комитета было одобрено Св. Синодом и Министерством внутренних дел, однако не получило в законодательном порядке утверждения, тем не менее оно было, по распоряжению генерал-губернатора, с октября 1853 г. обращено к исполнению¹.

Для Западной Сибири существовали Положения Совета Главного управления Западной Сибири от 22 мая 1853 г. и 9 ноября 1867 г. Эти документы обязывали сельские общества взамен получаемых в пользование церковных земель вносить ежегодно в

¹ К сведению духовенства Томской епархии // Томские епарх. ведомости (офиц. часть). 1910. 1 мая. С. 222.

пользу своего причта в хлебозапасные магазины ругу: священнику – 300 пуд., дьякону – 200 пуд. и каждому причетнику – по 125 пуд. Количество хлеба предполагалось разверстать общественным приговором между всеми домохозяевами уравнительно, исходя из числа душ в приходе. При этом никто из членов общества не имел права отказаться от выплаты своей доли ружного взноса. Оба этих документа тоже не были утверждены структурами центрального государственного управления, но были переданы губернаторам и руководству епархий Томской и Тобольской губерний для исполнения².

На Дальнем Востоке действовали Высочайше утвержденные 23 декабря 1859 г. правила. По ним для обеспечения причтов Приморской области, кроме отвода земли, постройки, ремонта и отопления квартир, прихожане должны были платить духовенству ругу: священнику – до 260 руб., дьякону (если прихожане такового пожелают иметь) – до 400 руб., псаломщику – до 100, пономарю – до 70, и просфорне – 35 руб. Вместо денег руга могла оплачиваться хлебом³, и на практике в абсолютном большинстве случаев она выплачивалась именно хлебом.

Как правило, при открытии сельского прихода крестьяне составляли общественный приговор, согласно которому брали на себя обязательства содержать причт и уплачивать ругу. Так, переселенцы из Анатолиевского хутора Оренбургского уезда при открытии у себя прихода составили приговор, согласно которому причту было положено жалование 150 руб. в год, 22 дес. земли и хлебной руги по 0,5 пуда с венца⁴. Крестьяне д. Ивановской в Енисейской епархии с апреля 1909 г. при ходатайстве об открытии самостоятельного прихода брали на себя обязательство выплачивать причту надлежащую ругу⁵. Прихожане прихода церкви с. Шемонаевского Змеиногорского уезда обязывались платить ругу с каждого женатого крестьянина по пуду хлеба в год. В урожайные года размер руги должен был составлять до 500 пуд. разного хлеба, в неурожайные – 250 пуд⁶.

Однако обязательство крестьян содержать причт отнюдь не гарантировало исправную уплату руги. Немало было случаев, когда крестьяне до открытия прихода обязывались содержать приходское духовенство, а затем от этого обязательства отказывались. Например, в Томской епархии прихожане с. Томиловского

по приговору обязывались платить причту 450 пуд. ружного хлеба, но потом платить отказались. Так же поступили и крестьяне Ложкинского прихода. При чем благочинный 28-го округа «преподавал им увещание», но это толку не возымело⁷.

Вопрос об уплате руги стал причиной многочисленных конфликтов между сибирским крестьянством и сельскими причтами. При чем отказы прихожан от уплаты руги за Уралом имели место, как минимум, со второй половины XIX в. Например, в с. Тюльковском Енисейской губернии крестьяне в 1880-х гг. в течение трех лет не выдавали причту ругу. В 1890 г. общество крестьян с. Летояского Марининского округа отказалось давать священнику ругу из-за вымогательства последнего. Крестьяне с. Новоудинского Балаганского уезда в 1899 г. отказались предоставлять второму псаломщику не только ругу, но и сенокосную землю. И несмотря на давление, землю ему крестьяне так и не дали и ругу не уплатили. Крестьяне сел Троицкого, Яковлево и Мурмы Каинского уезда в 1899 г. отказались платить своим причтам ругу [Крестьянское движение..., 1985, с. 156, 166, 180].

На рубеже XIX–XX вв. в Сибири началась землеустроительная реформа и по закону 23 мая 1896 г. для причтов должен был отводиться земельный надел⁸. После отвода земли причтам выплата руги должна была прекратиться, о чем сибирская администрация сообщила через периодическую печать⁹. В связи с этим в селениях, где землеустройство было завершено и надел для причта был нарезан, выплату руги крестьяне могли прекращать уже по закону. Например, в Шалинском приходе Енисейской епархии земля причту была нарезана в 1904 г., и с того же года выплата руга не полагалась¹⁰.

Однако на 1 января 1916 г. землеустройство в Сибири далеко не было завершено: в четырех губерниях и Забайкальской области окончательно отграничено было лишь 52,69 % земель, подлежащих землеустройству [Асалханов, 1975, с. 71]. Поэтому формально значительная часть селений Сибири должна была платить ругу, по крайней мере, в тех приходах, где прихожане обязались это делать. Например, в приходе церкви с. Тулинского Томской епархии к 1907 г. причт имел лишь 12 дес. сенокоса, пахотная земля не была отведена, вместо нее была положена руга: священнику – 350 пуд. ярицы, дьякону – 200, псаломщику – 125 пуд. При чем руга выплачивалась неисправно¹¹.

² К свелению духовенства Томской епархии. С. 222–223.

³ К вопросу о «руге» во Владивостокской епархии // Владивостокские епарх. ведомости. 1903. 15 июня. Ч. неофиц. С. 278.

⁴ Предтеченский А. Село Анатолиевка Оренбургского уезда // Оренбургские епарх. ведомости (часть неофиц.). 1901. 1 дек. С. 854–855.

⁵ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 674. Оп. 1. Д. 4873. Л. 115 об., 116 об.

⁶ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 1. Д. 3702. Л. 1 об.

⁷ Там же. Д. 1535. Л. 184, 1375–1375 об.

⁸ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3. Т. 16. Отд. 1. № 12998. С. 504–505.

⁹ Приказ Иркутского генерал-губернатора // Иркутские губерн. ведомости. 1902. 14 июня. С. 2.

¹⁰ Краткое описание приходов Енисейской епархии. Красноярск: Эл.-тип. Епарх. братства, 1916. С. 39.

¹¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3760. Л. 60.

В Тальском приходе Енисейской епархии на 1915 г. земля для причта не была отведена и вместо земли полагалась руга: священнику – 240 пуд., псаломщику – 84 пуда¹².

Заметим, что многие причты до начала землеустроительной реформы в Сибири «с давних времен» имели отведенные земельные наделы, в дополнение к которым по общественным приговорам могли рассчитывать на получение руги. Поэтому мы встречаем примеры, когда некоторые причты и пользовались землей, и получали ругу. Правда, крестьяне нередко в таких приходах могли самовольно захватывать земли причта или же отказывались платить ругу. Но были приходы, где по соглашению причта и прихожан достигался компромисс. Например, в приходе церкви с. Верх-Бехтимирского Бийского уезда крестьяне платили причту 475 пуд. руги, а взамен пользовались причтовой землей¹³. В с. Обанино Оренбургской епархии вопрос о руге был решен с учетом интересов причта: в 1880 г. причту от крестьян было положено жалование взамен назначенной ранее по приговору руги и сборов¹⁴.

Были случаи, когда крестьяне без участия землеустроительных чинов отводили для причтов землю, после чего прекращали или почти прекращали платить ругу. Например, в приходе церкви с. Мининского Енисейской епархии взамен руги прихожане причту отвели 300 дес. земли, из которых, правда, 230 дес. – под выгон скота¹⁵. В с. Верх-Ирменском Барнаульского уезда на причт из священника и псаломщика в 1908 г. прихожанами была отведена земля – 99 дес. пашни и сенокоса. Если до того причт получал 475 пуд. ружного хлеба, то после отвода земли получать почти перестал¹⁶. Причем в случаях самостоятельного отвода причтам земель крестьяне часто нарезали причтам малопригодную для пашни и покоса землю (иногда совсем негодную). В Иркутской епархии отмечались случаи, когда крестьяне, защищая свои интересы, стали давать духовенству малопригодные земли и даже пытались отнимать те покосы, которыми причт пользовался уже в течение 40 лет, угрожая в противном случае отнять ругу¹⁷. Случалось, что крестьяне, выделив причтам плохие земли, почти прекращали выплаты руги. Так было в приходе церкви с. Медведского Омской епархии: от

прихожан для местного клира была положена руга, которая собиралась с трудом и далеко не вся, а отведенные причту 15 дес. сенокоса располагались в ущелье среди гор, что затрудняло и кошение сена, и его вывоз¹⁸.

Ружно-земельный вопрос иногда решался совсем не мирно. Так, в старожильческом селе Бердском Томской епархии к 1907 г. имели место и захват крестьянами причтовых земель, и отказы от выплаты руги. Причт церкви в с. Бердском состоял из двух священников, дьякона и псаломщика, на них отведено пахотной и сенокосной земли 297 дес., причем пахотную землю безвозмездно использовали прихожане, ругу платили весьма неисправно, а недоимки по руге за 1904–1906 гг. платить вовсе отказывались¹⁹. Похожая ситуация сложилась в приходе церкви с. Снегиревского Омской епархии: причт имел 9 дес. сенокоса и 90 дес. пашни, и еще от прихожан полагалась руга, но она платилась неисправно, а 90 дес. пашни прихожане просто захватили и за эту землю причту не платили ничего²⁰.

В начале XX в. отказы платить ругу стали явлением очень распространенным, причем это касалось и тех приходов, где земля причтам не была отведена. Например, причт церкви с. Усятского Бийского уезда в 1905 г. отведенной земли не имел, однако положенную ругу в размере 500 пуд. хлеба от крестьян получал неисправно²¹. В Омской епархии в приходе церкви с. Убинского земля на причт отведена не была, но положенную от общества ругу (350 пуд.) причт не получал вовсе²². В 1901 г. крестьяне д. Усть-Кемской Енисейского уезда отказались выдавать ругу причту Усть-Кемской церкви. В 1902 г. крестьяне с. Миндерминского Канского уезда отказались платить ругу причту. В 1903 г. приходской сход в с. Ключевском Канского уезда принял приговор – не платить ругу [Крестьянское движение..., 1985, с. 188–189, 192, 194]. В Приморской области одно из сельских обществ составило приговор сельского схода о нежелании платить клиру ружное пособие²³. В Томской епархии в 1900 г. отмечалось, что руга повсеместно платилась прихожанами неисправно²⁴.

Революционные события 1905–1907 гг. усилили конфронтацию между сибирским крестьянством и приходским духовенством, поэтому случаев отказа крестьян от уплаты руги с 1905 г. отмечено очень

¹² Краткое описание приходов Енисейской... С. 35.

¹³ ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3700. Л. 36.

¹⁴ Чернавский Н. Село Обанино Челябинского уезда // Оренбургские епарх. ведомости. 1901. 15 мая. Ч. неофиц. С. 388–391.

¹⁵ Краткое описание приходов Енисейской епархии... С. 27–28.

¹⁶ ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3816. Л. 137 об.

¹⁷ Григорьев В. Земельный надел и ружное довольствие // Иркутские епарх. ведомости (приложение к «Иркутским епарх. ведомостям»). 1902. 1 сент. С. 385–386.

¹⁸ Справочная книга Омской епархии на 1914 г. Омск: Тип. «Иртыш», 1914. С. 461.

¹⁹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3760. Л. 20 об.–21.

²⁰ Справочная книга Омской епархии... С. 458.

²¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3700. Л. 52.

²² Справочная книга Омской епархии... С. 472.

²³ К вопросу о «руге» во Владивостокской... С. 277.

²⁴ Томская епархия в 1900 году // Томские епарх. ведомости. 1901. 15 июля. Отдел неофиц. С. 14–15.

много. В 1905 г. крестьяне с. Никольского Канского уезда составили приговор об отказе платить ругу. Фигурировал вопрос об отмене руги и в приговоре доверенных от сельских обществ сел Нарымского, Торейского, Укыр-Челонского и Баян-Хосунского Селенгинского уезда Забайкальской области 24 января 1906 г. В с. Константиновском Мариинского уезда 14 апреля 1906 г. общество приняло приговор об отказе платить причту недоимку по руге (около 1000 пуд. ржи). В с. Белоусовском Иркутского уезда крестьяне 24 марта 1907 г. отказались платить причту ругу. В декабре 1905 г. крестьяне д. Харинской Балаганского уезда решили отказаться платить ругу. А в с. Голуметь Балаганского уезда в декабре 1905 г. крестьяне на сходе решили не платить ругу до созыва Учредительного собрания [Крестьянское движение..., 1985, с. 207, 231, 247, 261, 301]. В 1913 г. отказались платить ругу крестьяне с. Мало-Бутырского Барнаульского уезда²⁵.

В ходе революции 1905–1907 гг. и в последующие годы немало было приходов, где крестьяне начали платить ругу в неполном против обещанного размере или же платить нерегулярно. Так, в клировой ведомости церкви с. Солтонского Бийского уезда за 1905 г. отмечалось, что священник и псаломщик ругу в полном объеме не получали, а дьякону крестьяне не платили ее совсем²⁶. Неисправно платили ругу причтам в 1905 г. крестьяне сел Новиковского и Сростинского Бийского уезда²⁷. Крестьяне с. Верх-Алеусского Барнаульского уезда ругу платить обязались, но делали это нерегулярно²⁸.

Но и тогда, когда руга вроде бы уплачивалась, происходило это в условиях сильного сопротивления крестьян. Псаломщик Оболтин из Тобольской епархии описывал сбор ружного хлеба так: духовенство едет на сбор зерна, рассчитывая на приличные «пудовки» руги с учетом хорошего урожая, а крестьяне как могут изворачиваются, кто стремится уменьшить «надел», а кто и вовсе ничего не хочет дать. Кто-то отговаривается тем, что у него хлеб не молот, а кто-то заявляет: «нечем наделить, батюшка, рад бы дать, да не родился хлебец, Бог не дал», кто-то скажет, что хлеб градом побило и т.п. Отказы приходилось выслушивать чуть не от половины прихожан. При этом ссориться с пасомыми для лица духовного было неблагопристойно и не подобало, жаловаться некому, поэтому приходилось, «скрепя сердце, покоряться судьбе, или чуть-чуть не просить с поклоном, по-нищенски “Христа ради” своего заслуженного куска хлеба»²⁹.

Отчасти массовые отказы платить ругу были обусловлены безнаказанностью в отношении крестьян: неуплата руги, как правило, не влекла каких-либо административных санкций со стороны властей. Как видно из архивных документов, если крестьяне отказывались платить ругу, священнику оставалось только развести руками. Так, причт Разъезженской церкви Минусинского уезда жаловался, что Разъезженское сельское общество не платит хлебную ругу, и просил Енисейскую духовную консисторию взыскать недоимки за 1908 г. и первую половину 1909 г. Консистория ответила таким решением: «на взыскание руги с прихожан нет оснований и указаний в действующих законоположениях» и «в деле взыскания руги можно пользоваться только мерами нравственного воздействия»³⁰. Если приходские священники из-за неуплаты руги обращались в суд или к местной администрации, то такие жалобы не всегда находили поддержку у местных властей. Часто местные власти вовсе игнорировали просьбы священников как-то воздействовать на прихожан для выплаты ружного пособия. Например, в Томской епархии в 1900 г. духовенству почти каждый год при получении руги приходилось обращаться за содействием к гражданской власти, но это содействие далеко не всегда оказывалось³¹. В благочинии 11 Томской епархии в 1900 г. меры по взысканию руги ограничивались почти пустой перепиской с начальством, а прихожане после этого только озлоблялись на причт и еще больше упорствовали в ружном вопросе³². В отчете главы благочиния № 32 Томской епархии за 1901 г. отмечалось, что некоторые причты в качестве меры для взыскания руги обращались к «подлежащим властям», но просьбы эти оставались без удовлетворения³³.

Во многих районах Сибири местная администрация в ружном вопросе занимала даже откровенно враждебную позицию по отношению к сельскому духовенству. Например, в приходе церкви с. Битковского Барнаульского уезда на причт еще в 1861 г. было отведено 90 дес. пахотной и 9 дес. сенокосной земли, этой землей пользовались крестьяне, не уплачивая причту ничего. Между тем полагалась хлебная руга в размере 675 пуд. ржаного хлеба, но в 1907 г. «вследствие распоряжения крестьянского начальника ругу не собирали»³⁴. На съезде духовенства 1-го и 2-го округов Киренского уезда Иркутской епархии отмечалось, что крестьянские начальники своими действиями фактически настраивали крестьян против духовенства. Если ранее крестьяне хранили ругу в своих общественных магазинах и бесплатно достав-

²⁵ ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4379. Л. 92.

²⁶ Там же. Д. 3700. Л. 12.

²⁷ Там же. Л. 74, 82.

²⁸ Там же. Д. 3761. Л. 62 об.

²⁹ О положении духовенства и материальном его обеспечении // Тобольские епарх. ведомости. 1906. 16 дек. Отдел неофиц. С. 661.

³⁰ ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4845. Л. 524–524 об.

³¹ Томская епархия в 1900 году... С. 14–15.

³² ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1220. Л. 16.

³³ Там же. Д. 1259. Л. 36 об.

³⁴ Там же. Д. 3761. Л. 19–19 об.

ляли ее по месту жительства духовенства, то затем, по распоряжению крестьянских начальников, стали отказывать духовенству в этом. Духовенству также было предложено для хранения и доставки руги нанимать свои помещения и подводы. Сторож, который избирался обществом для службы у священника, был отнят. Доставка дров прихожанами для отопления причтовых помещений была воспрещена; постройка и ремонт причтовых помещений также запрещены. Отпуск бесплатных подвод священнику для исполнения пастырских обязанностей по приходу был запрещен, отчего увеличилось число умиравших без покаяния и надлежащего погребения. Крестьянам со стороны крестьянских начальников внушалось, что духовенство пользовалось обеспечением прихожан незаконно, благодаря их неведению, и такие внушения вооружали крестьян против духовенства и подрывали авторитет клира в глазах паствы³⁵. Так, в Иркутской епархии были отмечены факты, когда землеустроительные мероприятия еще не были завершены и земля еще не передана в пользование духовенства, а некоторые крестьянские начальники уже приказывали крестьянам прекращать выдачу руги³⁶.

В Енисейской епархии прихожане причта Михалевской церкви Канского уезда отказались платить повинности на содержание храма, в том числе платить псаломщику ругу. В ноябре 1910 г. глава Енисейской епархии обратился к губернатору с просьбой оказать влияние на михалевских крестьян. Тот ответил формальной отпиской, фактически отказав в этой просьбе. Все, что осталось главе епархии, – обратиться к участковому переселенческому чиновнику с просьбой оказать «нравственное воздействие» на крестьян прихода церкви с. Михалевского³⁷. В Омской епархии в приходе церкви с. Берель причту от прихожан полагалась руга, но в 1904–1908 гг. она не уплачивалась по распоряжению крестьянского начальника 3-го участка Змеиногорского уезда³⁸.

Однако в некоторых регионах представители местной администрации пытались как-то урегулировать ружный вопрос. Так, в 1908 г. военный губернатор Забайкальской области выпустил циркуляр, пытаясь установить порядок уплаты руги. Правда, последний пункт в этом циркуляре гласил, что принудительные меры взыскания, установленные по отношению к недоимкам податных и мирских сборов,

не должны применяться при взыскании с населения ружного хлеба. Максимум, что могли местные крестьянские начальники сделать со злостными неплательщиками руги, это «оказать нравственное воздействие на вверенное им население, убедив его в справедливости требования причтов»³⁹. Фактически же этот пункт отменял намерения военного губернатора в этом вопросе.

Чувствуя свою безнаказанность, крестьяне некоторых обществ отказ от уплаты руги облекали в откровенно оскорбительную форму. Например, в Енисейской епархии крестьяне с. Ибрюльского в течение 10 лет не платили причту ругу и, по словам священника А. Муранова, обманывали начальство обещаниями уплатить все, но под разными предлогами от выполнения обещаний уклонялись. А причту ибрюлинцы смеялись в лицо: «вы-де и не думайте получить ругу, никогда ее вам не будет, ведь это не подати, за ругу описывать имущество не будут»⁴⁰.

Едва ли не единственной мерой воздействия на прихожан в ружном вопросе была угроза закрыть приход. Например, прихожане с. Вагинского священнику и псаломщику не платили жалованье и ругу. Учитывая это, консистория в 1909 г. приняла решение – причт из с. Вагинского перенести во вновь открытый переселенческий приход пос. Юрьевского⁴¹. 20 мая 1906 г. приход церкви с. Барнаульского Шадринской волости был закрыт до удовлетворения прихожанами нужд своего причта, в том числе и по выплате руги за прежние годы. Расформированный приход был приписан к приходу ближайшей церкви, а причту было предложено просить себе другие места в епархии⁴². Крестьяне с. Тюменевы Томской епархии, желая иметь у себя церковный причт, обязались приговором содержать причт, в частности, выдавать ругу. Но вскоре после открытия прихода прихожане перестали выполнять эти условия; священнику нечем стало жить, и он перешел на другое место, а заведывание Тюменевским приходом было поручено священнику соседнего села⁴³.

Впрочем, и угрозы закрыть приход не всегда действовали. Так, после отказа прихожан Крапивинской церкви Кузнецкого уезда платить ружный хлеб им было объявлено, что в случае невыплаты руги они

³⁵ Благочиннический съезд духовенства 1 и 2 округов Киренского уезда 15 – 17 января 1902 года // Иркутские епарх. ведомости (Прибавление к Иркутским епарх. ведомостям). 1902. 15 марта. С. 97–98.

³⁶ Журнал XXXIV съезда депутатов от духовенства Иркутской епархии № 12 от 23 августа // Иркутские епарх. ведомости. 1902. 15 сент. С. 176.

³⁷ ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4937. Л. 670–670 об.

³⁸ Справочная книга Омской епархии... С. 459 – 460.

³⁹ Крестьянским и инородческим начальникам Забайкальской области (копия циркулярного предписания военного губернатора Забайкальской области от 24 октября 1908 г. за №3401) // Забайкальские епарх. ведомости. 1908. дек. Отдел 1-й офиц. С. 131.

⁴⁰ ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4904. Л. 653.

⁴¹ Распоряжения епархиального начальства // Томские епарх. ведомости. 1909. 1 дек. Офиц. часть. С. 602.

⁴² От Томской духовной консистории // Томские епарх. ведомости. 1906. 1 июля. Офиц. часть. С. 3.

⁴³ Обзорение Томским преосвященным своей епархии в 1905 году // Томские епарх. ведомости. 1906. 15 июля. Неофиц. часть. С. 19–20.

могут остаться без причта. Прихожане вроде бы согласились ругу выплачивать и даже составили об этом приговор, но через некоторое время священник церкви с. Крапивинского сообщил, что крестьяне свое обещание не выполняют⁴⁴.

Отказы крестьян от уплаты руги хотя и стали явлением распространенным, но было бы ошибкой утверждать, что большинство сибирских крестьян не желали содержать приходское духовенство. Очень много было случаев, когда крестьяне исправно платили ружный хлеб, не вступая в конфронтацию с клиром. Так, в приходе церкви с. Никоновского Барнаульского уезда исправно получали ругу и священник (350 пуд.), и псаломщик (125 пуд.). И это притом, что им выдавалось еще жалование от казны⁴⁵. В Омской епархии в приходе церкви с. Кондратьевского прихожане по приговору 1908 г. уплачивали ругу по пуду с каждого повенчанного прихожанина до 60-летнего возраста, и в дополнение еще отвели причту из своих угодий 9 дес. сенокоса и 90 дес. пашни. В приходе церкви с. Топольного по приговору прихожан от 1893 г. причт получал ругу (350 пуд. священник и 125 пуд. псаломщик), в дополнение к этому от общества платилось жалование (300 руб. священнику и 100 руб. псаломщику), а также общество (до землеустройства) отводило причту землю – 100 дес. пашни и 7 дес. сенокоса⁴⁶. Причту церкви с. Жуланыхинского Барнаульского уезда была отведена земля (99 дес.) и одновременно причт по приговору общества получал ругу в денежном выражении – 150 руб.⁴⁷

Имелись и приходы, где крестьяне платили причту и жалование деньгами, и ругу хлебом. Так, в приходе церкви с. Быструхинского причту прихожане платили 500 руб. жалования в год; кроме того, священник получал зернового хлеба 350 пуд., псаломщик – 125 пуд.⁴⁸ Прихожане прихода церкви с. Дубровинского Барнаульского уезда тоже платили причту жалование (800 руб.) и ружный хлеб (475 пуд.)⁴⁹. Таких примеров очень много. Однако они все же не отменяют того факта, что в сибирской деревне в начале XX в. обозначилась тенденция к конфронтации крестьянства и приходского духовенства. Одной из причин этого конфликта был ружный вопрос.

ПРИЧИНЫ ОТКАЗА СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯН ОТ УПЛАТЫ РУГИ

Какими причинами были вызваны отказы платить ругу? Самым логичным объяснением отказов платить ругу можно было бы назвать бедность кре-

стьян. Встречаются случаи, когда именно экономическая несостоятельность крестьян являлась причиной отказа содержать причт. Например, в Данковском приходе Томской епархии к весне 1911 г. числилось три недавно заселенных поселка, новоселы в них по бедности отказывались нести повинности в пользу причта⁵⁰. Однако между отказами сибирских крестьян платить ругу и их материальным положением далеко не всегда можно проследить прямую связь. Так, в Енисейской епархии крестьяне с. Свищевского «наотрез и навсегда» отказались платить ругу своему причту, тогда как крестьяне соседнего с. Маганского подтверждали готовность содержать свой причт. При этом жители Свищевского прихода характеризовались как «более состоятельные и зажиточные», а крестьяне с. Маганского считались бедными⁵¹. В с. Константиноградовке Благовещенской епархии, как отметил епископ Приамурский и Благовещенский, были хорошие урожаи хлеба, такие, о которых крестьяне Центральной России и помышлять не смели. Константиноградовским крестьянам хлеба хватало для себя, он оставался и для скота, имелись и излишки на продажу. При этом многие крестьяне платить ругу отказывались⁵².

Вообще, выплата руги не представляла собой очень тяжкую для крестьян повинность. В малолюдных приходах размер руги мог быть с годного работника не более пуда в год, а в многолюдных – полпуда или немногим больше⁵³. Поэтому можно предположить, что отказы крестьян платить ругу вызывались не бедностью, а иными причинами.

Представители духовенства называли две причины. Во-первых, в начале XX в. ответственность за неуплату руги возлагалась на «освободительное движение» в годы Первой русской революции. Так, обер-прокурор Синода связывал именно с агитацией «разных недоброжелателей» духовенства факт прекращения во многих местах выдачи прихожанами причтам издавна установленного общественного жалования и хлебного довольствия⁵⁴. Информация об этом в Синод поступала из епархий. Например, в Благовещенской епархии в с. Константиноградовке именно агитация революционеров привела к тому, что многие крестьяне начали отказывать причтам в ружном пособии⁵⁵.

⁵⁰ Там же. Д. 1535. Л. 837–837 об.

⁵¹ ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4873. Л. 804–804 об.

⁵² Поездка Его преосвященства, преосвященнейшего Николая, епископа Приамурского и Благовещенского, по епархии с 13 декабря 1905 г. по 13 февраля 1906 г. // Благовещенские епарх. ведомости (отдел неофиц.). 1906. 30 мая. С. 280.

⁵³ ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1535. Л. 689.

⁵⁴ Всеподданнейший отчет обер-прокурора святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911–1912 годы. СПб.: Синодальная тип., 1913. С. 183–185.

⁵⁵ Поездка Его преосвященства... С. 280.

⁴⁴ ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1535. Л. 688 об.

⁴⁵ Там же. Д. 3760. Л. 178.

⁴⁶ Справочная книга Омской епархии... С. 485.

⁴⁷ ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3761. Л. 94–94 об.

⁴⁸ Там же. Д. 3400. Л. 53.

⁴⁹ Там же. Д. 4379. Л. 58.

Во-вторых, духовенство винило переселенцев во вредном влиянии на старожилов: до наплыва переселенцев старожилы ругу платили исправно, переселенцы же первые перестали платить ругу, говоря: «Мы в России не платили руги, не будем платить и здесь». Глядя на новоселов, не стали платить и старожилы⁵⁶.

На наш взгляд, отказы в выплате руги вызывались не только влиянием переселенцев, не плативших ругу на родине. За Уралом немало было приходов, которые тоже не обязаны были платить ругу. Причем это касалось не только северных районов, где хлебопашество было слабо развито [Цысь, 2018, с. 954], но и земледельческой зоны. Так, в Оренбургской епархии к началу реформ Александра II духовенство в 77 приходах получало ругу, а в 64 взамен имело земельные участки [Фот, 2016, с. 21]. В Енисейской епархии из 18 сельских приходов 1-го благочиния Ачинского уезда в 1912 г. руга платилась прихожанами лишь в 8 приходах. При этом были приходы, где причту полагались и земля, и руга, а в некоторых приходах не полагалось ни того, ни другого. Например, в Енисейской епархии причту Большекемчугской церкви полагалось в год 300 руб. на священника и 145 руб. на псаломщика, но без руги и церковной земли, тогда как в Новоселовском приходе при казенном жаловании 390 руб. священнику и 145 руб. псаломщику была положена руга в 324 пуда. Причту же Новосельской церкви при жаловании 390 руб. священнику и 145 руб. псаломщику полагались и руга в 324 пуда, и 52 дес. сенокоса церковной земли⁵⁷. Наличие приходов, где выплата руги не полагалась, могло стать побудительным мотивом для крестьян в отказе уплачивать ругу в тех приходах, где это полагалось.

Временной причиной неуплаты руги могли быть неурожаи. Например, в приходе церкви с. Красноярского Омской епархии в годы недорода ругу крестьяне не платили совсем⁵⁸. Добавим, что в случаях неурожая или разных бедствий духовная консистория, как правило, относилась к этому с пониманием и не настаивала на взыскании руги. Так, по отзыву благочинного от 27 февраля 1912 г., прихожане церкви с. Верх-Кулебинского из-за неурожая сами голодали и не могли дать причту положенную ругу. Хотя причт этого села настаивал на «побуждении» прихожан к уплате руги, Томская духовная консистория приняла во внимание бедственное положение крестьян и прошение причта оставила без последствий⁵⁹.

Разумеется, имелось немало и других причин, вызванных разными случайными обстоятельствами.

Например, в приходе с. Сенновского Омской епархии для первого священника полагалось 350 пуд. руги в год, для второго – 250, для псаломщиков – по 125 пуд., однако часть прихожан (из раскольников) уплачивать ругу отказались, а православная часть прихода платить в положенном размере не могла⁶⁰. В приходе церкви с. Быстрианского Бийского уезда в 1903–1904 гг. причт не получил более 500 пуд., так как многие прихожане являлись крещенными кочевыми инородцами и хлебопашеством не занимались⁶¹.

ВЫВОДЫ

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. в сибирской деревне участились случаи отказа выплачивать причтам ружное пособие. Конечно, нет оснований утверждать, что все или даже большинство сел и деревень в епархиях Азиатской России отказывались содержать приходское духовенство. Однако не подлежит сомнению, что отказы платить ругу со стороны крестьян были явлением распространенным. Факты свидетельствуют о том, что в ряде приходов вопрос о содержании причтов привел к антагонизму между крестьянами и клиром. Можно утверждать, что нежелание крестьян выплачивать ругу в пользу сельского клира представляло собой тенденцию, обусловленную комплексом как объективных, так и субъективных причин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 267 с.
- Берковская З.Н. Влияние имперской модернизации конца XIX – начала XX в. на жизнедеятельность духовенства новообразованных епархий Русской Православной Церкви (по материалам Омской епархии) // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 1. С. 19–27.
- Дулов А.В., Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Иркутск: СибПолиграфСервис, 2006. Ч. 2. 324 с.
- Крестьянское движение в Сибири. 1861–1907 гг. Хроника и историография / Л.М. Горюшкин, В.В. Кучер, Г.А. Ноздрин и др.; отв. ред. Л.М. Горюшкин, Е.И. Соловьева. Новосибирск: Наука, 1985. 327 с.
- Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX–XX вв.): исторические очерки / ред. кол. В.А. Волчек, А.М. Адаменко, В.А. Овчинников. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. 319 с.
- Фот А.Г. Повседневная жизнь православного приходского духовенства Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2016. 30 с.
- Цысь О.П. Материальное обеспечение духовенства Тобольского Севера в XVIII – начале XX вв. // Былые годы. 2018. № 3. С. 949–958.
- Шушканова Е.А. Жизнь сельского прихода России накануне революции 1917 г. (на примере Енисейской губернии) // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманитарн. ун-та. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2018. № 82. С. 53–67.

⁵⁶ ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1535. Л. 689.

⁵⁷ ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 7982. Л. 118 об.–119 (подсчитано нами. – Д.Б.).

⁵⁸ Справочная книга Омской епархии... С. 477.

⁵⁹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1572. Л. 431–431 об.

⁶⁰ Справочная книга Омской епархии... С. 463.

⁶¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3700. Л. 90 об.

REFERENCES

Adamenko A.M., Gizei Yu.Yu., Gorbatov A.V., Ivanov K.Yu., Ovchinnikov V.A., Ust'yantseva O.N. (2007). The Russian Orthodox Church of the south of Western Siberia (19th–20th centuries): hist. essays. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 319 p. (In Russ.)

Asalkhanov I.A. (1975). Agriculture of Siberia in the late 19th – early 20th centuries. Novosibirsk, Nauka, 267 p. (In Russ.)

Berkovskaya Z.N. (2021). Influence of imperial modernization of the late XIX – early XX centuries on the life of the clergy in newly established dioceses of the Russian Orthodox Church (based on the materials of the Omsk Diocese). *Manuskript*, vol. 14, no. 1, pp. 19–27. (In Russ.)

Dulov A.V., Sannikov A.P. (2006). The Orthodox Church in Eastern Siberia in the 17th – early 20th centuries. Pt. 2. Irkutsk, Irkut. mezhregion. in-t obshchestv. nauk, 324 p. (In Russ.)

Fot A.G. (2016). Daily life of the Orthodox parish clergy of the Orenburg Diocese in the second half of the 19th – early 20th centuries: Cand. hist. sci. diss. abstr. Orenburg, 30 p. (In Russ.)

Goryushkin L.M., Solov'eva E.I. (eds.). (1985). Peasant movement in Siberia, 1861–1907: chronicle and historiography. Novosibirsk, Nauka, 327 p. (In Russ.)

Shushkanova E.A. (2018). Life of a rural parish in Russia on the eve of the revolution of 1917 (by the example of the Yeniseisk Province). *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2, Istoriya. Istoriya Russkoy pravoslavnoy tserkvi*, no. 82, pp. 53–67. (In Russ.)

Tsys' O.P. (2018). Material support of the clergy of the Tobolsk North in the XVIII – early XX centuries. *Bylye gody*, vol. 49, no. 3, pp. 949–958. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.06.2023

Дата рецензирования 09.10.2023

Статья принята к публикации 16.10.2023

DOI: 10.15372/HSS20230406

УДК 94:271.2(47+57)"1921"

EDN: MGQLFL

В.В. ПЕРВУШИН

ОБРАЗ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» В 1921 г.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена характеристике образа Русской православной церкви по материалам, опубликованным в 1921 г. в главном печатном органе РКП(б) – газете «Правда». Рассмотрены содержательное наполнение образа церкви, методы его конструирования и жанры, в которых он представлен. Установлено, что большинство публикаций, прямо или косвенно затрагивающих тему Церкви, относятся к аналитическим жанрам. Изучение содержательной стороны представленного образа показывает, что редакция «Правды» стремилась сформировать негативное отношение к Православной церкви. Выявленные приемы создания ее образа показывают, что образ Церкви был сконструирован на противоречиях, следовательно, создавал представление о его правдоподобности. В большинстве случаев для этого использовался понятный широкому кругу читателей образ «попа», наделяемый набором устойчивых отрицательных личностных качеств и отталкивающих черт внешности.

Ключевые слова: образ Церкви, историческая имагология, государственно-церковные отношения, Русская православная церковь, партийная периодика, газета «Правда».

Для цитирования: Первушин В.В. Образ Русской православной церкви на страницах газеты «Правда» в 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 4. С. 51–58. DOI: 10.15372/HSS20230406

V.V. PERVUSHIN

IMAGE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE PAGES OF THE NEWSPAPER “PRAVDA” IN 1921

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The period of the 1920s is of particular interest in the centuries-old history of state-church relations. This decade was marked by the process of formation and testing of the basic principles of anti-religious policy. Active anti-religious propaganda intended to create a negative attitude of the population toward the Orthodox Church was an integral part of this policy. The author reports the results of the study of materials published in the newspaper “Pravda” in 1921 that allow us to characterize the image of the Orthodox Church. The article considers the content of the image of the Church, the methods of its creation, and the genres of its presentation. The theme of the Church, in one way or another, was touched upon in more than 90 issues (about a third of issues in 1921), which indicates the urgency of this problem for the Bolshevik Party. Nearly half of the discovered materials relate to analytical newspaper genres. The study of the content of the presented image reveals the aim of forming a negative attitude towards the Church. It also indicates that the image was created by combining contradictory meanings. In the materials of “Pravda”, the Orthodox Church both posed a danger to the state and was afraid of it. The Church had a strong influence on the views of the citizens, and at the same time was rapidly losing its followers. It was a serious threat and an object of ridicule. In most cases, the image of the Church was communicated to the reader through the image of a “priest” who acted as a personified embodiment of Orthodoxy as a whole. Negative personal qualities and repulsive appearance traits were assigned to the priests and the laypeople. The pages of “Pravda” also reflected the internal party disputes about the tactics of implementing anti-religious policy and propaganda. For example, the question of presenting the image of a priest in theater plays became the subject of discussion by A.S. Serafimovich and A.V. Lunacharsky.

Key words: image of the church, historical imagology, state-church relations, the Russian Orthodox Church, party periodicals, newspaper “Pravda”.

Владимир Васильевич Первушин – аспирант, Институт истории СО РАН, e-mail: jaxbrigs_mk@mail.ru, orcid.org/0009-0003-7018-3228.

Vladimir V. Pervushin – Postgraduate Student, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

История государственно-церковных взаимоотношений в XX в. остается одной из актуальных исследовательских тем в современной историографии (см., напр.: [Лонский, 2020; Котлецов, 2022; Ревякин, 2023]). Особое место в ее изучении занимает период 1920-х гг. Это подтверждается обилием работ, касающихся данного периода, а также работами обобщающего характера. События 1920-х гг. оцениваются в них как ключевые и рубежные, особо выделяются при выстраивании периодизации антирелигиозной политики и истории Русской православной церкви (см., напр.: [Цыпин, 2010; Смыкалин, 2016; Савин, 2018]).

Об актуальности категории «образ» в гуманитарных и непосредственно в исторических исследованиях последних лет свидетельствует большое количество научных публикаций, посвященных характеристике образов конкретных субъектов, объектов и/или явлений (см., напр.: [Михайленко, 2020; Федотова, 2022]). Прослеживается и интерес к изучению образа Церкви, для чего привлекаются различные виды исторических источников, в том числе периодика (см. напр.: [Дашевская, 2019; Отто, 2022; Григорьев, 2023]). В 1920-е гг. молодая Советская Россия шла по пути отделения Церкви от государства. На протяжении десятилетия осуществлялся процесс формирования и апробации основных принципов антирелигиозной политики. Ее неотъемлемой частью была активная антирелигиозная пропаганда, призванная создать негативное отношение населения к Православной церкви. Значимая роль в решении этой задачи отводилась периодическим изданиям, в частности, главному печатаному органу РКП(б) – газете «Правда». На ее страницах отразились непростые коллизии отношений власти и самой крупной конфессии страны.

Газета «Правда» активно используется в исторических исследованиях для освещения широкого круга вопросов (см. напр.: [Клинова, 2020; Григорьева, 2022; Кирилук, 2022]). Однако, обладая очевидными значимостью, сохранностью и доступностью, материалы «Правды» в полной мере не привлекались для изучения антирелигиозной политики большевиков. Как правило, исследователями использовались публикации, в которых излагались позиция и действия представителей власти [Кривова, 1997; Одинцов, 2014]. Данный подход оправдан при изучении нарративов, посвященных истории государственно-церковных отношений. Но при таком подходе вне поля зрения исследователей остаются многочисленные публикации (заметки, статьи, художественные произведения), предоставляющие ценную информацию о том, какой образ Церкви газета «Правда» хотела сформировать у читателей.

Прежде чем перейти к непосредственной характеристике образа Православной церкви, созданного

газетой «Правда» в 1921 г., необходимо отметить, что в данной статье представлены предварительные результаты работы, предполагающей исследование материалов «Правды» за весь период 1920-х гг.¹ Во-вторых, газета «Правда» не являлась специализированным органом печати, ответственным за антирелигиозную пропаганду. Тем не менее «Правда» ввиду значимости для большевиков решения церковного вопроса данную функцию выполняла. Злободневность проблемы в сочетании с ежедневным форматом выпуска породили обилие материала для изучения тех представлений о Церкви, которые редакция газеты стремилась донести до народных масс. Третий момент, на который следует обратить внимание, заключается в том, что Православная церковь в данном исследовании рассматривается как социальный институт. Такой подход позволяет обратить внимание на крупнейшую религиозную конфессию на территории Советской России как на форму организации социальной жизни, регулирующую деятельность и поведение людей в определенной сфере [Воронова, 2004, с. 61]. Данный ракурс представляется важным уточнением, так как зачастую в материалах, опубликованных в «Правде», образ Церкви преподносится читателю не через презентацию действий ее как организации или ее видных представителей, а через описание поступков и высказываний рядовых священников и мирян (как правило, безымянных), руководствовавшихся своими религиозными убеждениями, а также посредством сравнения и оценки действий и мыслей православных со стороны авторов этих публикаций.

Особо отметим, что «Правда» – орган партийной печати, следовательно, публикуемые в ней материалы в целом доносят позицию ЦК РКП(б). Это важно, так как задачей данного исследования не является сопоставление первичного объекта и его образа на страницах «Правды». Образ, словно отражение в зеркале, воплощает часть первичного объекта или явления, потому не может объективно и в полной мере воспроизвести оригинал. Однако образ, зафиксированный в той или иной форме, сам становится объектом, который, как и первичный объект, может быть подвержен анализу [Лапина, 2019, с. 28]. Именно характеристике образа Православной церкви в выпусках газеты «Правда» за 1921 г. посвящена настоящая работа.

ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ЦЕРКВИ
НА СТРАНИЦАХ «ПРАВДЫ»

Религия и Церковь как ее проводник воспринимались большевиками как явления враждебные и по-

¹ Для ознакомления с результатами исследования материалов, опубликованных в газете «Правда» в 1920 г., см.: Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 235–242.

тому подлежащие искоренению. В первую очередь внимание советской власти было сосредоточено на православии, являвшемся религией большинства и идеологической опорой самодержавия. Однако прямой террор против Православной церкви, если бы он стал единственным инструментом борьбы, мог привести к обратному эффекту. Предстояло переубедить как можно большее количество людей, показав им, как минимум, бесполезность, а лучше – опасность Православной церкви и ее верующих. Материалы «Правды» сообщают о поисках эффективных методов антирелигиозной пропаганды, отдельно освещаются конкретные удачные примеры, а также проблемы, с которыми сталкивались большевики на данном поприще². И уже в свете этих установок представители православного духовенства показываются как вредоносный элемент, препятствующий политике государства³.

Рассмотрим выявленные нами приемы, к которым прибегали авторы публикаций в «Правде» для создания негативного образа Церкви. Один из очевидных и эффективных способов показать враждебность какого-либо явления – продемонстрировать его прямую связь с чем-то, что уже расценивается как враждебное. Для рабочих и крестьян – это, во-первых, социальные группы, со стороны которых они подвергались различного рода притеснениям; во-вторых, власть, когда-то защищавшая интересы этих социальных групп; наконец, те, кто предпринимал попытки восстановить в каком-либо виде их прежнее господство. Выпуски «Правды» за 1921 г. изобилуют такого рода материалами.

Как правило, авторы формируют враждебный образ Церкви двумя способами. Первый – демонстрация читателю конкретных случаев сотрудничества православного духовенства с внутренними и внешними врагами: предоставление помощи контрреволюционерам; призывы к свержению и участие в восстаниях против советской власти. Примером может послужить освещение участия отца Сергея Путилина⁴ в руководстве Кронштадтским мятежом и проведении местным духовенством богослужений в восставшем городе⁵.

Второй способ осуществлялся посредством упоминания Церкви в одном ряду с другими классовыми врагами. В такого рода публикациях отсутствует привязка к каким-либо конкретным событиям и лицам, дается перечисление условных субъектов, что уславливает их подобие. Примером может послужить фрагмент из статьи А.С. Серафимовича, опубликованной в № 127: «Отступать ни нам, ни вам некуда: сзади – черная яма для костей, глубоко вырытая генералами, попами, помещиками, банкирами, меньшевиками...»⁶.

Однако и сама по себе Церковь в глазах читателя должна была представлять опасность для общества и государства. С этой целью приводились сведения о том, что непосредственно представители духовенства или глубоко верующие люди наносят вред народному хозяйству в условиях существенных проблем в экономике⁷. Показательными являются примеры описания деятельности православного духовенства в период голода 1921–1922 гг. Несмотря на известные факты помощи голодающим со стороны Русской православной церкви, какие-либо упоминания о православном клире в положительном ключе⁸ на страницах «Правды» отсутствуют. Напротив, ситуация была использована для дальнейшего конструирования негативного образа Церкви [Козлов, 2019, с. 147–148]. Согласно материалам газеты, касающимся темы голода (которые преимущественно являются художественными текстами), православное духовенство занималось в основном или «привычным» изъятием продовольствия у населения в качестве платы за свои услуги или убеждением голодающих в том, что голод – закономерное наказание свыше. Примером первого может послужить рассказ Я.М. Окунева «У земли», по сюжету которого противопоставляются «темные» крестьяне и «прозревший» Федор. Главный герой осудил поступок односельчан, которые собрали продукты для «попов»⁹, в то время как в стране свирепствует голод. Крестьяне, по мнению Федора, могли бы отдать продукты голодающим, в то время как духовенство так не поступит¹⁰.

Помимо материального вреда, с точки зрения большевиков, Церковь оказывала вредное влияние на

² Новые формы и методы агитпропаганды // Правда. 1921. 16 марта; Партия и антирелигиозная пропаганда // Там же. 24 июня; Религиозный диспут // Там же. 31 авг.; Очередные задачи агитации и пропаганды // Там же. 25 окт.;

³ Из жизни захолустья // Правда. 1921. 7 июня; В Тульской деревне // Там же. 28 дек.

⁴ Редакция, упоминая, что Путилин на момент событий в Кронштадте уже не был священником, помещает заметку под заголовком «Отец Путилин».

⁵ Кто руководит восстанием // Правда. 1921. 8 марта; От Маркова – до Мартова // Там же. 3 апр.; Кровавый урок // Там же. 5 апр.; Как и кем готовилась Саратовская антибольшевистская республика // Там же. 15 мая; Общество помощи контрреволюции // Там же. 4 июня.

⁶ Эсеровская «тактика» // Правда. 1921. 8 февр.; К открытию X съезда // Там же. 8 марта; Подходят // Там же. 12 июня;

⁷ «Сретенская» водочка // Правда. 1921. 18 февр.; Побольше внимания и это не повторится // Там же. 22 февр.; Николина ярмарка // Там же. 27 мая.

⁸ Возможно, единственным примером освещения «Правдой» помощи голодающим со стороны какого-либо религиозного объединения может послужить заметка «Толстовцы на борьбу с голодом», опубликованная 5 августа 1921 г.

⁹ Из публикаций в газете «Правда» достаточно сложно понять, кто имелся в виду из представителей православного духовенства под просторечным названием «поп», поэтому в статье оно приводится в кавычках.

¹⁰ У земли // Правда. 1921. 25 авг.

мировоззрение, а следовательно, и на поведение крестьян¹¹. Данная позиция была раскрыта Е.М. Ярославским в статье «Почему у нас в России голод и как с ним бороться?». Одной из причин, еще более обострившей проблему голода, стали религиозные убеждения крестьян, которые не мотивируют их на преодоление возникших трудностей. Верующие находят иррациональные объяснения как причинам засухи и голода (наказание за прегрешения), так и способам их преодоления (раскаяние и мольбы о прощении). По мнению Е.М. Ярославского, церковь повинна в том, что веками формировала у крестьян представление о предопределенности и беспомощности в подобных ситуациях, поскольку решить проблему, причиной которой стали высшие силы, человек не способен¹².

Помимо вредительства в «Правде» приводятся случаи, когда деятельность духовенства открыто нарушает советское законодательство. Чаше духовенству предъявляется обвинение в спекуляции. Так, заметка «Поповская Сухаревка» сообщает о раскрытии преступной схемы: под прикрытием часовни была организована точка спекулятивной торговли, а местный иеромонах выступал в роли продавца. В заметках «Вот так святые» и «По заслугам», освещается судебный процесс над Калужским епархиальным советом, члены которого обвинялись в спекуляции, взяточничестве и помощи семьям контрреволюционеров¹³.

Создание образа Церкви происходило также через закрепление за православным духовенством набора отрицательных качеств, которые в большинстве случаев транслировались через собирательного персонажа – «попа». Прежде всего, редакция формировала представление о том, что деятели Церкви – это нетрудовой элемент, паразитирующий на труде мирян. Данная черта образа конструировалась благодаря сообщению случаев сбора «попами» пожертвований с рабочих и крестьян («Фабрика “Катык” Рогожско-Симоновского района»), иногда констатации факта без упоминания контекста («На фабрике “Двина”»). Встречалось и описание факта физического труда духовенства как ситуации редкой и потому вызывающей удивление («Вот он я!»)¹⁴. Кроме того, православным священникам приписывались лживость и лицемерие. Различными способами они обманывают мирян, преследуя личную выгоду. Например, распространяют слухи об «обновлении икон».

В заметке «Неудачные чудотворцы» сообщалось, что «чудотворцам» с простодушных мирян-крестьян удалось собрать до 3 млн руб.¹⁵ Иногда материалы «Правды» указывают, что сами служители Церкви на практике не разделяют транслируемые ими в массы убеждения: моля о дожде, они в сердцах желают засухи, которая усугубит голод и ослабит советскую власть; стоя на коленях, они были преисполнены не смирением, а гордыней; поддерживая ради наживы «глупую веру», сами же не верят¹⁶.

Продолжая речь о православном духовенстве, следует затронуть еще один способ создания негативного образа, используемый авторами газеты, – закрепление отталкивающих черт внешности. Указываются телесные изъяны («лопоухий», «сутулый», «угреватый», «толстопузый») и неопрятность («заросший», «встрепанный», «колючий») служителей Церкви. Иногда придается негативный оттенок объективным особенностям внешности священников («рысоносцы»). «Попы» не говорят, а «гнусавят», а их пение подобно «отрыжке»¹⁷.

Церковь – это не только клир, но и миряне. В выпусках «Правды» содержатся тексты, где дается негативная характеристика верующим. В целом совокупность обличающих средств подобна той, которая применяется к духовенству. Как правило, верующие представлены жадными, лицемерными и с отталкивающей внешностью¹⁸. Для некоторых из них религия – инструмент, с помощью которого можно получить материальную выгоду, расположение окружения и даже власть¹⁹. Наглядным примером может послужить стихотворение И.Ю. Кулика «Кулацкий комаринский». Главный герой – кулак, рассказывающий о своем плане получить власти над деревенской беднотой, в котором большая роль отводится Церкви. Чтобы «задобрить бога», он жертвует на храм. Став членом местного Совета, кулак возьмет «попа секретарем», который вместе с дьяками поможет убедить крестьян в правильности политических решений кулака²⁰.

Однако образ Церкви на страницах «Правды» не столь одномерен и однозначен. Представление о Православной церкви как о враге, несущем большую опасность, был бы слишком прост и недостаточно

¹⁵ Неудачные чудотворцы // Правда. 1921. 5 марта; Чудотворцы под судом // Там же. 26 окт.

¹⁶ Сошествие Христа в ад // Правда. 1921. 1 мая; Кающиеся попы // Там же. 11 мая; «Товарищ урожай» // Там же. 5 июня.

¹⁷ «Товарищ урожай» // Правда. 1921. 5 июня; Голод // Там же. 13 авг.; У земли // Там же. 25 авг.

¹⁸ 1-е мая в районе // Правда. 1921. 8 мая; Контрреволюция за работой // Там же. 24 июля; Великий памятник // Там же. 29 нояб.

¹⁹ Кулацкий обман // Правда. 1921. 28 янв.; На Кубани // Там же. 17 мая.

²⁰ Кулацкий комаринский // Правда. 1921. 11 янв.

¹¹ Голод // Правда. 1921. 13 авг.; Собачья доля // Там же. 6 сент.

¹² Почему у нас в России голод и как с ним бороться? // Правда. 1921. 23 июля.

¹³ Поповская Сухаревка // Правда. 1921. 5 марта; Вот так святые // Там же. 25 марта; По заслугам // Там же. 15 апр.

¹⁴ На фабрике «Двина» // Правда. 1921. 6 янв.; Фабрика «Катык» Рогожско-Симоновского района // Там же. 1 марта; «Вот он я!» // Там же. 25 нояб.

убедителен. Зачастую враг не только силен, но и смешон. Высмеиванию подвергались духовенство, миряне, а также предметы культа²¹. Например, в стихотворении «В церкви» Д. Бедный глумится как над самой верой людей (показывая ее наивной), так и над жадностью купца, который боится, что портной своей весьма скромной просьбой собьет цену божьего дара²². Или случай, описанный в рассказе «Розыгрыш «Божьей Матери»». По сюжету, между православными и католиками возник спор о принадлежности иконы. Воспользовавшись советом красноармейцев, духовенство согласилось разрешить спор жребием. С каждой стороны собралась толпа, которая усердно молилась за благоприятный исход. В итоге удача оказалась на стороне католиков. Таким образом, текст нацелен на высмеивание и того, что христианское духовенство согласилось разыграть святыню, и того, что несмотря на молитвы, победитель определился случаем, убеждая читателя тем самым в бессилии веры²³.

Бессмысленность Церкви как организации, ее учения и обрядов – еще одна из сторон формируемого на страницах «Правды» образа. Для этого приводятся как конкретные, так и абстрактные примеры религиозных обрядов, не оказавших предполагаемого эффекта. Или авторы открыто обвиняют христианское вероучение в том, что оно не более, чем слова «обо всем и ни о чем»²⁴.

Поэтому логичными выглядят материалы, призванные показать, что Церковь теряет поддержку среди масс. В выпусках за 1921 г. это делается преимущественно с помощью заметок, описывающих случаи, когда коллектив рабочих или крестьян решает добровольно отказаться от какого-то церковного атрибута, что демонстрирует читателю его ненужность (следовательно, и Церкви в целом). Вместе с тем приводимые ситуации должны были послужить примером и руководством к подобного рода действию, и это часто отражается уже в названии заметки²⁵. Например, в № 6 и 57 содержатся заметки под заглавием «Правильно!». В первой – рабочие постановили убрать иконы из цеха, во второй – крестьяне решили снять с церкви колокола, чтобы использовать металл для производства проволоки²⁶. Заметка «Молодцы огленищевцы» сообщает о крестьянах, пожертвовав-

ших рожь в пользу голодающих, изначально предназначенную в качестве платы местному священнику за служение молебна²⁷. Еще более закрепить за Церковью статус института, который стремительно лишается сторонников, были призваны примеры священников, разочаровавшихся в своей церковной жизни. Два таких примера описаны в заметке «Кающиеся попы». Оба священника признались в невозможности более участвовать в обмане людей, один из них заявил об оставлении религиозной службы и намерении работать на земле²⁸.

Столь противоречивый, но все еще враждебный образ Церкви дополняется стремлением убедить читателей газеты в том, что духовенство испытывает страх перед советской властью. А это, в свою очередь, должно привести читателя к мысли о виновности служителей Церкви, даже без указания конкретных обстоятельств. Подобный образ рисует Д. Бедный в стихотворении «Революционный парад», согласно сюжету которого, «поп» вместе с другими «нетрудящимися» (купец, кадет, спекулянт, эсер и меньшевик) бежит в страхе, лишь увидев сотрудников ВЧК²⁹.

Вместе с тем в материалах «Правды» можно найти случаи подтверждения, что если и не к Православной церкви, то к иным христианским религиозным движениям и непосредственно к христианской вере большевики относились благосклоннее. По крайней мере, на словах. Примером может послужить статья, специально разъясняющая принцип свободы вероисповедания, закрепленный в Рижском мирном договоре. Сравнивая советское и польское понимание данного принципа, Ю.М. Ленский указывает, что, сохраняя приверженность декрету «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», Советская Россия считает, что церковные организации не должны оказывать влияние на другие социальные институты (такие, как брак, образование, суд, собственность). Исповедование какой-либо религии, равно как и возможность не причислять себя ни к какой, – право гражданина. Церковь же в данном случае должна лишь проводить религиозные обряды, в то время как остальные функции на себя возьмет государство³⁰.

Наибольшее количество материалов, посвященных христианству, приходится на время религиозных праздников – Рождество и особенно Пасху. Авторы заметок сравнивают христианское учение с комму-

²¹ Эсеровская учредительница // Правда. 1921. 10 марта; Монашеский орден // Там же. 15 марта.

²² В церкви // Правда. 1921. 2 дек.

²³ Розыгрыш «Божьей Матери» // Правда. 1921. 18 февр.

²⁴ Напрасно помолились // Правда. 1921. 15 марта; Братское дело // Там же. 16 июля; Наша смена // Там же. 25 нояб.

²⁵ Герои труда // Правда. 1921. 25 февр.; Вместо церкви – народный дом // Там же. 27 марта; Наша гордость // Там же. 3 окт.

²⁶ Правильно! // Правда. 1921. 12 янв.; Правильно! // Там же. 16 марта.

²⁷ Молодцы огленищевцы // Правда. 1921. 9 сент.

²⁸ Кающиеся попы // Правда. 1921. 11 мая.

²⁹ Эсеровская «тактика» // Правда. 1921. 8 февр.; Революционный парад // Там же. 11 дек.

³⁰ Договор подписан // Правда. 1921. 20 марта; В защиту национальных меньшинств // Там же. 2 апр.

нистическим, причем не в пользу первого. Часто применяемым является нарратив о христианстве как искаженном учении. Утверждается, что в момент своего зарождения христианство было учением об освобождении угнетенных и несло идеи любви, добра и справедливости. Однако уже тогда оно, по мнению большевиков, имело и изъяны. Христианство призывало к смирению, поэтому власть имущие воспользовались верой, сделав из нее инструмент контроля над массами. И воплощением этого инструмента стала Церковь. Для мирян же, согласно материалам «Правды», христианство стало средством самообмана и самоутешения. Говорилось, что вера в христианского Бога существует благодаря незнанию, консервативности и наивности миллионов. На смену ему, по мнению авторов статей, приходит коммунистическое учение, которое поднимает угнетенных на борьбу с угнетателями и которое сможет воплотить в жизнь изначальные христианские идеалы³¹.

Несмотря на общую враждебность к Православной церкви, неправильно было бы утверждать, что в партии не велись дискуссии о тактике антирелигиозной политики. На страницах «Правды» обсуждались вопросы о том, как поступать с верующими, проникшими в партию, в какой степени поддерживать раскольнические движения в православии и даже о том, какой образ духовенства следует доносить до масс³². Последний вопрос стал предметом спора между писателем А.С. Серафимовичем и наркомом просвещения А.В. Луначарским. Серафимович обозначил проблему подлинной революционности московских театров, подвергнув критике их репертуар. По мнению писателя, в пьесах героями часто становятся «попы», которые показаны с положительной стороны. Он сделал вывод, что театр оторван от жизни и транслирует неверный образ священнослужителей. В доказательство своих слов Серафимович приводит в пример две пьесы, автором одной из которых являлся Луначарский. Отвечая писателю, народный комиссар пишет, что герои его пьесы оправданно относятся к духовному сословию, так как показано соблюдение исторических реалий, отображаемых в произведении. Луначарский говорит о том, что образ священника из пьесы не создаст у зрителей положительный образ современного попа: «подобных дурачков в нашей рабочей и красноармейской публике нет». Наоборот, образ, отвечающий запросам «самой

обостренной агитации», который Серафимович требует показывать в театрах, скорее вызвал бы сочувствие у зрителя³³. Этот пример показывает, что в партийной среде не всегда существовало единство по вопросу о транслируемом образе Церкви. В данном случае соблюдение принципа историзма в изображении персонажей и художественные требования столкнулись с основами непримиримой антирелигиозной пропаганды.

ЖАНРЫ, В КОТОРЫХ БЫЛ ЗАПЕЧАТЛЕН ОБРАЗ ЦЕРКВИ

Обратим внимание на то, какие жанры используются для формирования образа Церкви. Около половины материалов, так или иначе затрагивающих тему религии и Церкви, можно отнести к аналитическим жанрам. Чаще всего это статьи, содержащие рассуждения авторов или редакции, однако в передовицах церковный вопрос не всегда является центральным. Он – лишь часть общего повествования³⁴. Если же материал относится к жанру корреспонденции и касается темы Православной церкви, то в большинстве случаев данная проблема предстает в тексте основной³⁵. В значительно меньшей степени образ Церкви присутствует в художественно-публицистических и информационных материалах. Среди художественно-публицистических жанров наиболее часто образ Церкви находит свое отражение в фельетонах. Большинство из них выполнено в стихотворной форме (что особенно подходит для создания ярких художественных образов) и принадлежит Демьяну Бедному³⁶. Среди информационных материалов следует отметить жанр заметки. Как правило, это краткие сообщения о решении коллективов рабочих и крестьян отказаться от какого-либо христианского атрибута (здания церкви, иконы, церковных праздников) или освещение судебных процессов. Но даже в заметках редакция так или иначе дает оценку приводимым фактам, используя характерные заголовки³⁷. В конце 1921 г. в выпусках «Правды» начинают печататься карикатуры, но посвященных православному духовенству среди них нет³⁸.

³¹ Рождественские приключения Христа // Правда. 1921. 6 янв.; Два праздника // Там же. 1 мая; «На земле мир, в человецех благоволение» // Там же.

³² Эсеры и сектанты // Правда. 1921. 12 мая; Коммунизм и религиозные обряды // Там же. 15 мая; Царицынская живая церковь // Там же. 25 мая; Жизненность или живучесть // Там же. 16 июня.

³³ Разложение // Правда. 1921. 12 февр.; О театре и о попах // Там же. 16 февр.; В последний раз о попах // Там же. 18 февр.

³⁴ В деревню // Правда. 1921. 27 янв.; Эсеровская «тактика» // Там же. 8 февр.; Священная земля // Там же. 25 июня;

³⁵ «Сретенская» водочка // Правда. 1921. 18 февр.; Из жизни захолустья // Там же. 7 июня; В Тульской деревне // Там же. 28 дек.

³⁶ Красная пролетарская Пасха // Правда. 1921. 1 мая; Наша гордость // Там же. 3 окт.; «Деревенски мужики» ... // Там же. 3 дек.

³⁷ Герои труда // Правда. 1921. 25 февр.; Правильно! // Там же. 16 марта; По заслугам // Там же. 15 апр.

³⁸ Правда. 1921. № 287, 293, 296, 297.

ВЫВОДЫ

Исследование материалов, опубликованных в газете «Правда» в 1921 г. и формирующих образ Православной церкви, позволяет сделать некоторые выводы. В том или ином аспекте тема Церкви затрагивалась более 130 раз в 90 выпусках, что составляет приблизительно треть от общего числа. Около половины материалов относятся к аналитическим жанрам. Проведенный анализ содержательной стороны представленного образа свидетельствует о том, что в большинстве случаев Православная церковь преподносится читателю через собирательный образ «попа», выступающего персонифицированным отражением православия в целом. За духовенством, а также за мирянами закрепляются отрицательные личностные качества и отталкивающие черты внешности.

Образ Церкви, представленный в выпусках «Правды» в 1921 г., преимущественно негативный. Однако он сконструирован на противоречиях, что и делает его более живым, следовательно, создает у читателя уверенность в его правдоподобию. С одной стороны, Церковь предстает организацией, влиятельной и опасной для рядовых советских граждан. Сохраняя сильное влияние на рабочих и крестьян, она толкает их на нарушения трудовой дисциплины, формирует ложные представления об окружающей действительности и культивирует представления о беспомощности перед природными явлениями (например, продолжительная засуха или солнечное затмение). Приводятся случаи, когда духовенство оказывалось причастным к преступлениям и выступало ближайшим союзником контрреволюционных элементов. С другой стороны, вероучение Церкви показано в «Правде» ограниченным и ложным, а деятельность клириков и мирян открыто высмеивается. Согласно газете, православие стремительно теряет своих последователей, в его идеях разочаровывается даже духовенство. В связи с этим утверждается, что Церковь опасается лишиться поддержки и потому всеми силами стремится удержать верующих под своей эгидой³⁹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воронова Е.А. Русская Православная Церковь как социальный институт. Постановка проблемы // Вестн. СПб. ун-та. Политология. Международные отношения. 2004. № 4. С. 61–74.

Григорьев А.Б. Образы священника, его семьи и его пастырской деятельности в художественной литературе конца XIX века // Православие и русская литература: сб. стат. участников VIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 18–19 мая 2023 г. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2023. С. 79–95.

Григорьева С.В., Михеев Н.И. Огаденская война на страницах газеты «Правда» // Вестн. ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 4. С. 18–24.

Дашевская З.М. Образы страны, церкви, народа и человека в молитвах о России революционного времени // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37, № 1–2. С. 328–346.

Кирилюк Д.В. Стратегические императивы советской школьной политики в 1941–1945 гг. (по материалам газеты «Правда») // Историко-педагогические чтения. 2022. № 26. С. 80–84.

Клинова М.А. Эволюция образа трудовой деятельности населения в газете «Правда» (1946–1953 годы) // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 2. С. 468–482.

Козлов Ф.Н. Голод 1921–1922 годов в Чувашском и Марийском краях в контексте государственно-церковных отношений // PolitBook. 2012. № 2. С. 142–156.

Котлецов В.В. Антицерковная пропаганда во Владимирской губернии во второй половине 1920-х гг. (по материалам периодической печати) // Современная научная мысль. 2022. № 5. С. 145–152.

Кривога Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: АИРО-XX, 1997. 247 с.

Латина Л.А. Историческая имагология: проблема методов и категорий // Уч. зап. Орлов. гос. ун-та. Сер: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 4 (85). С. 28–32.

Лонский Я.А. Отношения государства и церкви в период становления советской власти // Вестн. Твер. гос. ун-та. 2020. № 1 (51). С. 201–209.

Михайленко Е.И. Проблемы и возможности конструирования образа в исторической науке (на примере образа сибирского чиновника Российской империи) // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Исторические науки. 2020. Т. 7. № 1(25). С. 21–27.

Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Полит. энцикл., 2014. 424 с.

Отто Ф.П. Образ церкви в восприятии К.П. Победоносцева (по материалам переписки с С.А. Рачинским за 1880–1881 гг.) // Клио. 2022. № 7(187). С. 62–68.

Ревякин Е.С. Взаимоотношения между государством и религиозными организациями в 1929–36 гг. (по материалам Ивановской промышленной области) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв.: материалы XXII Междунар. науч. конф., 29–30 марта 2023 г. Иваново: Ивановск. гос. ун-т. 2023. С. 129–133.

Савин А.И. «Зигзаги» советской религиозной политики (1923–1966 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25, № 4. С. 28–32.

Смыкалин А.С. Государственно-конфессиональные отношения в СССР. 1917–1930 гг. // Российское право: образование, практика, наука. 2016. №5 (95). С. 17–23.

Федотова И.В. Образ М.Н. Тухачевского в советской англоязычной прессе (по материалам изданий The Moscow News и The Moscow Daily News) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2022. № 479. С. 169–180;

Цыпин В.А., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. 816 с.

REFERENCES

Dashevskaya Z.M. (2019). Images of the country, church, the people and the human person in prayers for Russia of the revolutionary era. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 37, no. 1/2, pp. 328–346. (In Russ.)

Fedotova I.V. (2022). The image of Mikhail Tukhachevsky in the Soviet English-language periodicals (on the material of newspapers "The Moscow News" and "The Moscow Daily News"). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 479, pp. 169–180. (In Russ.)

Grigor'ev A.B. (2023). Images of a priest, his family and his pastoral activities in fiction of the late 19th century. *Pravoslaviye i russkaya literatura: sb. st. uchastnikov VIII Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem, 18–19 maya 2023 g.* Arzamas, pp. 79–95. (In Russ.)

³⁹ Театр и церковь // Правда. 1921. 14 авг.

Grigor'eva S.V., Mikheev N.I. (2022). Ogaden War in the pages of "Pravda". *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 4, pp. 18–24. (In Russ.)

Kirilyuk D.V. (2022). Strategic imperatives of the Soviet school policy in 1941–1945 (based on the materials of the newspaper "Pravda". *Istoriko-pedagogicheskie chteniya*, no. 26, pp. 80–84. (In Russ.)

Klinova M.A. (2020). The evolution of the image of labor activity of the population in "Pravda" (1946–1953). *Noveyshaya istoriya Rossii*, vol. 10, no. 2, pp. 468–482. (In Russ.)

Kotletsov V.V. (2022). Anti-church propaganda in the Vladimir province in the second half of the 1920s (by the materials of the periodical press). *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, no. 5, pp. 145–152. (In Russ.)

Kozlov F.N. (2012). Famine of 1921–1922 in the Chuvash and Mari territories in the context of the state and church relations. *PolitBook*, no. 2, pp. 142–156. (In Russ.)

Krivova N.A. (1997). The authorities and the Church in 1922–1925: the Politburo and GPU in the struggle for church values and political subordination of the clergy. Moscow, AIRO-XX, 247 p. (In Russ.)

Lapina L.A. (2019). Historical imagology: methods and categories. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 28–32. (In Russ.)

Lonskiy Ya.A. (2020). The relationship between the state and the church during the formation of Soviet power. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, no. 1, pp. 201–209. (In Russ.)

Mikhailenko E.I. (2020). Problems and possibilities of image construction in historical science (by the example of an image of a Siberian bureaucrat of the Russian Empire). *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, vol. 7, no. 1, pp. 21–27. (In Russ.)

Odintsov M.I. (2014). The Russian Orthodox Church on the eve and during the era of Stalinist Socialism, 1917–1953. Moscow, Polit. entsikl., 424 p. (In Russ.)

Otto F.P. (2022). The image of the church in the perception of K.P. Pobedonostsev (based on correspondence with S.A. Rachinsky for 1880–1881). *Klio*, no. 7, pp. 62–68. (In Russ.)

Revyakin E.S. (2023). Relations between the state and religious organizations in 1929–36 (based on the materials of the Ivanovo industrial region). *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vv.: materialy XXII Mezhdunar. nauch. konf., 29–30 marta 2023 g.* Ivanovo, pp. 129–133. (In Russ.)

Savin A.I. (2018). "Zigzags" of the Soviet religious policy (1923–1966). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 25, no. 4, pp. 28–32. (In Russ.)

Smykalin A.S. (2016). State-confessional relations in the USSR. 1917–1930. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, no. 5, pp. 17–23. (In Russ.)

Tsybin V.A. (archpriest). (2010). History of the Russian Orthodox Church: Synodal and modern periods (1700–2005). Moscow, Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 816 p. (In Russ.)

Voronova E.A. (2004). Russian Orthodox Church as a social institution. Problem statement. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 4, pp. 61–74. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.09.2023

Дата рецензирования 18.09.2023

Статья принята к публикации 21.09.2023

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20230407

УДК 801.8(47)"1650/1725"

EDN: OCBVXA

¹Е.С. ДИЛИГУЛ, ²И.А. ПОЛЯКОВ

ФАМИЛЬНЫЙ «ЛЕТОПИСЕЦ» РОДА НИКИТИНЫХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В. КАК РАННИЙ ПАМЯТНИК АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ЖАНРА

¹Санкт-Петербургский институт истории РАН,
РФ, 197110, г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская 7;

²Российская национальная библиотека,
РФ, 191069, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 18.

Цель настоящей статьи – введение в научный оборот ценного исторического источника рубежа XVII–XVIII вв. – фамильного «летописца» нескольких поколений рода Никитиных, выявленного авторами в фондах Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН. На основе результатов текстологического, палеографического и кодикологического анализа рукописи восстановлена история нескольких поколений одной семьи, жизнь и деятельность которых происходила в период постоянных перемен в Русском государстве рубежа столетий. Сведения, содержащиеся в рукописи, представляют большой интерес для специалистов гуманитарного профиля – историков, лингвистов, искусствоведов, культурологов и др. Статья сопровождается публикацией текста источника.

Ключевые слова: XVII–XVIII вв., автобиографии, родовой летописец, Василий Никитин, Даниил Никитин.

Для цитирования: Дилигул Е.С., Поляков И.А. Фамильный «летописец» рода Никитиных второй половины XVII – первой четверти XVIII в. как ранний памятник автобиографического жанра // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 4. С. 59–67. DOI: 10.15372/HSS20230407

¹E.S. DILIGUL, ²I.A. POLYAKOV

THE FAMILY “CHRONICLE” OF THE NIKITIN FAMILY OF THE SECOND HALF OF THE 17TH – THE FIRST QUARTER OF THE 18TH CENTURIES AS AN EARLY MONUMENT OF AUTOBIOGRAPHIC GENRE

¹St. Petersburg Institute of History RAS,
7, Petrozavodskaya Str., St. Petersburg, 197110, Russian Federation

²Russian National Library,
18, Sadovaya Str., St. Petersburg, 191069, Russian Federation

Today, in the humanities research circles, there is an increase in the interest of specialists in early autobiographical monuments – family chronicles, memorial records and other types of these sources. As a rule, these monuments are not complete works in their structure, they are recorded on blank sheets or margins of codes and printed books, and moreover, they are laconic in nature.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-78-10135.

Екатерина Сергеевна Дилигул – аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН, научный сотрудник Центра перспективных научных проектов Российской национальной библиотеки, e-mail: ediligul1996@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5287-4100>.

Иван Анатольевич Поляков – канд. ист. наук, археограф Отдела рукописей Российской национальной библиотеки; e-mail: ivan669@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2790-1891>.

Ekaterina S. Diligul – Postgraduate Student of St. Petersburg Institute of History RAS, Scientific Researcher of the Center for Advanced Projects of the Russian National library.

Ivan A. Polyakov – Candidate of Historical Sciences, Archeographer of the Manuscript Department of the Russian National library.

The article is devoted to one of such monuments of writing at the turn of the 17th – 18th centuries – the family chronicle of several generations of the Nikitins, service men. The authors found the manuscript in the fonds of the Scientific and Historical Archive of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Based on an analysis of the text and structure of the family chronicle, they restored the history of the life and service of representatives of this family for the period from 1681 to 1746. The activities of the Nikitins took place in one of the critical periods in the history of the Russian state. The changes that occurred at that time in culture and society were reflected in the sheets of the family chronicle. The important result of the study is the reconstruction of the family history of representatives of the non-aristocratic stratum of the service men of the Moscow state. One of the main tasks of the study was the publication of the text of the family chronicle, given in the appendix to the article.

Key words: 17th – 18th centuries, autobiographies, family chronicle, Vasily Nikitin, Daniil Nikitin.

ВВЕДЕНИЕ

Ранние автобиографические памятники конца XVI – начала XVIII в. – семейные летописцы, прото-дневники, автобиографические и некоторые поминальные записи являются уникальными источниками не только для изучения истории русской письменной культуры, но и для понимания сознания образованного человека эпохи раннего Нового времени. В них наряду с летописными записями об исторических событиях и хозяйственными материалами начинает появляться информация о жизни их авторов – записи о рождениях, браках и смертях, фиксация продвижений по службе, личностные переживания по поводу того или иного жизненного эпизода и т.д.

Традиционно данные тексты не образуют отдельных законченных памятников, а представляют собой разрозненные записи, выполненные на чистых листах или полях рукописей и печатных изданий. По форме и содержанию они далеки от развитой мемуарной традиции русской аристократии XVIII в., поэтому в историографии восторжествовала позиция о появлении первых законченных памятников автобиографического жанра только в конце XVII – начале XVIII в. в связи с политическими и культурными преобразованиями Петра Великого [Тартаковский, 1991; Чекунова, 1995, с. 9–28].

В последние десятилетия наблюдается рост интереса ученых к этим уникальным памятникам письменности и введение их в научный оборот. К настоящему времени известно не более десяти таких автобиографических произведений (подробнее об этом см.: [Поляков, 2021, с. 75–77]), самым ранним из них остается уникальная «Автобиография» странствующего монаха-книжника Ионы Соловецкого [Морозов, 2001, с. 447–453]. По этой причине выявление каждого нового памятника такого типа расширяет наши представления о письменной культуре русских людей в период раннего Нового времени и предоставляет новый материал для компаративных исследований. Настоящая статья посвящена одной из таких архивных находок – неизвестным ранее хронологическим записям представителей рода Никитиных второй половины XVII – первой четверти XVIII в.¹

¹ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (НИА СПбИИ РАН). Ф. 226. Оп. 1. № 701.

ФАМИЛЬНЫЙ «ЛЕТОПИСЕЦ» НИКИТИНЫХ

Фамильный «летописец»² рода Никитиных написан на четырех листах формата «folio». Листы серьезно повреждены и загрязнены. На полях оборотной стороны последнего листа имеются следы клея в местах соприкосновения бумаги с крышкой переплета. Вероятнее всего, четыре листа были обрезаны и подклеены в качестве переплетных к какой-то рукописи.

Результаты кодикологического анализа показали, что л. 2–4 представляют собой часть одной тетради с филигранью «Герб с почтовым рожком» и литерами WR под гербовым щитом, датированные по альбомам последней трети XVII в.³ Более плохого качества л. 1, скорее всего, он относился к блоку листов кодекса, а затем был присоединен к л. 2–4.

История бытования этих листов в XVIII–XIX вв. неизвестна, поскольку установить, в составе какого кодекса они находились до того, как стали частью централизованного архивного хранения, не представляется возможным. Установлено, что документ поступил в Рукописный отдел Библиотеки Академии наук в 1910 г. и получил шифр «45.12.128». Согласно записи на полях инвентарной книги, 22 июня 1931 г. рукопись была передана в Археографическую комиссию, из фондов которой образован современный НИА СПбИИ РАН.

Записи представителей рода Никитиных находятся на всех четырех листах и выполнены разными почерками в разное время. Выделить блоки, написанные одним почерком, непросто, поскольку многие записи затерты, обрезаны, залиты и выцвели, а ряд помет написан поверх старых. Тем не менее по результатам почерковедческого исследования и анализа текстов нами предположительно были определены следующие блоки записей.

Самый ранний блок (№ 1–11)⁴ на л. 1–1 об. можно отнести к деятельности старшего представителя рода Никитиных – Василия Никитина. Атрибуция ав-

² Наименование «фамильный “летописец”» – исследовательское.

³ Heawood E. Watermarks mainly of the 17th and 18th centuries. Hilversum, 1950. № 2715 (1668 г.). Филигрань обнаружена на л. 2 и 4, к/м у филигрании отсутствует.

⁴ Здесь и далее для удобства читателей в тексте следуют ссылки на порядковые номера записей, проставленные в публикации текста рукописи.

торства выполнена на основании трех аргументов. Во-первых, блок более поздних записей был написан подьячим, а затем и дьяком Даниилом Васильевым сыном Никитиным (об этом см. ниже). В них также упомянуты брат и три сестры Даниила с отчествами Васильевич / Васильевна.

Во-вторых, на нижнем правом поле л. 1 под записью № 8 и над записью № 9 имеется скорописная подпись «Василий Никитин», являющаяся, вероятнее всего, пробой пера.

В-третьих, в записи от 23 июля 1680 г. (№ 10) Василий сообщает о рождении сына Бориса в Нижнем Новгороде и о его скоростижной смерти 1 августа того же года. Согласно источнику, ребенок погребен в Воскресенском монастыре у полуденных дверей перед алтарем. По данным справочников А.П. Барсукова и С.Б. Веселовского, одним из дьяков в Нижнем Новгороде был Василий Никитин – предполагаемый отец будущих дьяков Ермила и Даниила Васильевичей Никитиных [Барсуков, 1902, с. 151; Веселовский, 1975, с. 368].

Отмеченные Василием Никитиным события укладываются в период с 7 марта 1670 по 8 августа 1681 г. Семь из 11 сообщений посвящены смерти и поминанию умерших младенцев и жены Елены Ивановны (№ 1–4, 6, 10–11). Записи от 30 января 1676 г. и 8 февраля 1679 г. описывают обстоятельства смерти царя Алексея Михайловича (дата, с указанием точного времени) и похорон царевны Ирины Михайловны (дата, церковный праздник, место захоронения) (№ 7–8). Особняком стоит зачеркнутая запись от 29 апреля 1675 г. об устройстве Василия на службу в Устюжскую четь (№ 5). Вероятнее всего, Василий попал в приказ подьячим, но задержался там ненадолго, из-за чего запись была впоследствии вычеркнута.

Исходя из палеографических наблюдений, можно предположить, что записи в конце неизвестной рукописи вносились Василием Никитиным постепенно – с декабря 1670 г. (№ 2). Затем он ретроспективно поместил более раннюю информацию о смерти дочери Екатерины от 3 марта того же года (причем запись № 1 сделана поверх записи № 2 другими чернилами) (№ 1). В 1674–1676 гг. он внес записи № 3, 5 и 7. В ноябре 1677 г. напротив записи № 3 о смерти младенца Иоанна Василий сделал аналогичную помету о смерти младенца Матроны (№ 4), но не указал место погребения. В начале 1678 г. владелец рукописи вновь обратился к старым записям: дописал место погребения Матроны, вычеркнул запись о службе в Устюжской чети (№ 5) и отметил дату смерти дочери Анны – 10 февраля 1678 г. (№ 6). Записи за 1678 г. выполнены одновременно одними чернилами. Края записи № 6 заходят на верхнюю строку записи № 7, что свидетельствует о более позднем происхождении

первой. Записи № 8, 10–11 расположены в хронологическом порядке друг за другом, но написаны разными чернилами.

Предположительно, Василию Никитину атрибутируется и запись № 9 на нижнем правом поле л. 1. Она написана коричневыми чернилами и хронологически, и тематически отличается от других помет. Из-за сильного загрязнения нижнего правого поля л. 1 не удалось восстановить конец записи: «195-го февраля в 15 день по указу великих государей царей и [великих князей] ...». Возможно, эта помета связана с изменением профессиональной деятельности Василия Никитина, произошедшим в конце 1686 г. Согласно данным подлинного боярского списка за 7195 г. (1686/87 г.), 27 декабря 1686 г. Василий Никитин был пожалован из дьяков в московские дворяне и тем самым формально вошел в состав служилых людей по отчеству, начав писаться именем «Василей Микитин сын Микитин»⁵. Возможно, указ от 15 февраля 1687 г. был как-то связан с этим событием, к примеру, с назначением ему нового денежного или поместного оклада⁶. В чине московского дворянина Василий Никитин служил до своей смерти в 1689/90 г.⁷

Второй блок записей (№ 43, 44) на л. 3 об. был, по-видимому, оставлен старшим сыном Василия Никитина Ермилом. По данным делопроизводственной документации Разрядного и Поместного приказов, Ермил начал службу в середине 70-х гг. XVII в. подьячим Приказа великого княжества Смоленского. Следовательно, к этому времени ему уже должно было исполниться, как минимум, 13 лет⁸. В августе 1676 г. Ермил был верстан окладом в размере 2 руб. и поступил на службу подьячим в Устюжскую четь. В 1687 г. был пожалован в дьяки [Демидова, 2011, с. 392].

Обе записи посвящены событиям лета 1680 г.: смерти дедушки Никиты Фадеевича 20 июня и смерти сына Иякова 26 июля. Данный блок записей атрибутирован Ермилу Никитину, так как летом 1680 г. Василий Никитин уже находился в Нижнем Новгороде и записал в летописце о смерти младенца Бориса. Вероятнее всего, в это время Ермил жил в Москве на фамильном дворе Никитиных и стал свидетелем смерти дедушки Никиты Фадеевича, предположительно, родоначальника фамилии. На л. 3 об.

⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 2. № 27. Л. 334 об.

⁶ Прослужив более семи лет в чине дьяка, Василий Никитин так и не получил поместье, о чем свидетельствует помета в боярском списке за 7195 г. (1686/87 г.): «Во дворянх. Поместья нет» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. № 26. Л. 376 об.).

⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. № 31. Л. 423.

⁸ О вступлении в должность молодых подьячих подробнее см. [Серов, 2013, с. 38–46].

была и более ранняя запись Ермила, однако она утрачена при обрезке рукописи, в результате чего читается лишь ее фрагмент «... апреля 26 в ...».

Третья и самая информативная часть семейной хроники Никитиных была составлена младшим сыном дьяка Василия Никитина Даниилом. В справочной литературе известна служба Даниила Никитина подьячим Владимирского судного приказа (с 1686 г.) и назначение в дьяки 29 марта 1695 г. [Демидова, 2011, с. 392]. В этом чине Даниил пробыл, как минимум, до 1713 г., согласно сведениям боярских списков⁹. Свою «автобиографию» Даниил начал писать на л. 3, открыв ее сведениями о начале службы: «195-го декабря в 17 день сел я в Володимирской приказ» (№ 30). Эта запись была оставлена ретроспективно, так как теми же чернилами написаны и следующие пометы о рождении сына Даниила – Стефана 11 декабря 1691 г. (№ 31) и дочери Анны 4 декабря 1692 г. (№ 32). В следующий раз владелец кодекса обратился к семейному летописцу в марте 1693 г. В формате «проба пера» под текстами отца Василия он выполнил разными манерами несколько записей: «201-го марта в 4 день родился младенец Алексей Ильин сын Лосенков, а восприемник ему от святыне купели Данило Васильев сын Никитин» (№ 13), «201-го марта в 4 день» (№ 14), «201-го марта в 29 день родися» (№ 15), «Государю моему дядюшке Илье Яковлевичю» (№ 16). Кроме записи об участии в крещении младенца Алексея остальные записи остались незаконченными.

Впоследствии для фиксации семейных событий за 1690-е гг. Даниил Никитин продолжил использовать л. 3. Когда пустое место закончилось, он перешел на оборотную сторону и начал писать под записями брата Ермила. Даниил зафиксировал сведения о 1) близких родственниках: замужестве сестры Анисьи (12 ноября 1693 г.) (№ 33), смерти сестры Марфы (1 января 1696 г.) (№ 39), смерти зятя Алексея Игнатьевича (7 января 1696 г.) (№ 40), смерти сестры Акилины (9 июля 1700 г.) (№ 50); 2) рождении и смерти своих детей: младенцев Петра (№ 34, 35), Анастасии (№ 36, 42), Прасковьи (№ 41, 45), Петра (№ 47, 48) и др.

Помимо внимания к жизни родных и родственников Даниил Васильевич следил за событиями в царской семье. Для этого он использовал остававшийся пустым л. 2. На верхнем поле листа он последовательно зафиксировал дату, время смерти и место погребения царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной (25 января 1694 г.) (№ 17) и дату и время смерти царя Иоанна Алексеевича (29 января 1696 г.) (№ 18).

Возможно, им же была оставлена помета о смерти семимесячного царевича Александра Петровича 14 мая 1692 г., однако она написана в другой манере и могла принадлежать кому-то из членов семьи (№ 12). На л. 3 об. между семейными записями Никитиных обнаруживается и помета о смерти патриарха Адриана 16 апреля 1700 г., внесенная сразу же после произошедшего события (№ 51).

Полностью исписав л. 3 и 3 об., Даниил Никитин был вынужден фиксировать события за начало XVIII в. на пустых местах других листов. Так, на л. 2 об. дьяк поместил запись от 11 января 1701 г. о смерти брата Ермила в Таганроге и о погребении его там же в церкви под колокольней (№ 23). Время и место смерти Ермила Никитина подтверждается материалами приказного делопроизводства [Демидова, 2011, с. 392]. Впоследствии на том же листе владелец рукописи записал сведения о смерти дочери Натальи, прожившей, по его подсчетам, 22 недели (№ 25). Вероятнее всего, запись о ее рождении летом 1701 г. находилась на нижнем поле л. 3 об., но была обрезана.

История семьи Никитиных за 1702–1707 гг. была записана Даниилом на л. 4 (чистом). Семейные события пополнились сообщениями: о рождениях и смертях двух младенцев Александров (№ 52–55), рождении близнецов Петра и Ульянии (№ 56), смерти сестры Анисьи Юшковой (№ 57) и др.

В сентябре 1708 г. Даниил Никитин одновременно внес две записи о рождении (18 августа 1708 г.) (№ 26) и смерти (20 сентября 1708 г.) (№ 27) дочери Натальи. Под ними в 1710 г. он сделал аналогичную запись о рождении и смерти младенца Василия (№ 28). Последнее событие, зафиксированное Даниилом, датировано 6 декабря 1713 г. (№ 20). На пустом месте по центру л. 2 дьяк записал обстоятельства рождения внуки Анны, дочери Степана Даниловича Никитина. Внимание дьяка к этому событию объясняется не только родственными отношениями, но и тем, что отец ребенка не присутствовал при рождении. В формуляре записи Даниил специально пометил, что «Степана на Москве не было, в Питербурхе».

Перу Степана Даниловича Никитина принадлежат четыре записи за 1716–1719 гг., образующие четвертый блок записей в фамильной рукописи. Они выполнены метным письмом без соблюдения полей и помещены между текстами Даниила Васильевича. Две из них (первая по центру л. 2 – № 19; вторая на нижнем поле л. 4 – № 59) посвящены одному событию – смерти отца, Даниила Никитина.

Формуляры обеих записей близки друг к другу, отличаются только детали: в записи № 19 не указано, где был погребен Даниил, но отмечено, что вынос тела был совершен 3 августа. В записи № 59, наоборот, отмечено место захоронения, но опущено упоминание о дате выноса. Возможно, Степан Никитин за-

⁹ Никитин Данила Васильевич // Боярские списки XVIII в.: [Электронный ресурс]. URL http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=8080 (дата обращения: 12.11.2022)

фиксирует данное событие в другом документе, а затем скопировал запись в фамильную рукопись на л. 4 (№ 59). Поскольку положение записи на листе не позволяло исправить информацию или дополнить ее Степан сделал еще одну запись с дополнительными сведениями на л. 2 – № 19. Аргументом в пользу более раннего происхождения записи № 59 является исправленное время смерти. Первоначально, Степан Никитин написал, что Даниил умер во 2-м часу ночи, а затем исправил слово «ночи» на «дня». В записи № 19 он верно указал время смерти, а также отметил имя епископа Суздальского и Юрьевского Игнатия Смолы – известного церковного деятеля Петровской эпохи [Курукин, 2009, с. 131–132].

На л. 3 между пометами отца о рождении дочери Анастасии (№ 36) и смертью сестры Марфы (№ 39) Степан Данилович вписал сведения о рождении у него дочери Екатерины с указанием тезоименитства (№ 37). Через 11 месяцев к этой записи он приписал сообщение о смерти дочери 1 августа 1719 г. (№ 38).

Четвертый блок семейных записей Никитиных был составлен Степаном Даниловичем, который родился 11 декабря 1691 г. (№ 31). Авторам статьи удалось соотнести владельца рукописи с известным делопроизводителем первой половины XVIII в. В 1707 г. подъячий Посольского приказа Степан Никитин (11 декабря 1706 г. автор записей как раз достиг возраста 15 лет) вместе с сослуживцами вошли в штаб походной канцелярии Петра I и стали ее постоянными членами [Севостьянов, 2020, с. 107]. В 1712 г. походная канцелярия окончательно переехала в Петербург, увеличился ее штаб и количество функций. Согласно записи № 20, в декабре 1713 г. владелец рукописи Степан Никитин уже служил в Петербурге, рождение дочери произошло без его присутствия. Ему удалось сделать успешную карьеру: к 1718 г. он занимал важное положение в походной канцелярии, где заведовал финансовой документацией [Севостьянов, 2020, с. 108]. Сведения о дальнейших продвижениях по службе Степана Никитина за 1720-е гг. отсутствуют, что косвенно подтверждает атрибуцию: 8 декабря 1723 г., не дожив трех дней до 32 лет, Степан Данилович скончался в Петербурге и был похоронен в трапезной церкви Сампсония Странноприимца (№ 24).

Информация о смерти Степана Никитина также содержится в фамильном «летописце» среди записей неизвестного лица, формирующих пятый блок текстов в рукописи. Помимо сведений о смерти Степана по нижним полям л. 2 и 3 имеются еще три записи: от 9 января 1715 г. – о рождении дочери Татьяны (№ 21), от сентября 1717 г. – о рождении сына Александра, названного в честь святого Александра Невского, (№ 22) и от 13 ноября 1719 г. – о рождении дочери Екатерины (№ 29). Предположительно, эту информа-

цию мог оставить один из сыновей Даниила, кто пережил рано умершего Степана Никитина и кто мог распоряжаться фамильной рукописью в конце 1710-х гг., проживая на московском дворе. Среди упомянутых в рукописи сыновей подходящей кандидатуры обнаружить не удалось – все они, кроме Степана, умерли еще в младенчестве. Возможно, данные записи оставил старший брат Степана, появившийся на свет до 1691 г. и «не попавший» в фамильный «летописец».

Кому из членов рода Никитиных с 1723 по 1746 г. принадлежала рукопись, неизвестно. В этот период фамильный «летописец» был отделен от книжного блока, в результате чего у представителей рода появилось новое место для записи – пустая обратная сторона л. 4, ранее крепившаяся к доске переплета. 28 июля 1746 г. неизвестное лицо зафиксировало смерть баронессы Анны Даниловны Шафировой (№ 60). Сопоставление фамильных записей между собой, отчество покойной и место погребения в родовой усыпальнице позволяют предположить, что упомянутая Анна Даниловна Шафирова – это дочь дьяка Даниила Никитина Анна, родившаяся 4 декабря 1693 г. (№ 32).

Обнаруженная в рукописи информация уникальна и позволяет решить старый историографический вопрос: из какого рода происходила вторая жена барона П.П. Шафирова. Д.О. Серовым было установлено, что знаменитый дипломат Петровской эпохи был женат дважды [Серов, 2008, с. 108]. Первая жена, Анна Степановна Копьева, скончалась в середине 1720-х гг. [Серов, 2008, с. 91; Базарова, 2013, с. 137], поэтому в письме князю А.Д. Меншикову от 22 мая 1727 г. Петр Павлович упоминал, что «принужден по смерти жены моей взять другую жену» [Серов, 2008, с. 108]. Из публикаций XIX в. по материалам архива Сената ученый установил имя новой жены барона – «Анна Даниловна». Последняя запись в летописце позволила утверждать, что она происходила из рода дьяков Никитиных. Можно предположить, что брак петровского администратора и дочери московского дьяка был связан с возможным знакомством Шафирова с С.Д. Никитиным, долгое время прослужившим в походной канцелярии Петра Великого.

Семейные записи за вторую половину XVIII в. в памятнике отсутствуют. Такое резкое завершение «фамильного» летописца могло быть обусловлено пресечением рода Никитиных по мужской линии, так как именно отцы и сыновья следили за внесением в рукопись информации о рождениях и смертях членов семейства. В 1770 г. листы оказались у некоего Федора Чичкова, который оставил на л. 1 об. пробу пера.

Одной из отличительных особенностей фамильных записей Никитиных является регулярная фиксация мест захоронения членов семьи. Из 30 свиде-

тельств о смерти родных и родственников в 20 указано место погребения, а иногда и конкретное место захоронения в пределах церкви или монастыря. Почти все представители поколений этого рода, кроме трех случаев смертей на службе вдали от Москвы, похоронены в двух московских церквях в районе Земляного города: в храме Иоанна Предтечи в Конюшенной слободе и в церкви Рождества Христова в Палашах [Снигирев, 1865, с. 46, 56]. Последняя в рукописи в основном именуется как церковь «Рождества Христова, что за Тверскими вороты», а также как церковь «Рождества Христова, что в старые Полочье». Можно утверждать, что оба храма стали для рода Никитиных семейными усыпальницами. Так, в церкви Иоанна Предтечи захоронения фиксируются с 1670 по 1746 г., а в храме Рождества Христова с 1674 по 1699 г. Вероятнее всего, дворы Никитиных в XVII–XVIII вв. находились в пределах Земляного города недалеко от этих храмов. При этом старший представитель рода Василий Никитин уже владел обоими дворами, так как хоронил своих детей и в Предтеченской церкви, и в Рождественском храме (№ 1–4, 6, 11).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, несмотря на неприметный внешний вид и плохую сохранность, фамильный «летописец» рода Никитиных представляет собой ценный по форме и содержанию ранний памятник автобиографического характера. Для периода второй половины XVII в. из русских источников известна лишь одна подобная рукопись, принадлежавшая не представителям правящей верхушки Московского государства – записи площадных подьячих Шантуровых, в которых за период 1646–1696 гг. были зафиксированы рождения и смерти членов семьи, повышения по службе и пожалования, исторические и политические события, свидетелями которых стали авторы [Богданов, 2020, с. 68–78]. С настоящего момента среди ранних автобиографических памятников появился образец для сравнения, близкий по типу.

Фамильный «летописец» рода Никитиных является уникальным памятником такого жанра. В нем отразилась история нескольких поколений семьи с их «взлетами» и «падениями» – от продвижения наверх в бюрократической иерархии Василия Никитина и его попытки «стать дворянином» до ранней смерти внука Степана, подававшего большие надежды, но так и не успевшего занять первые места среди элиты имперского государства. На материалах рукописи мы видим, как для представителей бюрократии, находившихся в авангарде повсеместных изменений Петровского времени, менялись традиционные вещи: летоисчисление (от сотворения мира или от Рождества Христова), форма записи цифр (в записях Даниила Никитина наблюдается переход с кириллицы на арабские цифры) и даже место жительства (старая Москва на новый столичный Петербург). Важно отметить, что представители рода придавали большое значение ведению «летописца», более того, члены рода возвращались к записям снова и снова, чтобы дополнить их или исправить допущенную ошибку. Исключительно ценным является и указание на наличие у неаристократической семьи двух некрополей, что позволяет в будущем рассмотреть их политику памяти относительно знатных дворянских родов. Можно надеяться, что будут обнаружены и другие примеры подобных памятников, формирующих наше представление о личности и самосознании людей переходного периода.

Ниже публикуется текст рассмотренного памятника. Он воспроизводится современным шрифтом. Вышедшие из употребления буквы славянского алфавита заменяются современными. Буквы **Ѣ**, **Ѥ** и **Ѧ** сохраняются во всех случаях в приведенном тексте; буква **Ѩ** дается в соответствии с современным пониманием текста. Пунктуация современная. Титла раскрываются, и выносные буквы вносятся в строку в соответствии с современным написанием слова. В квадратных скобках [...] указываются восстановленные буквы, отсутствующие в тексте рукописи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фамильный «летописец» рода Никитиных

- л. 1
1. 178-го марта въ 7 день преставися младенецъ Екотерина, погребена у церкви Иоанна Предтеча в Конюшенной слободѣ.
 2. 179-го декабря въ 21 день преставися младенецъ Петръ, погребен у церкви Рождества Христова, что за Тверскими вороты.
 3. 182-го августа въ 16 день преставися младенецъ Иоаннъ и погребенъ у церкви Рождества Христова, что за Тверскими вороты.
 4. 186-го ноября въ 16 день преставися младенецъ Матрона и погребена у церкви ^аРождества Христова, что за Тверскими вороты^б.
 5. ^в183-го апрѣля въ 29 день в приказ сѣлъ в Устюжскую четъ^г.

^{а-б} В ркп. написано позднее черными чернилами. Этими же чернилами написана запись № 6.

^{в-г} В ркп. зачеркнуто.

^{в-г} В ркп. зачеркнуто.

6. [1]86-го февраля въ 10 день на память святого мученика Харлампия преста[в]ися младенецъ Анна и погребена у церкви Рождства Христова, что [з]а Тверскими вороты^д.
7. 184-го генваря против 30-го числа въ 4-м часу ночи в ысходе преставися великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа великия и малыя и белыя России самодержецъ.
8. [1]87-го февраля въ 8 день на память святого великого мученика Фео[д]ора Стратилата у всемилостивого Спаса, что на новомъ монастырѣ, погребена благовѣрная государыня царевна [Ир]ина Михайловна, соборные церкви под болшимъ алтаремъ [гд]ѣ^е погребена^ж.
- ⁹9. 195-го февраля въ 15 день по указу великихъ государей царей и [великихъ князей]. //
- (л. 1 об.) 10. 188-го июля въ 23 день в Нижнемъ Новѣгороде родился Борис, умре августа въ 1 день того ж году и погребен в Воскресенскомъ монастырѣ у полуденныхъ дверей к олтаремъ.
11. 189-го августа против 8-го числа въ 3-м часу ночи преставися на Москвѣ и погребена в Конюшенной слободѣ у церкви Иоанна Предотечи жена моя Елена Ивановна.
12. 7200-го мая въ 14 день преставися благовѣрный царевичъ и великий князь Александръ Петровичъ.
13. 201-го марта въ 4 день родился младенецъ Алексий Ильин сынъ Лосенков, а восприемникъ ему от святые купели "Данило Васильевъ сынъ Никитинъ".
- ¹⁴14. 201-го марта въ 4 день.
15. 201-го марта въ 29 день родися.
16. Государю моему дядюшке Илье Яковлевичу. //
- л. 2 17. 202-го генваря въ 25 день преставися благовѣрная царица и великая княгиня Наталия Кириловна на первомъ часу дня сего числа и погребена в Вознесенскомъ монастыре "в соборной" в церкви у северныхъ дверей противъ праваго крылоса.
18. 204-го генваря въ 29 день преставися великий государь царь и великий князь Иоаннъ Алексѣевичъ всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержецъ сего числа во 2-м часу дня.
19. 716-го августа во 2 день пополудни во 2-м часу преставися Данило Васильевичъ Никитин, а выносъ былъ ему августа въ 3-м числѣ, а погребение было августа въ 4-м числѣ, а не погребении былъ Суждалской епископъ Игнатий.
- ²⁰20. 1713-го декабря въ 6 день за семь часовъ до свѣту родилась у сына моего Степана дочь, имя ей Анна, а Степана на Москвѣ не было, в Питербурхе^н.
21. 1715-го генваря противъ девятого^р числа за пять часовъ до свѣту родилась дочь Татияна.
22. 1717-го сентября противъ двадесятъ девятого дня полчасъ полуночи родися у меня сынъ Александръ, а тезоимянитство ево святого Александра Невского ноября 23-го дня.^с //
- л. 2 об. 23. 1701-го генваря в 11 день преставися братъ Ермилъ Васильевичъ на службѣ великого государя на Таганроге, и погребен в том же городе в церкви под колоколнею.
24. 1723-го декабря в 8 день преставился Стефанъ Даниловичъ в Петербурхе и погребен у церкви Сомсона Страноприимца, от роду ему было 32 года, на третьемъ году, а погребен в церкви в трапезе на правой сторонѣ.
25. 1702-го генваря в 21 день преставилась дочь Наталия, жития ея 22 недели, и погребена у Рождства Христова.
26. 1708-го августа в 18 день родися дочь Наталия в 8-м часу дня.
27. 1708-го сентября в 20 день в 3-м часу ночи преставися дочь Наталия и погребена у церкви Рождства Христова.
28. 1710-го февраля в день^т родися сынъ Василий, а преставися марта 26-го числа по утру рано и погребен у Рождства Христова.
29. 1719-го ноября^у против 13^ф числа в другомъ часу по полуноче родилась у меня дочь Екатерина. //

^д Левая часть записи заклеена реставрационной бумагой.

^е Восстановлено при просмотре листа на просвет.

^ж Левая часть записи заклеена реставрационной бумагой.

^з В ркп. над записью № 9 подпись — проба пера коричневыми чернилами «В Микитин».

^{н-к} В ркп. имя подчеркнуто карандашом, на левом поле листа запись карандашом: «Автор записей до 1716 г.?».

^л В ркп. от записи на правом поле листа пробы пера второй половины XVIII в. коричневыми чернилами: «И писал Федор Чичковъ», «1770 году апреля 9 числа умереть».

^{м-н} В ркп. написано по правому полю листа.

^о В ркп. от записи на правом поле листа пробы пера второй половины XVIII в. коричневыми чернилами: «Мисеца маяя вторового числа хоеща ...».

^п В ркп. от записи на левом поле листа запись карандашом: «См. на обороте 1723 г. Автор записей после 1716 г. до 1723 г.?».

^р В ркп. первоначально «десятого».

^с В ркп. по нижнему полю листа фрагмент еще одной записи, обрезанный при переплете.

^т В ркп. отсутствует число.

^у В ркп. первоначально «октября».

^ф В ркп. первоначально «2-го».

- л. 3 30. 195-го декабря въ 17 день сель я в Володимерской приказъ.
 31. 7200-го декабря въ 11 день в ночи за часъ до свету родился сынъ Стефанъ.
 32. 7201-го декабря въ 4 день в часъ дни родилась дочь Анна^х.
 33. 7202-го ноября въ 12-м числѣ выдали замуж сестру Анисью за Василья Семеновича Юшкова^а.
 34. 7202-го декабря въ 14 день в другомъ часу дня радился сынъ Петръ.
 35. 202-го генваря въ 15 день преставился сынъ Петръ в пятом часу дня и погребенъ того ж числа у церкви Рождества Христова возле стены трапезной по правую сторону.
 36. 203-го декабря въ 13 день в четвертомъ часу ночи радилась дочь Анастасия.
 37. 1718-го октября въ 27 день в третьем часу пополудни родилась у меня до[чь] Екатерина, тезоимянитство еѣ 24-го ноября святые мученицы Ека[терины].
 38. Августа въ 1 день 1719-го году дочь Екатерина преставился пополудни четыре часа ве[чера]^а.
 39. 204-го генваря въ 1 день въ 11 часу ночи умре сестра Марфа Васильевна^и и погребена в Конюшенной у Иоанна Предотеча.
 40. 204-го генваря въ 7 день в 1-м часу ночи умре зать Алексѣй Игнатьевичъ.
 41. 205-го сентября противъ 30-го числа в ночи за 3 часа до свету родися дочь Просковья.
 42. 205-го марта въ 14 день преставился дочь Настасья. //
- л. 3 об. 43. ^иДедушка ^иНикита Фадеевичъ^б преставился в нынешнем въ 188-м году июня против 20 числа за два часа до свету на воскресенье, погребен 20 числа.
 44. 188-го июля въ 26 день въ 5 часу дня преставился сын Ияков.
 45. 205-го августа въ 4 день во втором на десять часу дня преставился дочь Просковья.
 46. 206-го июля въ 10 день в пятом часу ночи преставился дочь Евдокья и положена у церкви Рождества Христова, что в старые Полочье, а от рождения ей 22 недѣли.
 47. 207-го апрѣля въ 5 день въ 6-м часу дня родися сынъ, а имя ему дано Василий во имя Василия Парижского.
 48. 207-го июля въ 3 день въ 8-м часу дня преставился сынъ Василий и погребен у Рождества Христова.
 49. 1700-го мая въ^и день родилась дочь Елена и того ж года умре июля въ^б день.
 50. 1700-го июля въ 9 день в часъ дни преставился сестра Акилина Васильевна^з, и погребена у Иоанна Предотеча в ногах у батюшки.
 51. [1]700 [о]ктября въ 16 день преставился святѣйший Адрианъ патриархъ. //
- л. 4 52. ^и1702-го ноября въ 16 день родися сынъ Александръ Даниловичъ, тезоименитство ево Александръ Невский.
 53. 1703-го июля въ 9 день въ 12-м часу дни преставился сынъ Александръ.
 54. 1705-го октября въ 16 день родися сынъ Александръ.
 55. 1706-го июля въ 27 день преставился сынъ Александръ.
 56. 1706-го декабря въ 21 день родились сынъ Петръ, дочь Ульянея въ 3-м часу дни.
 57. 1707-го генваря въ 13 день въ 3-м часу дни преставился сестра Анисья Васильевна^а и погребена у Иоанна Предотечи в Конюшенной.
 58. 1707-го генваря въ 27 день въ 6-м часу дня преставился сынъ Петръ, жития его 5 недель.
 59. 1716-го августа во 2 день пополудни во 2-м часу дня^{и,а} преставился Даниилъ Васильев[ич] и погребенъ у Иоанна Предотечи в Конюшенной августа в 4-м чи[сле], а на погребении был и на выносе Суждалской епископъ^б. //
- л. 4 об. 60. 1746 год июля 28 числа преставилась баронеса Анна Даниловна^б Шафирова в Москве и погребена у церкви Иоанна Предотеча в Старой Конюшенной.

^х В ркп. под строкой карандашная помета: «Баронесса Шафирова?».

^а В ркп. имя подчеркнуто карандашом.

^б Восстановлено по смыслу.

^и В ркп. отчество подчеркнуто карандашом, на левом поле листа запись карандашом «Васильевичъ».

^{и,а} В ркп. верхний край листа обрезан, часть записей утрачена.

^{и-б} В ркп. имя подчеркнуто карандашом.

^в В ркп. далее оставлено пустое место.

^б В ркп. далее оставлено пустое место.

^з В ркп. отчество подчеркнуто карандашом, на левом поле листа запись карандашом «Васильевичъ».

^и В ркп. на левом поле листа запись карандашом «Данило».

^а В ркп. отчество подчеркнуто карандашом, на левом поле листа запись карандашом «Васильевичъ».

^{и,а} В ркп. первоначально «ночи».

^б Возможно, в последней строчке присутствовало имя епископа, так как лист обрезан по нижнему краю.

^в В ркп. имя подчеркнуто карандашом, на левом поле листа запись карандашом «Дочь Данила Вас.».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базарова Т.А. Первый российский вице-канцлер П.П. Шафиров: пути интеграции в российскую политическую элиту // Правящие элиты и дворянство во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 122–148

Богданов А.П. «...Пожалован на Ивановскую площадь»: Хронологические записи площадных подьячих Шантуровых XVII в. // Отечественные архивы. 2020. № 6. С. 68–78.

Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII века. М., 1975. 606 с.

Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): Биографический справочник. М., 2011. 720 с.

Курукин И.В. Игнатий // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 21. С. 131–132.

Морозов Б.Н. Автобиография Ионы Соловецкого. 1561–1621 // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 447–453.

Поляков И.А. Автобиографические записи в русской рукописной культуре конца XVI – XVII в.: Проблема выявления и перспективы исследования // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 23–24 апреля 2021 г. Витебск, 2021. С. 75–77.

Севостьянов А.С. Походные канцелярии и переезд Посольского приказа в Петербург // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 102–114.

Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2008. 288 с.

Серов Д.О. В каком возрасте начинали службу подьячие в конце XVII – начале XVIII в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 38–46.

Снигирев И.М. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. М., 1865. Т. 1. 210 с.

Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам / А.П. Барсуков. СПб., 1902. 611 с.

Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М., 1991. 288 с.

Чекунова А.Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII–XVIII вв.: Опыт источниковедческого анализа. М., 1995. 134 с.

Heawood E. Watermarks mainly of the 17th and 18th centuries. Hilversum, 1950.

17th century according to printed government acts. Saint Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha, IX, 611 p. (In Russ.).

Bazarova T.A. (2013). The first Russian Vice Chancellor P.P. Shafirov: ways of integration into the Russian political elite. *Pravyashchie elity i dvoryanstvo vo vremya i posle petrovskikh reform (1682–1750)*. Moscow, pp. 122–148. (In Russ.).

Bogdanov A.P. (2020). “...Granted to Ivanovskaya Square”. Chronological records of the clerks Shanturovs of the 17th century. *Otechestvennye arkhivy*, no 6, pp. 68–78. (In Russ.).

Chekunova A.E. (1995). Russian memoir heritage of the second half of the 17th – 18th centuries: experience of source study analysis. Moscow, Ros. univ. izd-vo, 134 p. (In Russ.).

Demidova N.F. (2011). Service bureaucracy in Russia of the 17th century (1625–1700): biogr. ref. book. Moscow, Pamyatniki ist. mysli, 720 p. (In Russ.).

Heawood E. (1950). Watermarks, mainly of the 17th and 18th centuries. Hilversum, Paper Publ. Soc., 533 p.

Kurukin I.V. (2009). Ignatius. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, vol. 21, pp. 131–132. (In Russ.).

Morozov B.N. (2001). Autobiography of Jonah Solovetsky (1561–1621). *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 2000 god*. Moscow, pp. 447–453. (In Russ.).

Polyakov I.A. (2021). Autobiographical records in Russian manuscript culture of the late 16th – 17th centuries: the problem of identifying and prospects for research. *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Vitebsk, 23–24 apr. 2021 g.* Vitebsk, pp. 75–77. (In Russ.).

Serov D.O. (2008). Administration of Peter I. Moscow, OGI, 293 p. (In Russ.).

Serov D.O. (2013). The age for a podyachy to start working in late 17th – early 18th century. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, no. 4, pp. 38–46. (In Russ.).

Sevast'yanov A.S. (2020). Field offices and relocation of the Polesky Prikaz to Saint Petersburg. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, no. 4, pp. 102–114. (In Russ.).

Snegirev I.M. (1865). Moscow. Detailed historical and archaeological description of the city. Moscow, Izd. A. Martynova, vol. 1, 210 p. (In Russ.).

Tartakovsky A.G. (1991). Russian memoiristics of the 18th – the first half of the 19th century: from manuscript to book. Moscow, Nauka, 288 p. (In Russ.).

Veselovskiy S.B. (1975). Dyaks and podyachys of the 15th – 17th centuries: [ref. book]. Moscow, Nauka, 607 p. (In Russ.).

REFERENCES

Barsukov A.P. (comp.) (1902). Lists of city voivodes and other persons of the Voivodeship administration of the Moscow State of the

Статья поступила в редакцию 11.05.2023

Дата рецензирования 31.05.2023

Статья принята к публикации 21.09.2023

DOI: 10.15372/HSS20230408

УДК 94:070(571.1/.5)"1907/1917"

EDN: KZKCML

М.Ю. ЧУПИН

**СБОРНИК «ВОПРОСЫ КОЛОНИЗАЦИИ» (1907–1917):
СТАТУС, ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, АВТОРСКИЙ СОСТАВ,
ПРОБЛЕМАТИКА**Томский государственный университет,
РФ, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Цель исследования – выявление источниковедческих особенностей и потенциала сборника «Вопросы колонизации» (1907–1917). В центре внимания автора находятся невыявленные или недостаточно исследованные источниковедческие аспекты данного сборника: причины и цели издания, изменение его статуса, тиражи, механизм распространения, читательская аудитория. Сборник представляет собой специальное издание, которое объединяло чиновников Переселенческого управления, занимавшихся общими и частными вопросами колонизационной политики (статистиков, агрономов, юристов). Со сменой редакторов сборника изменился его статус – от критического общественного к полуофициальному изданию. Целью сборника являлось формирование общественного мнения и оказание влияния на законодательные структуры по вопросам колонизации. Благодаря тиражу и механизму бесплатной рассылки сборник активно включался в научную и общественную коммуникацию, что давало возможность оказывать влияние на структуры правительства, законодательные органы и печатные издания.

Ключевые слова: «Вопросы колонизации», Переселенческое управление, переселение, Сибирь.

Для цитирования: Чупин М.Ю. Сборник «Вопросы колонизации» (1907–1917): статус, издательские характеристики, авторский состав, проблематика // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 4. С. 68–76. DOI: 10.15372/HSS20230408

M.U. CHUPIN

**COLLECTED VOLUME “ISSUES OF COLONIZATION” (1907–1917):
STATUS, PUBLISHING CHARACTERISTICS, AUTHORS, PROBLEMATICS**Tomsk State University,
36, Lenin ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

The purpose of research is to identify source study features of the collected volume “Issues of Colonization” (“Voprosy kolonizatsii”). The study focuses on the following under-researched characteristics of the collection: purpose of publication, changes in its status, circulation, distribution mechanism, and readership. The collected volume was created by the Resettlement Administration officials, who positioned themselves as independent specialists. The study shows that with the change of editors, probably caused by the government pressure, the collected volume’s status also changed: from social criticism to performing the functions of an official publication. The purpose of the publication changed: from public control to the formation of public opinion and influencing legislative structures on issues of colonization. The circulation of the collection, comparable to other specialized publications, and the mechanism of free distribution to government agencies and editorial offices of printed publications ensured the inclusion of collection in scientific and public communication, which made it possible to influence the government and legislative bodies. The authors of collected volume were predominantly officials of the Resettlement Administration united by career and personal relations. The study identified the circle of main authors of the collection. The authors of “Issues of Colonization” represented various branches of knowledge related to colonization: statistics, agronomy, jurisprudence, hydraulic engineering, forestry, etc. The study counted the number of articles devoted to the research of various aspects of colonization and various regions of the Russian Empire. The authors pursued the ideas of the priority of quality over quantity in the resettlement of peasants, planned and comprehensive colonization, the advantages of commercial farms, “khutor” and “otrub” land management.

Key words: “Questions of Colonization”, Resettlement Administration, resettlement, Siberia.

Максим Юрьевич Чупин – аспирант, Томский государственный университет, e-mail: maxim.chupin.1998@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-7639-1640>.

Maxim U. Chupin – Postgraduate Student of Tomsk State University.

ВВЕДЕНИЕ

Сборник «Вопросы колонизации», издававшийся чиновниками Переселенческого управления с 1907 по 1917 г., является важным источником для изучения социально-экономической и политической истории переселения и колонизации в Российской империи. Но несмотря на значимость и популярность данного источника, многие его характеристики остаются невыявленными. Вопросы периодичности издания, структуры, тематики, причин и условий создания этого сборника освещены в статьях Н.С. Зуевой [Зуева, 2015, с. 15–18] и Н.Г. Галеткиной [Галеткина, 2013, с. 556], но причины создания, изменения статуса журнала, его тиража нуждаются в дальнейшей разработке. В.Г. Тюкавкин отмечал, что многие чиновники, авторы «Вопросов колонизации» (Г.Ф. Чиркин, И.А. Успенский, И.В. Введенский и др.), были «либерально настроенными» [Тюкавкин, 2001, с. 16]. В. Сандерленд указывал, что страницы периодического издания «Вопросы колонизации» «были пропитаны духом “планомерного” управления народами и территориями, охватывающими ведомство» [Sunderland, 2010, p. 143]. П. Холквист охарактеризовал статус этого издания как «полуофициальное», а его авторов считал технократами [Holquist, 2010, p. 154]. А.В. Ремнев и Н.Г. Суворова писали, что сборник «Вопросы колонизации» был проявлением стремления к профессиональной (а не политической) консолидации авторов, что он был далек от официоза [Ремнев, Суворова, 2013, с. 93].

Ранее «Вопросы колонизации» не рассматривались в контексте взаимодействия их авторов с иными интеллектуальными и политическими акторами (чиновниками иных ведомств, авторами других журналов и т. п.), что не позволяло понять функции и назначение периодического сборника для Переселенческого управления. Указанные авторы не обращались и к делу «Об издании периодического сборника “Вопросы колонизации” Российского государственного исторического архива» (РГИА)¹, ранее оно не было введено в научный оборот, но может пролить свет на нерешенные ранее вопросы.

Цель данного исследования – выявление источниковедческих особенностей сборника «Вопросы колонизации», гипотеза заключается в утверждении, что основной особенностью данного издания являлся его полуофициальный статус, т.е. то, что он, не будучи ведомственным изданием, стал специализированным изданием колонизационных экспертов и служил каналом коммуникации Переселенческого управления со структурами власти и общества. Ис-

следование опирается на «имперскую географию власти» А.В. Ремнева [Ремнев, 2015, с. 22–27], что позволяет определить позицию и функции журнала во властной структуре Российской империи и системе Центр–периферия. Автор учитывает также определение понятия «колонизационные эксперты», предложенное Н.Г. Суворовой и А.В. Филимоновым, которые характеризуют исследователей колонизации как неформальную исследовательскую группу, сочетающую исследовательские и практическо-управленческие функции [Суворова, Филимонов, 2020, с. 45–47]; кроме того, использует подход О.М. Медушевской к определению источников, которая рассматривает их как «объекты культуры, созданные в процессе целенаправленной, осознанной деятельности людей» [Источниковедение ..., 1998, с. 21]. Выяснение аспектов создания и функционирования источника в исторической среде, анализ характеристик авторов и их позиций в системе власть–общество, Центр–периферия, целей издания сборника позволяют понять, какую информацию о прошлом источник может нести в себе, для изучения каких сюжетов он применим.

**ПРИЧИНЫ И ЦЕЛИ СОЗДАНИЯ
«ВОПРОСОВ КОЛОНИЗАЦИИ». СТАТУС ИЗДАНИЯ**

Создание «Вопросов колонизации» в 1907 г., как справедливо отметила Н.Г. Галеткина, было неслучайным. Среди причин, обусловивших появление этого сборника, она назвала рост переселенческого движения и расширение полномочий ведомства в сфере землеустройства, связанных с широкомасштабными исследованиями [Галеткина, 2013, с. 556–557]. Однако причины и цели издания сборника не ограничивались внутренней потребностью публикации исследований для ученых. Первый номер «Вопросов колонизации» начинается со вступления О.А. Шкапского, которое носит характер программного. Сборник позиционируется им как внепартийный [От редакции, 1907, с. 1–2], он должен был объединить специалистов по колонизации, разбросанных по различным окраинам Российской империи [Там же]. Вместе с тем, издание также адресовано к заинтересованной общественности, так как, по словам О.А. Шкапского, «колонизационная работа нуждается в критике и постоянном идейном освещении ее» и, кроме того, существует «необходимость вести колонизационное дело с контролем общественного мнения» [Там же]. Один из авторов сборника, чиновник Переселенческого управления А.А. Татищев, писал, что основатели сборника хотели «ознакомить с его [переселенческого дела] задачами возможно более широкие круги общества» [Татищев, 2001, с. 42]. По мнению Н.С. Зуевой, в строке об общественном контроле за-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391 Оп. 4 Д. 2143.

явлена цель сборника [Зуева, 2015, с. 15]. Однако такое программное заявление не следует переносить на все 20 номеров периодического сборника, так как уже на втором выпуске его характер претерпел изменения вместе со сменой редактора – О.А. Шкапского.

О.А. Шкапский (1865–1918 гг.) – потомственный дворянин, начальное образование получил в Ташкентской гимназии (1884 г.)², затем поступил в Петровскую земледельческую и лесную академию, но ее не окончил, так как был осужден за участие в студенческой организации «Народной воли» и сослан в Туркестан [Панфилов, 2019, с. 27–31; Белоус, 2017, с. 4]. С 1892 г. состоял на государственной службе в данном регионе, где также занимался исследовательской деятельностью. Историк А.В. Панфилов предполагает, что в годы Первой русской революции он примкнул к трудовой народно-социалистической партии. Популярность «прогрессистских взглядов, причем в довольно радикальных его формах» среди русского населения и интеллигенции Туркестана констатировалась и объяснялась, в частности, антропологом и историком С.Н. Абашиным [Абашин, 2019, с. 147, 148]. В 1906 г. О.А. Шкапский поступил на службу в Переселенческое управление чиновником особых поручений. Глава Переселенческого управления Г.В. Глинка в деловой переписке охарактеризовал его как незаменимого в ходе интерпретации таблиц³. Его планировали назначить заведующим Семипалатинским переселенческим районом, но по рекомендации министра внутренних дел П.Н. Дурново он был уволен со службы как политически неблагонадежный [Белоус, 2017, с. 4].

В статьях первого номера редакции О.А. Шкапского авторы указывали на изъятие земель, необходимых для старожилов и «иностранцев» [Шкапский, 1907, с. 38], отмечалось отсутствие внимания правительства и общества к положению новоселов на новых местах, фактам нарезки для них земель, неудобных для хозяйства [Татищев, 1907, с. 237]. Критика ведомства в статье А.А. Татищева, которую он написал по рекомендации Г.Ф. Чиркина и А.В. Успенского, вызвала недовольство главноуправляющего землеустройства и земледелия Б.А. Васильчикова [Татищев, 2001, с. 43]. Эта критика, вероятно, касалась не только недостатков работы ведомства, но и взгляда С.Ю. Витте на переселение как на миграцию обеспеченных хозяев, не нуждающихся в значительной государственной поддержке. Кроме критики ведомства, О.А. Шкапский и автор этого журнала Н.К. Шуман призывали к отказу от принципа частной собственности на землю [Шкапский, 1907, с. 52], что шло враз-

рез с позицией Б.А. Васильчикова и целями начинающейся Столыпинской аграрной реформы.

Вероятно, критическая левая позиция О.А. Шкапского могла спровоцировать его смещение с редакторского поста. С 1908 г. он стал печататься в оппозиционных «Сибирских вопросах», крайне жестко оценивавших переселенческую политику правительства. Помимо критики частных вопросов колонизационного дела О.А. Шкапский на страницах «Сибирских вопросов» осуждал «систему» в целом, видел в ней причину неудач колонизационных мероприятий. Оценивая перспективы экспедиции Комитета по заселению Дальнего Востока, он, вероятно, подводил итог своей исследовательской службы в правительстве: «Правда, привнесены в эту работу некоторые новшества: почвенно-ботанические исследования, но ведь “система” будет брать из них только то, что ей нужно, а, следовательно, при возможности, при возможной разнице в мнениях исследователей будет происходить сортировка работ. Одни пойдут ошую и будут ввержены в гиену огненную, а другие – одесную и будут положены в качестве фундамента колонизации» [Шкапский, 1910, с. 13]. Таким образом, О.А. Шкапский оказался в «огненной гиене», а «Вопросы колонизации» изменили свой характер.

Редакторами 2-го и 3-го выпусков «Вопросов колонизации» выступили ревизоры Переселенческого управления Г.Ф. Чиркин и А.В. Успенский. Номера 4–19 редактировали Г.Ф. Чиркин и Н.А. Гаврилов, 20-й – только Г.Ф. Чиркин. Следует отметить, что Г.Ф. Чиркин и А.В. Успенский, как и О.А. Шкапский, участвовали в создании 1-го номера журнала в качестве и авторов, и издателей. Геннадий Федорович Чиркин (1876–1941(?)) служил в Переселенческом управлении с 1900 г., а в 1916 г. возглавил данное ведомство. Он родился в г. Ветлуга Костромской губернии, в 1901 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, но еще в 1900 г. поступил на службу в Переселенческое управление. В 1908 и 1909 гг. занимал должность ревизора землеустройства⁴. Алексей Васильевич Успенский (1871–(?)), вероятно, происходил из Калужской губернии, где проживали его родители (отец – обер-офицер). Он окончил Константиновский межевой институт, служил старшим помощником землемера Тифлисской судебной палаты, а затем техником при строительстве Московско-Брянской железной дороги⁵. По мнению

² РГИА. Ф. 391. Оп. 7. Д. 4011. Л. 87.

³ Там же. Л. 64.

⁴ Чиркин Г.Ф. Положение переселенческого дела в Семиречье: Записка командиров. в Семиреч. обл. летом 1908 г. ревизора землеустройства Г.Ф. Чиркина. СПб.: Переселенч. упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия, [1908]. 143 с.; *Он же*. Переселение и землеустройство в Забайкалье: Отчет по служебной поездке в Забайкальскую обл. летом 1909 г. ревизора землеустройства Чиркина. СПб.: Пересел. упр. ГУЗ и З., [1909]. 112 с.

⁵ РГИА. Ф. 391. Оп. 7. Д. 3700. Л. 8.

Г.В. Глинки, А.В. Успенский являлся наиболее сведущим в недостатках постановки переселенческого дела и поэтому занимал ревизорскую должность в 1906–1907 гг.⁶, с 1909 г. – должность заведующего землеотводным делом. По словам А.А. Татищева, Г.Ф. Чиркин, как и А.В. Успенский, примыкали к партии демократических реформ, их взгляды мемуарист характеризует как «довольно левые в то время по настроениям» [Татищев, 2001, с. 42]. А.А. Татищев также отмечал, что эти чиновники поразили его «своей начитанностью в области вопросов социальных и знакомством с разными течениями социологии» [Татищев, 2001, с. 42].

Николай Александрович Гаврилов (1877–(?)) окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и начал карьеру в Министерстве юстиций, где к 1903 г. дослужился до должности заведующего IV делопроизводством Главного тюремного управления. На службу в Переселенческое управление он поступил в начале 1907 г. в статусе чиновника особых поручений IV класса, а уже 1 ноября того же года был откомандирован для заведования II делопроизводством в Степной край. В 1912 г. Н.А. Гаврилов был назначен ревизором работ по образованию переселенческих участков. К 1915 г. он занимал должность помощника главы Переселенческого управления. Н.А. Гаврилов многогранно представлял Переселенческое управление и Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) в межведомственных совещаниях и комиссиях, съездах. Так, в 1908 г. он выступил представителем ГУЗиЗ на совещании по выработке нового Положения об управлении Туркестанским краем, образованном при Военном министерстве⁷. Высокое положение редакторов сборника свидетельствует о его значимости для переселенческого ведомства.

Об изменении цели издания «Вопросов колонизации» свидетельствует письмо главы Переселенческого управления Г.В. Глинки (1908 г.) главному управляющему землеустройством и земледелием А.В. Кривошеину. Г.В. Глинка отмечал, что данное издание «имеет весьма важное значение для распространения правильных сведений о правительственных мероприятиях в этой области в широких кругах общества и вместе с тем остается не без влияния на членов законодательных учреждений, подготавливая благоприятную почву при рассмотрении сметных предположений и законопроектов Главного управления землеустройства и земледелия по Переселенческому управлению»⁸. После того как сборник был представлен царю на «на высочайшее благовоззрение»

А.В. Кривошеиным, редакторы издания Г.Ф. Чиркин и Н.А. Гаврилов были удостоены благодарности Николая II⁹. Таким образом, с этого выпуска периодический сборник служил уже не для общественного контроля, о чем заявлял первый редактор О.А. Шкапский, а для формирования общественного мнения, влияния на позиции Думы и Государственного совета по колонизационно-переселенческим вопросам.

Со второго номера новые редакторы Г.Ф. Чиркин и А.В. Успенский в своем программном заявлении определили функцию сборника как поиск «взаимного содействия в работе народного представительства, правительственных и общественных сил и печати» [От редакции, [1907-?], с. IV]. В дальнейшем статьи данного периодического издания содержали, скорее всего, апологетику деятельности Переселенческого управления. Их авторы показывали успешность колонизационной политики. «Вопросы колонизации» после смены редакторов фактически стали выполнять функцию ведомственного издания, поддерживающего столыпинский курс. Однако в сборнике, пусть и в меньшей степени, продолжали освещаться негативные моменты колонизации [Гинс, 1912, с. 54]. Вокруг него продолжали группироваться чиновники диаметрально противоположных взглядов, заинтересованные в наилучшей постановке переселенческого дела. Например, на добросовестность и качество статистики указывал чиновник Переселенческого управления и участник социал-демократического движения И.Л. Ямзин [Ямзин, 1914, с. 73].

Сборник «Вопросы колонизации» на протяжении всего времени его издания не стал официальным органом Переселенческого управления. Г.В. Глинка в 1908 г. писал, что «в целях сохранения за сборником значения, которое уже приобретено им, представлялось бы желательным не превращать его в официальное издание Управления»¹⁰. Со второго выпуска «Вопросы колонизации» формально подходят под определение «официоз», т. е. издания, выражающего точку зрения правительства, не являющегося при этом его официальным органом. Но данное понятие крайне эмоционально окрашено, что затрудняет его использование как научного, оно несет дополнительные коннотации бюрократизма, формализма, ведомственной предвзятости. На отсутствие этих характеристик, вероятно, и указывали А.В. Ремнев и Н.Г. Суворова, отмечая, что сборник был далек от официоза [Ремнев, Суворова, 2013, с. 93]. Определение его статуса как «полуофициального» П. Холквистом является более подходящим. Критерием «полуофициальности» издания можно считать отсутствие аффилиации

⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 7. Д. 3700. Л. 119.

⁷ Там же. Д. 728. Л. 1.

⁸ Там же. Оп. 4. Д. 2143. Л. 1.

⁹ Там же. Оп. 7. Д. 728. Л. 1.

¹⁰ Там же. Оп. 4. Д. 2143. Л. 1.

с государственной структурой при том, что издание выполняло функцию выражения позиции ведомства, а основная часть авторов являлись его чиновниками.

ТИРАЖ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ СБОРНИКА

«Вопросы колонизации» издавались с 1907 по 1917 г. в среднем по два выпуска в год, номера выходили по мере накопления материала, всего издано 20 номеров. Нерегулярная периодичность стала причиной того, что официально периодическое издание называлось сборником, однако в деловой переписке и исследовательской традиции его часто называли журналом. Тираж первых трех номеров составлял 1000 экз. Причем 500 экз. 2-го и 3-го выпусков выкупило для рассылки ГУЗиЗ. С номера 4 Переселенческое управление выкупало 800 экз. из общего тиража сборника¹¹. Данная форма субсидии журнала фиксируется в смете Переселенческого управления, где упомянуто приобретение 4-го и 5-го его номеров¹². Вероятно, тираж в 1 тыс. экземпляров был и у других номеров журнала. Среди специализированных изданий сопоставимые тиражи в рассматриваемый период были у «Трудов Вольного экономического общества» (900 экз.) [Акопов, 1986, с. 67–69.] и «Лесного журнала» (1000–2000 экз.) [Бейлин, 1962, с. 136].

Купить «Вопросы колонизации» можно было по почте и в некоторых магазинах, однако значительная часть тиража рассылалась бесплатно лицам, причастным к разработке колонизационно-переселенческой политики или формировавшим представление о ней. Сборник направлялся «членам Государственного совета и Думы, земствам, землеустроительным комиссиям, переселенческим партиям и лицам, интересующимся и работающим в печати по вопросам народного хозяйства»¹³. Главам гражданских и военных министерств (Министерства финансов, Министерства путей сообщения, МВД, Военного министерства и т.п.), их помощникам, начальникам отделов, департаментов и управлений издание пересылалось от имени Г.В. Глинки или А.В. Кривошеина¹⁴.

Кроме того, сборник рассылался в редакции более 50 крупных изданий, например, в «Вестник финансов, промышленности и торговли», «Известия Императорского Русского географического общества», «Голос Москвы», «Русское богатство», «Сибирские вопросы» и др.¹⁵ Рассылка осуществлялась как в центральные, так и местные издания различных направлений – специализированные, общественно-

политические (либеральные, консервативные). «Вопросы колонизации» также обменивались объявлениями с правыми общественными изданиями «Россия» и «Окраины России», с рядом ведомственных изданий, например, «Журналом Министерства путей сообщения», «Известиями Главного управления землеустройства и земледелия», а также с «Известиями областной земской переселенческой организации». Данные издания, следовательно, являлись дружественными сборнику.

Вместе с тем на страницах сборника чиновники Переселенческого управления вступали в споры с региональным изданием – «Сибирскими вопросами» [Андроников, [190–?]], в котором окраинные эксперты (например, Н.Л. Скалозубов) критиковали переселенческую политику. А редактор Н.А. Гаврилов написал опровержение на статью, критикующую «Вопросы колонизации» и опубликованную в газете «Речь», близкой к кадетам¹⁶. Механизм распространения периодического сборника давал возможность оказывать влияние на государственные структуры и печатные издания, однако определение степени его влияния нуждается в отдельном исследовании.

АВТОРСКИЙ СОСТАВ

В данном периодическом издании могли публиковаться статьи любых авторов, направивших тексты статей в редакцию и прошедших редакторский отбор. Но 79 % публикаций в основной части сборника было написано чиновниками Переселенческого управления (табл. 1). Это уточняет тезис Н.С. Зуевой, писавшей, что авторами журнала являлись чиновники ГУЗиЗ, в которое входило Переселенческое управление. Но авторы не акцентировали внимание на своем служебном положении и позиционировали себя, скорее, как независимых исследователей (табл. 1).

Авторы и редакторы сборника были связаны личными отношениями, схожими карьерными биографиями. Так, один из основных авторов «Вопросов колонизации» И.В. Введенский в 1903 г. был командирован в Акмолинскую область вместе с Г.Ф. Чиркиным¹⁷, примерно в то же время в Омске находился еще один наиболее активный автор – В.И. Юферев¹⁸. Переписка с внешними авторами «Вопросов колонизации» крайне незначительна в его архивном деле, она представлена письмами от зрителя рыбных и тюленных промыслов В.О. Грюнберга¹⁹, что может свидетельствовать о том, что редакторы и авторы, как правило, лично договаривались о публикациях в «Вопросах колонизации». Таким образом, данный

¹¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 2143.

¹² Смета доходов, расходов и средств Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия на 1910 г. СПб. 1909. С. 16.

¹³ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 2143. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 81, 82.

¹⁵ Там же. Л. 34–37, 70–72.

¹⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 2143. Л. 111.

¹⁷ Там же. Оп. 7. Д. 562. Л. 10.

¹⁸ Там же. Д. 4111. Л. 17.

¹⁹ Там же. Оп. 4. Д. 2143. Л. 54, 55.

Таблица 1

Службное положение авторов статей в Переселенческом управлении Article authoring service in Resettlement department	
Категория авторов Category of authors	Количество статей, абс. Quantity of articles
Служившие в Переселенческом управлении*	65
Пишущие под псевдонимом или инициалами	9
Не служившие в Переселенческом управлении	10
Нет данных об авторах	12
В с е г о авторов	97

* Считаю лиц, которые не служили в Переселенческом управлении во время издания статей, но были его сотрудниками до появления журнала (О.А. Шкапский, А.В. Кривошеин) или после его издания (В.П. Вошинин).

Источник: РГИА. Ф. 391. Оп. 7.

журнал являлся площадкой консолидации экспертов данного ведомства, что отмечали С.С. Смирнов и В.Е. Смирнова [Смирнов, Смирнова, 2002, с. 175]. Авторы журнала участвовали в командировках и экспедициях на азиатские окраины, а также непосредственно служили в Азиатской России – в переселенческих пунктах и партиях, на опытных полях, лесных заводах. Их материалы опирались на результаты статистических, почвенно-ботанических, агрономических исследований, иногда чиновники ссылались на собственный опыт осмотра территорий и общения с населением.

На основании частоты публикации и места статей в сборниках был выявлен круг основных авторов издания (табл. 2). К ним относятся авторы, написавшие три публикации и более. Статьи таких авторов зачастую располагались в начале номеров, что указывало на значимость их работ. Почти все основные авторы стремились к широкому обобщению колониционных проблем, не ограничиваясь рассмотрением частных вопросов. Как и редакторы, основные авторы задавали тон в издании: 16 из них опубликовали 87 статей в основной части сборника (44,3 % публикаций).

Широкая колониционная проблематика периодического издания объединяла юристов (Г.Ф. Чиркин, И.В. Введенский, Г.К. Гинс), статистиков (П.А. Хворостанский, С.Н. Велецкий), агрономов (В.И. Юферов, В.С. Воротников, Н.П. Синельников, В.П. Вошинин, А.К. Коль), лесных техников и других специалистов, писавших статьи как по широким, так и узкоспециальным сюжетам колонизации азиатских окраин. В большинстве своем основные авторы «Вопросов колонизации» происходили из европейской части Российской империи, что отличало авто-

Таблица 2

Основные авторы «Вопросов колонизации» The main authors of “Questions of colonization”	
Ф.И.О. авторов Full name of author	Количество статей, абс. Quantity of articles
Г.Ф. Чиркин	15
И.В. Введенский	11
Г.Ф. Гинс	8
Н.В. Турчанинов	8
В.И. Юферов (Юферев)	7
В.С. Воротников	4
В.А. Тресвятский	4
Н.П. Синельников	4
П.А. Хворостанский	4
А.А. Панов	4
А.В. Кривошеин	3
В.П. Вошинин	3
В. Муганский	3
С.Н. Велецкий	3
А.К. Коль	3
М.И. Симонов	3

ров сборника от состава авторов «Сибирских вопросов», представлявших в основном сибирский регион.

Из десяти авторов сборника, не служивших в Переселенческом управлении в период издания сборника, трое являлись членами Думы III и IV созывов, представителями октябристской фракции, которые также входили в Переселенческую комиссию Государственной думы (В.А. Потулов, М.И. Симонов, А.Л. Трегубов²⁰). В.П. Вошинин занимал должность делопроизводителя Переселенческой комиссии в Государственной думе, с 1917 г. – ревизора в Переселенческом управлении. Двое являлись общественными деятелями – ветеринар и писатель Я.Я. Полферов, который активно публиковал литературные произведения в «Сибирских вопросах», а также студент, будущий известный евразиец П.Н. Савицкий. В. Бондаренко был священником Славгородского прихода Барнаульского уезда [Бондаренко, 1913]. В. Грюнберг трудился старшим смотрителем рыболовства в Красноярске, и А.К. Коль был помощником агента Главного управления землеустройства и земледелия в Соединенных Штатах²¹. В сборнике также печатались работы главы правительства П.А. Столыпина, глав-

²⁰ 3-й созыв Государственной Думы: портреты, биографии, автографы. СПб.: Издание Н.Н. Ольшанского, 1910. 66 с.; 4-й созыв Государственной Думы: художественный фототипический альбом с портретами и биографиями. СПб.: Изд. Н.Н. Ольшанского, 1913. 79 с.

²¹ Коль А.К. Производство плющенного овса: Заметка, сост. по просьбе Бюро пом. агента Гл. упр. з. и з. в С. Штатах А.К. Ко-лем по поводу одного из запросов. СПб.: типолит. М.П. Фроловой, [1910]. 5 с.

ноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина, приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера.

СТРУКТУРА И ПРОБЛЕМАТИКА СБОРНИКА

Не считая раздел «Хроника», в указанном издании была опубликована 191 статья, в том числе несколько докладов, писем и записок. Статьи касались как Азиатской России в целом, так и ее регионов. Структура сборника состояла из основной части, в которой помещались тематические статьи; хроники, где публиковались вышедшие законодательные акты, стенограммы совещаний, отчеты и статьи о состоянии переселенческого дела в текущем году и т.п.; о библиографической и рекламной частях, печатались объявления о дружественных изданиях.

По регионам статьи распределялись следующим образом (табл. 3): наибольший интерес проявлялся к Сибири (53 статьи). Причем авторы могли рассматривать этот регион как «большую Сибирь», включая также Дальний Восток, Степной край (а иногда и Туркестан), а могли – как «малую» Сибирь без перечисленных регионов. Азиатской России (как правило, без Кавказа) посвящено 36 статей. Туркестан занимает третье место по количеству статей (35 статей). Немногом отличается этот показатель по Степному краю с Тургайской и Уральской областями (34 статьи). О Дальнем Востоке написано 26 статей. Зарубежным территориям посвящено 19 статей, в них рассматривается, например, опыт колонизации в Соединенных Штатах Америки, кроме того, интерес проявлялся к колонизации прилегающих к Российской империи территорий – Китая, Персии, Турции. Европейская Россия интересовала авторов представленных материалов как место выхода переселенцев и как территории колонизации (Русский Север). По Ев-

ропейской России написано 8 статей, из них 2 статьи посвящены Европейскому Северу, 5 статей касались Кавказа.

Из табл. 4 следует, что наибольшее внимание авторы сборника уделяли общеколонизационным вопросам: географическим условиям и перспективам колонизации тех или иных регионов, а также подготовке колонизационных планов. К началу издания сборника чиновниками ведомства поднимался вопрос о позиционировании переселения как заселения азиатских окраин, а не выселения крестьян из Европейской России. Чиновники призывали уделять внимание не только земледелию, но и инфраструктуре, торговле и промышленности (добывающей и обрабатывающей), а при устройстве переселенцев обращать большее внимание на качество устройства, а не на количество переселенных. Часто акцентировалось внимание и на вопросах свободы и всесословности переселения. Обращение к вопросу землеустройства было связано, как правило, с проблемой поиска свободных земель среди старожилов и «иностранцев» и с идеей увеличения числа хуторов и отрубов на азиатских окраинах.

Наиболее цитируемые внешние авторы в «Вопросах колонизации» – это российские эксперты колонизации Ф.А. Щербина и А.А. Кауфман. В отдельных статьях присутствуют многократные ссылки на французских, британских, немецких теоретиков европейской колониальной науки – А.Л. Болье, А. Жиро, Э. Уэкфильда, Б. Цоепфля (B. Zoepfl). Авторы статей ссылались также на российских ученых – Н.П. Огановского, М.И. Туган-Барановского, А.А. Исаева, П.П. Мигулина, В.О. Ключевского, П.П. Семенова Тян-Шанского и др., государственных деятелей –

Таблица 3

Количество статей, посвященных регионам Российской империи
Quantity of articles devoted to the regions of the Russian Empire

Регион Regions	Количество статей, абс. Quantity of articles
Сибирь	53
Азиатская Россия	36
Туркестан	35
Степной край*	34
Дальний Восток	26
Иностранные территории	19
Европейская Россия	8
Кавказ	5

* С Тургайской и Уральской областями.

Таблица 4

Основные темы статей журнала «Вопросы колонизации»

Key topics of the articles in “Issues Colonization”

Тема Theme	Количество статей, абс. Quantity of articles
Общеколонизационные вопросы	61
Землеустройство, землевладение, землепользование	38
Переселение и водворение	36
«Иностранцы», китайцы и корейцы	31
Агрономия, агротехника, ботаника	21
Законодательство	10
Гидротехника	9
Промышленность, рабочие, торгово-промышленные поселения	8
Лесопользование, расчистки леса	7
Дорожное дело	5
Налогообложение	2

П.А. Столыпина, А.В. Кривошеина, Г.В. Глинку, П.Ф. Унтербергер, Александра III, С.Ю. Витте, К.П. Кауфмана и «думцев» – Н.Д. Голицына, М.И. Симонова, А.Л. Трегубова и др.

ВЫВОДЫ

Несмотря на то, что в состав авторов сборника «Вопросы колонизации» входили в основном чиновники Переселенческого управления, издание первоначально имело общественный статус, критически освещая переселенческую политику. Но со второго выпуска, вероятно, из-за давления властей он стал «полуофициальным», выполняющим функции ведомственного издания, поддерживающим курс столыпинской реформы. Освещение негативных сторон переселения отошло на второй план, но не прекратилось, поэтому неверно было бы говорить о том, что издание являлось предвзятым. Сборник может служить значимым источником для изучения переселенческой политики, социально-экономической истории регионов Азиатской России, истории отечественной статистики и агрономии. Сборник был нацелен на формирование общественного мнения, стремление повлиять на правительственные и общественные силы Думы, Государственный совет, без которых Переселенческое управление не могло бы получать финансирование колонизационных мероприятий и необходимое законодательное сопровождение колонизационного вопроса. Издание было включено в научную и общественную коммуникацию, что обеспечивалось благодаря рассылке номеров в смежные ведомства и редакции ведущих изданий, а также достаточно представительному тиражу. «Вопросы колонизации» отражали позицию Центра по отношению к окраинам, что отличало его от региональных «Сибирских вопросов». Сборник имел дружественные отношения с некоторыми правыми изданиями, в нем также публиковались речи октябристов. Вместе с тем авторы «Вопросов колонизации» спорили с изданиями, близкими к кадетским, а основной редактор сборника примыкал к партии демократических реформ. В нем печатались специалисты разного профиля – юристы, агрономы, лесные техники, гидротехники, представлявшие статьи по общим и частным вопросам колонизации. Эксперты проводили и обосновывали идеи комплексной колонизации, в понимании которой соединялись идеи российских и зарубежных авторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абашии С. «Мое мировоззрение» Владимира Наливкина: взгляды российского социалиста на имперской окраине // Центральная Азия в эпоху средневековья и Нового времени. Ташкент: Akademnashr, 2019. С. 150–169.

Андроников. Колонизация Сибири в связи с землеустройством местного населения // Вопросы колонизации: период. сб. / под ред. А.В. Успенского, Г.Ф. Чиркина. [190-?]. № 2. С. 84–119.

Акопов А.И. Отечественные специальные журналы 1765–1917 гг. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1986. 125 с.

Бейлин И.Г. Очерки по истории лесных обществ дореволюционной России. М.: Гослесбумиздат, 1962. 158 с.

Белоус С.Г. О.А. Шкапский об аграрной политике в казахской степи в конце XIX – начале XX вв. // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz» 2017. № 2. С. 37–49 URL: <https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/1699/340> (дата обращения: 7.10.2023).

Бондаренко Б. Устройство и жизнь Славгородского прихода (с 7 иллюстрациями) // Вопросы колонизации: период. сб. / под ред. Г.Ф. Чиркина, Н.А. Гаврилова. 1913. № 12. С. 225–244.

Галеткина Н.Г. Язык описания «столыпинских» переселенцев в служебной аналитике Переселенческого ведомства // Переселенческое общество Азиатской России: миграция, пространства, сообщества. Иркутск: Оттиск, 2013. С. 555–573.

Гинс Г. Вопросы колонизации Азиатской России и «выставка по переселенческому делу» (с 29 ил.) // Вопросы колонизации: период. сб. / под ред. Г.Ф. Чиркина, Н.А. Гаврилова. 1912. № 11. С. 1–59.

Зуева Н.С. Сборник «Вопросы колонизации» о проблемах переселения на Дальний восток // Вестн. Том. гос. ун-та. История, 2015. №5. С. 15–18.

Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцев. М.: РГГУ, 1998. 701 с.

От редакции // Вопросы колонизации: период. сб. / под ред. О.А. Шкапского. 1907. № 1. С. 1–2.

От редакции // Вопросы колонизации: период. сб. / под ред. А.В. Успенского, Г.Ф. Чиркина. [1907-?]. № 2. С. III–IV.

Панфилов А.В. Жизнь и судьба Ореста Шкапского (1865–1918 гг.) // Вестник Нижегородского института управления. 2019. № 3. С. 27–31.

Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2015. 577 с.

Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск: ИД «Наука», 2013. 248 с.

Смирнов С., Смирнова В. Отечественная историография крестьянской колонизации восточных районов пореформенной России // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2002. №1. С. 172–186.

Суворова Н.Г., Филимонов А.В. Советская колонизация в терминологических дискуссиях раннесоветских экспертов // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Исторические науки. 2020. № 1. С. 45–57.

Татищев А.А. Землеотводное дело по донесениям заведующих переселенческим делом в районах // Вопросы колонизации: период. сб. / под ред. О.А. Шкапского. СПб. 1907. № 1. С. 236–253.

Татищев А.А. Земли и люди: В гуще переселенческого движения (1906–1921). М.: Рус. путь, 2001. 376 с.

Токавкин В.Г. Великолукское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 302 с.

Шкапский О. Над бездной // Сибирские вопросы. 1910. № 27. С. 12–20.

Шкапский О. Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области // Вопросы колонизации: период. сб. / под ред. О. Шкапского. 1907. № 1. С. 19–52.

Ямзин И. Переселенческая статистика и хозяйственное положение переселенцев по исследованию Переселенческого управления // Вопросы колонизации: период. сб. / под ред. Г.Ф. Чиркина, Н.А. Гаврилова. 1914. № 14. С. 73–95.

Holquist P. In accord with State... The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration // Slavic Review. 2010. Vol. 69, N. 1. P. 151–179.

Sunderland V. The Ministry of Asiatic Russia The Colonial Office That Never Was But Might Have Been // Slavic Review. 2010. Vol. 34, N. 1. P. 120–150.

REFERENCES

- Abashin S. (2019). "My Worldview" by Vladimir Nalivkin: the views of a Russian socialist on the Imperial periphery. *Tsentral'naya Aziya v epokhu srednevekov'ya i novogo vremeni: obshchestvo, kul'tura, istochniki*. Tashkent, Vienna, pp. 150–169. (In Russ.)
- Akopov A.I. (1986). Domestic special journals of 1765–1917. Rostov-on-Don, Izd-vo Rostov. un-ta, 125 p. (In Russ.)
- Andronikov. ([1907]). Colonization of Siberia in connection with land management of local population. *Voprosy kolonizatsii: period. sb.* Saint Petersburg, no. 2, pp. 84–119. (In Russ.)
- Bondarenko B. (1913). Organization and life of Slavgorod parish. Recording the events of parish life. *Voprosy kolonizatsii: period. sb.* Saint Petersburg, no. 12, pp. 225–244. (In Russ.)
- Beilin I.G. (1962). Essays on the history of forest societies in pre-revolutionary Russia. Moscow, Goslesbumizdat, 158 p. (In Russ.)
- Belous S.G. (2017). O.A. Shkapsky on agrarian policy in the Kazakh steppe at the end of the 19th – the beginning of 20th centuries. *Edu.e-history.kz: electron. nauch. zhurn.*, no. 2, pp. 37–49. URL: <https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/699/340> (accessed 07.10.2023). (In Russ.)
- Danilevsky I.N., Kabanov V.V., Medushevskaya O.M., Rumyantseva M.F. (1998). Source Study: Theory. History. Method. Sources of Russian history: a textbook. Moscow, RGGU, 701 p. (In Russ.)
- Galetkina N.G. (2013). The language of describing "Stolypin" settlers in the official analytics of the Resettlement Department. *Pere-selencheskoe obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva*. Irkutsk, pp. 555–573. (In Russ.)
- Gins G. (1912). Issues of colonization of Asian Russia and the "exhibition on resettlement". *Voprosy kolonizatsii: period. sb.* Saint Petersburg, no. 11, pp. 1–59. (In Russ.)
- Holquist P. (2010). "In accord with state interests and the people's wishes": the technocratic ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration. *Slavic Review*, vol. 69, no. 1, pp. 151–179. DOI: 10.1017/S0037677900016739.
- (1907). Editor's foreword. *Voprosy kolonizatsii: period. sb.* Saint Petersburg, no. 1, pp. 1–2. (In Russ.)
- ([1907]). Editor's foreword. *Voprosy kolonizatsii: period. sb.* Saint Petersburg, no. 2, pp. III–IV. (In Russ.)
- Panfilov A.V. (2019). The life and fate of Orest Shkapsky (1865–1918). *Vestnik Nizhegorodskogo instituta upravleniya*, no. 3, pp. 27–31. (In Russ.)
- Remnev A.V. (2015). Siberia in the Imperial geography of power of the 19th – early 20th centuries. Omsk, Izd-vo Om. gos. un-ta, 577 p. (In Russ.)
- Remnev A.V., Suvorova N.G. (2013). Colonization of Asian Russia: Imperial and national scenarios of the second half of the 19th – early 20th century. Omsk, Nauka, 248 p. (In Russ.)
- Shkapsky O. (1910). Above the abyss: (on the Far Eastern topic of the day). *Sibirskie voprosy*, no. 27, pp. 12–20. (In Russ.)
- Shkapsky O. (1907). Settlers and the agrarian question in the Semirechensk region. *Voprosy kolonizatsii: period. sb.* Saint Petersburg, no. 1, pp. 19–52. (In Russ.)
- Smirnov S., Smirnova V. (2002). Domestic historiography of peasant colonization of eastern regions of post-reform Russia *Evrasyjskiy zhurnal regional'nykh i politicheskikh issledovaniy*, no. 1, pp. 172–186. (In Russ.)
- Sunderland V. (2010). The Ministry of Asiatic Russia: the Colonial Office that never was but might have been. *Slavic Review*, vol. 69, no. 1, pp. 120–150. DOI: 10.1017/S0037677900016727.
- Suvorova N.G., Filimonov A.V. (2020). Soviet colonization in the terminological discussions of early Soviet experts. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, no. 1, pp. 45–57. (In Russ.)
- Tatishchev A.A. (1907). Land allocation according to reports from heads of resettlement affairs in the districts. *Voprosy kolonizatsii: period. sb.* Saint Petersburg, no. 1, pp. 236–253. (In Russ.)
- Tatishchev A.A. (2001). Lands and people: in the thick of the resettlement movement (1906–1921). Moscow, Rus. put', 375 p. (In Russ.)
- Tyukavkin V.G. (2001). The Great Russian peasantry and Stolypin's agrarian reform. Moscow, Pamyatniki ist. mysli, 302 p. (In Russ.)
- Yamzin I. (1914). Resettlement statistics and economic situation of settlers according to the research of the Resettlement Administration. *Voprosy kolonizatsii: period. sb.* Saint Petersburg, no. 14, pp. 73–95. (In Russ.)
- Zueva N.S. (2015). The collected volume "Questions of Colonization" on the problems of resettlement to the Russian Far East. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 5, pp. 15–18. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.08.2023

Дата рецензирования 28.09.2023

Статья принята к публикации 09.10.2023

DOI: 10.15372/HSS20230409
УДК 94+061(571.1/5)"1929/1936"
EDN: LZAVEY

В.И. ШИШКИН

ЗЕМЛЯЧЕСТВО УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СИБИРИ (24 МАРТА 1929 – КОНЕЦ 1934 г.)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье анализируется деятельность организованного в Москве на рубеже 1928–1929 г. «Землячества партизан Алтая (Западной Сибири)». Установлено, что после присоединения к нему живших в столице сибирских партизан других районов, участников большевистского подполья, бойцов, политработников и командиров 5-й армии общество переименовалось в «Землячество участников Гражданской войны в Сибири». В статье выяснены инициаторы создания, активные участники землячества, его численность и состав, основные цели и задачи, направления и результаты работы. Доказано, что члены землячества сыграли важную роль в формировании источниковой базы по истории партизанского движения, смогли восстановить ряд важных событий партизанской борьбы, биографии многих ее участников. Подготовленные ими доклады и воспоминания способствовали прояснению ряда дискуссионных проблем гражданской войны в Сибири.

Ключевые слова: землячество, Сибирь, гражданская война, партизаны, антиколчаковская борьба, архивы.

Для цитирования: Шишкин В.И. Землячество участников Гражданской войны в Сибири (24 марта 1929 – конец 1934 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 4. С. 77–86. DOI: 10.15372/HSS20230409

V.I. SHISHKIN

COMMUNITY OF THE CIVIL WAR PARTICIPANTS IN SIBERIA (MARCH 24, 1929 – END OF 1934)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article aims to highlight the main directions and results of the activities of the Soviet public organization, established on March 24, 1929 in Moscow at the Central Museum of the Workers' and Peasants' Red Army and named the "Zemlyachestvo of Partisans of Altai (Western Siberia)". The community, whose name refers to the association of citizens living away from their home regions numbered about two dozen people and set itself the task of identifying and collecting material on the organization of the former Red partisans and their fight against Kolchak, studying it and publishing the results of the work. The article shows that the idea of Zemlyachestvo turned out to be in demand and found support. The Siberian partisans from other regions who lived in Moscow, members of the Bolshevik underground, fighters, political workers and commanders of the 5th Army, which eventually completely defeated Kolchak's troops, joined the Zemlyachestvo. It is noted that by the end of 1929 – beginning of 1930, the number of the society increased to approximately 120 people, and it itself was renamed as the "Siberian Zemlyachestvo of the Civil War Participants." The article analyzes the work of the community members in identifying documents in archives, writing autobiographies and memoirs, preparing reports. Research materials give grounds to assert that by the end of 1929, society had an impressive collection of original documents, texts of memoirs, and historical essays. The amount of work done is evidenced by the following facts: by mid-1934, at the general meetings of the Zemlyachestvo, in its thematic groups or sections, a total of 635 reports and messages were presented, 113 of which were transcribed, the texts were corrected and typed. At the end of 1934, by order of the Political Administration of the Red Army (RKKA), all communities that were once created according to the territorial principle at the Central Museum of the RKKA were liquidated. At the end of November 1936, the leadership of the former Siberian Zemlyachestvo transferred all its archival documents, as well as the materials of the collection of articles being prepared, to Novosibirsk at the disposal of the West Siberian Regional Commission on the History of the October Revolution and the Russian Communist Party (Istpart).

Key words: Zemlyachestvo, Siberia, the Civil War, partisan movement, anti-Kolchak fight, archive.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (проект № 0261-2021-0004 «Человек, общество и власть в России XX – начала XXI в.: процессы и результаты взаимодействия»).

Владимир Иванович Шишкин – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: patric@academ.org; <https://orcid.org/0000-0002-1462-4805>.

Vladimir I. Shishkin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из важнейших индикаторов социального развития любого общества является количество и многообразие в нем неформальных (негосударственных) институтов и структур, которые выражают интересы и потребности разных групп и слоев населения. По этим показателям до конца XIX – начала XX в. Россия существенно отставала от стран Западной Европы. Царское правительство жестко контролировало социальную сферу в империи. В первой половине XIX в. численность легальных гражданских ассоциаций не превышала одной сотни [Туманова, 2002; 2006, с. 6]. Но к началу Первой мировой войны их количество (клубов, комитетов, кружков, лиг, объединений, обществ, союзов и т.п.), по данным разных исследователей, в одних сферах жизнедеятельности превышало сотни, а в других (в благотворительности, на сельскохозяйственном и особенно на кооперативном поприще) достигало нескольких тысяч. Рост численности разного рода обществ продолжался даже в годы Первой мировой войны. Но широкую свободу для самоорганизации общественность России получила только на короткий промежуток времени – в 1917 г. между Февральской революцией и Октябрьским переворотом [Туманова, 2014, с. 8–9, 293].

Советская власть получила в наследство от до-революционного времени многотысячную сеть разнотиповых неформальных организаций, отличавшихся причинами создания, составом, целями и содержанием деятельности, традициями. Часть из них довольно быстро была упразднена левыми радикалами или самоликвидировалась во время революции, гражданской войны или после перехода к новой экономической политике (нэпу) по политическим и идеологическим соображениям.

В советской литературе показано, что взамен старых обществ в первые годы нэпа по инициативе и под патронажем Российской коммунистической партии большевиков (РКП(б)) и советской власти были организованы тысячи новых объединений разного профиля, значения и численности, в совокупности объединявших миллионы людей. Утверждалось, что главное их предназначение заключалось в демонстрации подлинно народного характера нового государственного строя. Но при этом игнорировалась их более существенная роль – быть своеобразными «проводными ремнями» между властью и разными слоями формировавшегося советского общества.

Современные российские историки вслед за зарубежными коллегами более тонко и точно оценивают советские общественные организации 1920–1930-х гг. Они считают, что некоторые из этих ассоциаций имели как бы гибридный характер, сочетая в себе разнородные качества: с одной стороны, явля-

лись атрибутами нарождавшегося советского тоталитаризма, а с другой – были зародышами институтов гражданского общества [Коржихина, 1997; Ильина, 2001; Туманова, 2019].

Вполне закономерно, что в центре внимания исследователей всегда находились массовые общественные организации 1920–1930-х гг., но почти не попадали в поле зрения малочисленные ассоциации. Между тем среди последних имелись уникальные объединения, что объяснялось исторической ролью их членов как в недавнем прошлом, так и в текущих событиях. К числу такого рода структур нужно отнести армейские, партизанские, нелегальные (подпольные), а также аналогичные им землячества, созданные в конце нэпа. Но они до сих пор не попали в поле зрения историков, что нередко снижает достоверность выводов исследователей.

В настоящей статье предполагается изучить одно из существовавших в конце 1920 – начале 1930-х гг. типологически родственных землячеств участников гражданской войны – Сибирское. Оно объединяло в своих рядах людей, военно-политическая деятельность которых протекала на территории Сибири. Автор намерен проанализировать проблемы организации и институционализации, структуры, численности и состава, направлений и результатов деятельности землячества, что позволит сделать аргументированные выводы о его роли, значении и сущности.

ОРГАНИЗАЦИЯ
И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛЯЧЕСТВА

Формально инициаторами объединения бывших участников партизанского движения в Западной Сибири стала группа из 3 чел., принявшая такое решение на рубеже 1928–1929 гг. в Москве в Центральном музее Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Она состояла из Г.С. Ивкина, Я.П. Жигалина (В.П. Бурцева) и И.Е. Кантышева (Яковлева). Именно их фамилии стоят под первым черновым вариантом документа, в котором содержалась информация о задачах создаваемой организации и выдвигался призыв к соратникам по борьбе откликнуться на их просьбу¹.

Тройка людей, подписавших исходный документ, имевший значение информационного обращения, образовалась не случайно. Все трое были хорошо известны в партизанской среде – каждый из них сыграл важную роль в руководстве партизанской борьбой против колчаковцев и интервентов. Г.С. Ивкин, имевший начальное образование, значительную часть своей жизни трудился на Петроградском оружейном заводе, являлся большевиком с 1908 г. Весной 1918 г., спа-

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.Р-1298. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

саясь от голода, он переехал с семьей в с. Зимино Барнаульского уезда Алтайской губернии. Летом 1919 г. Г.С. Ивкин стал одним из руководителей антиколчаковского подполья, а затем Зиминского восстания, положившего начало массовому партизанскому движению в Степном Алтае². Я.П. Жигалин и И.Е. Кантышев вступили в партизанские ряды в середине сентября 1919 г. 23 сентября беспартийный, но сочувствовавший большевикам Я.П. Жигалин, имевший военное образование и боевой опыт на командных должностях, был кооптирован членом следственной комиссии Главного штаба Крестьянской Красной армии Алтайского округа, 7 октября – назначен начальником штаба 3-го корпуса, 29 ноября – начальником штаба всей партизанской Западно-Сибирской Крестьянской Красной армии (ЗСККА)³. Большевик И.Е. Кантышев сначала заведовал информационным отделом штаба 3-го корпуса, затем – информационным бюро штаба ЗСККА. В 1920 г. он положил начало публикациям воспоминаний о партизанах Степного Алтая [Кантышев, 1920].

Инициаторы создания группы видели свои задачи в изучении партизанского движения в Западной Сибири в 1918–1919 гг.; в сборе материалов и экспонатов, характеризующих возникновение и развитие движения; в изучении выявленных материалов и освещении истории движения в печати (в газетах, журналах и отдельных книгах); в правильном и возможно более полном отражении этого движения в Центральном музее РККА в виде документов и экспонатов; в подготовке к празднованию 10-летия партизанского движения в 1929 г.

Девять машинописных экземпляров информационного обращения от имени инициаторов были немедленно отправлены по служебным адресам ряду видных деятелей партизанского движения, живших за пределами Москвы, в том числе бывшему начальнику Главного военно-революционного штаба Алтайского округа, начальнику 6-й Горно-степной дивизии Ф.И. Архипову в станицу Баталпащинская (Черкесская автономная область), комиссару 1-го Алейского полка А.В. Боженко, начальнику 1-й Юго-Западной дивизии Р.П. Захарову и члену Западно-Сибирского областного исполкома Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов (Облакома) Г.И. Хохлову в Барнаул, командиру 3-го корпуса И.В. Грому-Мамонову в Бийск, члену Облакома А.Г. Кольцову в Ленинград, члену Облакома, командиру 24-го Рабоче-крестьянского полка П.Р. Семенихину в Новосибирск, комиссару 1-го отряда Е.М. Ма-

монтова А.Л. Копаню и командиру 5-го Степного советского полка, члену Ставки главнокомандующего, интенданту ЗСККА И.С. Чеканову в Славгород⁴.

Судя по имеющимся на черновике маргиналиям и редакторской правке, принадлежащим двум руководящим деятелям Центрального музея, идея создания объединения бывших партизан Степного Алтая могла принадлежать руководящим советским партийно-политическим структурам. Во всяком случае по указанию руководства музея 24 марта 1929 г. в одном из его кабинетов было проведено организационное собрание, в котором приняли участие восемь проживавших в Москве партизан и которое по докладу Я.П. Жигалина приняло решение учредить при музее землячество партизан Алтая (алтайских партизан).

На этом же заседании для руководства текущей работой землячества было «выделено» организационное бюро и озвучен план на ближайшее время. Собрание постановило: в составе временного бюро «считать» С.Г. Ивкина, Я.П. Жигалина, И.Е. Кантышева, П.А. Александрова-Баранова, В.М. Косарева и А.Ф. Фатина. По сути дела, бюро было не избрано, а назначено, поскольку большинство его членов были людьми хорошо известными. В.М. Косарев являлся профессиональным революционером, одним из партийно-советских руководителей Сибири в конце 1917 – мае 1918 г. и в сентябре 1919 – сентябре 1921 г. [Флеров, 1967]. П.А. Александров раньше был левым эсером. Он принадлежал к группе петроградских рабочих «Наш путь», которая весной 1918 г. в количестве 32 семейств переехала в Сибирь, решив в Катковской степи Алтайской губернии заняться земледелием. После свержения в Сибири советской власти эта группа постепенно распалась, а сам П.А. Александров, остававшийся тогда левым эсером, под фамилией Баранов устроился рабочим в депо ст. Рубцовка. В середине сентября во время нападения партизан на Рубцовку он вступил в ряды партизан. После участия в ряде боев 29 сентября был избран заведующим агитационным отделом штаба 3-го корпуса, а с формированием ЗСККА – помощником комиссара армии⁵ [Партизанское движение в Западной Сибири, 1936, с. 148, 151]. А.Ф. Фатин называл себя партизаном с октября 1919 г. В 1920 г. в Барнауле на курсах «красных учителей», на которые он был командирован как бывший партизан, вступил в РКП(б). Позднее переехал в Москву, где трудился в Государственной хирургической клинике МГУ И.

На собрании была заслушана информация о результатах первого обращения к участникам партизанского движения на Алтае. Судя по всему, отклики были слабыми. Во всяком случае Я.П. Жигалину

² ГАНО. Ф.Р-1298. Оп. 1. Д. 32. Л. 7, 22–24; Партизанское движение в Западной Сибири, 1936, с. 43–46, 50–51, 132, 330–333.

³ Там же. Л. 27–29; Партизанское движение ..., с. 234, 235, 237.

⁴ ГАНО. Ф.Р-1298. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 32. Л. 93.

было поручено написать повторные письма Ф.И. Архипову, И.В. Грому, А.Г. Кольцову, П.Р. Семенихину и И.С. Чеканову с приложением протокола организационного заседания землячества, а также послать информационные обращения члену Ставки главнокомандующего Г.Г. Конкорину в Бийск и заместителю комиссара Главного штаба Алтайского округа, заместителю председателя Облакома А.Ф. Толоконникову в Алма-Ату⁶.

Землячество партизан Алтая образовалось как общественная организация. Но в этом качестве оно просуществовало недолго. К концу 1929 г. при Центральном музее возникло еще несколько аналогичных структур, намеревавшихся заняться изучением гражданской войны на той или иной территории. В конце 1929 г. Политическое управление (ПУР) РККА разработало специальное Положение о земляческих группах содействия при Центральном музее, которое 2 января 1930 г. подписал начальник ПУР Я.Б. Гамарник.

В Положении по-военному четко были прописаны порядок организации, цели и задачи, взаимоотношения земляческих групп с Центральным музеем. Землячества должны были в порядке общественной работы оказывать «активное содействие дальнейшему строительству Музея и популяризации истории Красной армии и вооруженной борьбы пролетариата, выявляя руководящую роль ВКП(б) как организатора вооруженных сил революции». Общее руководство работой земляческих групп должны были осуществлять отдел местных истпартов Института им. В.И. Ленина и АПО ПУР. Все принципиальные вопросы своей деятельности и переписку по ним землячества обязаны были согласовывать с начальником Главного музея РККА⁷.

Ряд пунктов Положения был в дальнейшем расширен в специальной инструкции. Так, вступившие в земляческие группы брали на себя обязательство сдать Главному музею в оригиналах или в копиях все имевшиеся у них материалы по истории гражданской войны⁸. Тем самым землячества, формально оставаясь общественными организациями по составу своих членов и методам деятельности, превращались в своеобразный вспомогательный аппарат Главного музея, подчиненный его руководству.

СТРУКТУРА, ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ ЧЛЕНОВ ЗЕМЛЯЧЕСТВА

Землячество партизан Алтая не затерялось в большом потоке столичных организаций. Более того, оно оказалось востребованным частью общественно-

сти. На состоявшемся 7 апреля заседании бюро землячества приняла участие не являвшаяся его членом А.Н. Геласимова⁹, которая после окончания в 1925 г. Свердловского университета обучалась в Москве в аспирантуре. Несмотря на то, что в Москве не имелось никакого объединения партизан Томской губернии, А.Н. Геласимова внесла предложение о целесообразности вхождения всех других территориальных групп партизан в Землячество партизан Алтая. Бюро землячества поддержало это предложение, назначив грамотную и энергичную А.Н. Геласимову своим секретарем¹⁰. Видимо, по ее предложению тогда же было решено переименовать Землячество партизан Алтая в Землячество западносибирских партизан.

Неделю спустя, 14 апреля, под председательством В.М. Косарева состоялось второе общее собрание землячества, которое уже именовалось Западно-Сибирским. Вопреки ожиданиям собрание было немногочисленным. Присутствовало всего 13 чел., включая двоих томичей. Состоялись выборы постоянного бюро землячества из 7 чел., в которое вошли все члены временного бюро, включая А.Н. Геласимову¹¹.

Как и намечалось по плану, через месяц, 15 мая, было проведено третье общее собрание землячества. Присутствовало 18 чел. В их числе оказался самый знаменитый сибирский партизан, бывший председатель армейского военного совета Северо-Канского фронта В.Г. Яковенко. После окончания гражданской войны он занимал крупные советские посты: был наркомом земледелия, наркомом социального обеспечения РСФСР, делегатом нескольких Всероссийских и Всесоюзных съездов Советов, избирался членом ВЦИК VIII–X созывов, членом президиумов ВЦИК X созыва и ЦИК СССР первого состава, делегатом XII и XIII съездов РКП(б).

На собрание пришли командир одного из партизанских отрядов Щегловского уезда Г.Д. Шувалов (Иванов), а также З.В. Кравченко и Т.А. Кравченко – супруга и сын главнокомандующего Крестьянской армией Минусинского уезда А.Г. Кравченко, известный своими книгами о революции и гражданской войне в Сибири и на Дальнем Востоке П.С. Парфенов (Алтайский)¹².

⁹ Во второй половине декабря 1919 г. А.Н. Геласимова, ранее состоявшая в партии левых эсеров, приняла активное участие в объединении трех небольших партизанских отрядов, действовавших в районе Кольчугинского рудника. 13 декабря оно было названо Советской армией Марининского, Щегловского и Кузнецкого уездов, а через неделю переименовано в 1-ю Томскую партизанскую дивизию. В штабе армии и дивизии А.Н. Геласимова занимала должность помощника комиссара агитационного отдела [Установление Советской власти в Кузбассе ..., 1957, с. 382–383, 387; Геласимова, 1967, с. 255].

¹⁰ ГАНО. Ф.Р-1298. Оп. 1. Д. 2. Лл. 1, 101.

¹¹ Там же. Д. 5, Л. 35; Д. 12. Л. 69.

¹² Там же. Д. 2. Л. 102.

⁶ ГАНО. Ф.Р-1298. Оп. 1. Д. 12. Л. 70.

⁷ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 28361. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.

⁸ ГАНО. Ф.Р-1298. Оп. 1. Д. 10. Л. 118.

С мая 1929 г. в землячество стали вливаться бывшие партизаны Тасеевского (Северо-Канского) фронта и Крестьянской армии Минусинского уезда, которой командовали А.Г. Кравченко и П.Е. Щетинкин. Осенью появились первые представители партизан бывшей Иркутской губернии. Благодаря этому в конце 1929 г. количество членов землячества увеличилось: по одним данным, до 42, по другим – до 67 чел.¹³ Фактически землячество явочным порядком превратилось из Западно-Сибирского в Сибирское.

Однако его работоспособность оставалась невысокой. Трудились в основном часть членов бюро и небольшой актив. Даже на общее собрание, состоявшееся 21 ноября, явилось всего 19 чел.¹⁴ Причины такой малочисленности носили объективный характер. Заседания бюро и общие собрания землячества, как правило, проходили вечером в Центральном музее. Далеко не каждый бывший партизан после работы или учебы имел возможность вовремя добраться до него. К тому же некоторые члены землячества часто находились в командировках¹⁵.

18 декабря бюро Землячества сибирских партизан приняло решение об очередном переименовании, на этот раз – в Землячество участников гражданской войны в Сибири. На заседании никаких аргументов или объяснений по данному вопросу не приводилось. Но можно предположить, что это предложение исходило от А.Н. Геласимовой, которая имела тесные контакты с директором Центрального музея В.К. Трофимовым и располагала информацией о подготавливавшихся изменениях в статусе существовавших при музее землячеств. Судя по всему, она знала о том, что в состав Землячества сибирских партизан намереваются включить участников большевистского подполья и военнослужащих 5-й армии (далее – пятоармейцы), участвовавших в освобождении Сибири от колчаковцев. На этом же заседании в бюро были кооптированы представители от наиболее крупных формирований партизан бывшей Енисейской губернии. От минусинских партизан в бюро был введен И.И. Романов¹⁶, от тасеевских – В.Г. Яковенко¹⁷.

Десять дней спустя бюро землячества приняло решение о формировании нового состава бюро с учетом того, что Землячество участников гражданской войны будет включать в себя бывших подпольщиков и пятоармейцев. Численность бюро предлагалось увеличить до 11 чел.: 7 членов и 4 кандидатов. Из них шесть мест выделялось группе партизан, по два –

подпольщикам и пятоармейцам, одно – иркутянам. Персонально на утверждение общего собрания в члены бюро были вынесены кандидатуры Я.П. Жигалина, А.Н. Геласимовой, И.И. Романова и Е.К. Рудакова¹⁸, принять кандидатами предлагалось Г.С. Ивкина и Т.А. Кравченко. Остальных должны были самостоятельно выделить иркутяне, подпольщики и пятоармейцы. Все члены бюро землячества и актив обязывались в течение двух недель представить свои автобиографии. Первое общее собрание новообразованного землячества было назначено на 15 января 1930 г.¹⁹

15 января 1930 г. состоялось совместное собрание Землячества сибирских партизан, подпольщиков и пятоармейцев. Оно стало самым многочисленным: присутствовало 55–60 чел. Среди участников были такие известные люди, как Е.К. Сурнова, только в 1919 г. шесть раз подвергавшаяся арестам белогвардейцами, начальник инспекции военно-учебных заведений по подготовке командных кадров 5-й армии Н.И. Корицкий, начальник санитарной службы 5-й армии Р.М. Азарх. В кратком докладе В.К. Трофимов проинформировал собравшихся о содержании Положения о землячествах при Центральном музее и об объединении подпольщиков и пятоармейцев с партизанами. Собрание постановило принять Положение к руководству и подтвердило новое название землячества. Завершилось собрание выборами нового бюро. В него избрали членами Р.М. Азарх, А.Н. Геласимову, Г.С. Ивкина, Я.П. Жигалина, И.И. Романова, кандидатами – Н.В. Ерушева²⁰, Т.А. Кравченко, Г.Д. Шувалова и А.Ф. Фатина. Две вакансии остались незаполненными²¹.

Для наиболее рациональной организации работы землячества по предложению А.Н. Геласимовой было решено создать три секции (партизан, подпольщиков и 5-й армии) и три комиссии (архивно-музейную, литературную и организационную)²². Но вскоре был введен в действие специальный документ «Структура Землячества участников гражданской войны в Сибири». В соответствии с ним организация разбивалась на сектора – партизан, подпольщиков и пятоармейцев. Сектора в свою очередь получили право раздробиться на секции (группы). Сектора партизан и подпольщиков могли сделать это на основе территориального принципа (по губерниям), а пятоармейский сектор – по дивизиям.

¹³ ГАНО. Ф.Р-1298. Оп. 1. Д. 2. Л. 75, 102.

¹⁴ Там же. Д. 5. Л. 34; Д. 12. Л. 72.

¹⁵ Там же. Д. 5. Л. 32.

¹⁶ И.И. Романов – активный участник подпольной организации Заманья, командир эскадрона, член полкового совета и член армейского совета Крестьянской армии Минусинского уезда.

¹⁷ ГАНО. Ф.Р-1298. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

¹⁸ Е.К. Рудаков являлся заместителем председателя Армейского военного совета Северо-Канского фронта.

¹⁹ ГАНО. Ф.Р-1298. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

²⁰ Там же. Д. 32. Л. 16–17. Н.В. Ерушев был большевиком с 1917 г., делегатом II Всероссийского съезда Советов, с конца 1917 г. – заместителем военкома Алтайской губернии.

²¹ ГАНО. Ф.Р-1298. Оп. 1. Д. 12. Л. 65–66.

²² Там же. Д. 3. Л. 194.

Исполнительным органом землячества становилось бюро, избираемое общим собранием членов землячества. Руководство секторами должны были осуществлять бюро, формируемые из членов секторов. Вместо комиссий при бюро землячества создавались четыре бригады: организаторская, архивно-музейная, литературная и по разработке хроники гражданской войны в Сибири. Каждой бригаде определялись поле и содержание ее деятельности. Для связи с общественными организациями, родственными по характеру деятельности, бюро назначало своих представителей²³. В данном документе, по сути дела, впервые были прописаны не только структура землячества, но и обязанности его звеньев, что позволило упорядочить планирование, работу и отчетность организации.

Численность и состав землячества, его секторов, секций и бюро в силу объективных причин не оставались неизменными. Одни участники гражданской войны уезжали из Москвы, другие приезжали и вступали в его ряды. В 1930–1934 гг. в Москву перебрались на работу или на учебу известные партизанские руководители и командиры Ф.И. Архипов, П.Р. Семенихин, И.С. Чеканов, член Армейского совета Северо-Канского партизанского фронта Ф.Я. Бабкин, командир полка Крестьянской армии Минусинского уезда С.Т. Баталов, командующий Северо-Канским партизанским фронтом Н.М. Буда, член Армейского совета Степно-Баджейской советской республики и Объединенного совета Ф.Ф. Грабовский, начальник Главного штаба Крестьянской армии Минусинского уезда А.Т. Иванов, начальник штаба 1-й дивизии ЗСККА М.А. Игнатов, начальник штаба 2-го корпуса ЗСККА, начальник военного отдела Облакома И.П. Маздрин, член Армейского и Объединенного советов Минусинского фронта А.К. Низовцев, командир бригады Горно-конной дивизии Д.И. Ряполов, комиссар русско-литовского полка Чумышской дивизии Я.П. Новиков, командир Тальского полка Крестьянской армии Минусинского уезда М.Т. Савицкий, командир 1-го Алейского, затем 25-го им. ВЦИК кавалерийского полка 6-й Горно-степной дивизии П.Д. Тибекин, сотрудник президиума Облакома А.П. Усанин.

Значительный приток новых членов наблюдался в секторе подпольщиков. В Москву переехали многие руководители сибирского подполья, в том числе И.С. Газукин, Д.П. Долбежкин, И.М. Касаткин, П.Г. Кринкин, Л.Б. Литвина, А.А. Малиновский, В.С. Митряев, К.М. Молотов, Н.Х. Молчанов, В.С. Онучин, Н.Ф. Разницын, И.Б. Родичкин, И.В. Сурнов, А.А. Ширямов, А.Д. Шнейдер,

А.Я. Флюков, Б.З. Шумяцкий, Я.С. Щербинин (М.М. Фатеев).

Но почти не было притока новых членов к пятоармейцам. Хотя иногда на заседания их сектора приходили такие крупные фигуры, как председатель Западно-Сибирского военно-оперативного штаба, затем командующий Тюменским фронтом в конце мая – начале июня 1918 г. А.И. Окулов, начальник политотдела 5-й армии В.П. Файдыш, командующий армией Г.Х. Эйхе и даже М.Н. Тухачевский. Вместе с тем обращает на себя внимание факт отсутствия в составе пятоармейцев большинства известных командиров, комиссаров и штабных работников 5-й армии. В другие сектора некоторые участники гражданской войны, проживавшие в Москве, тоже не вступали. Причины такой пассивности руководству землячества были непонятны.

Возможно, приток новых членов сдерживался введенными руководством музея требованиями: кроме написания автобиографии, нужно было обязательно заполнять два документа – регистрационную карту и анкету участника гражданской войны, довольно пространную, из 20 пунктов. Причем Музей просил заполняющих анкету «не ограничиваться кратким ответом на вопросы анкеты, приложить дополнительные более подробные сведения о своей работе, особенно по подчеркнутым вопросам анкеты»²⁴.

К тому же с января 1931 г. прием в землячество новых членов осуществлялся только после рассмотрения их заявлений специально созданной комиссией. Для получения ее положительного заключения кандидат должен был представить комиссии подлинные документы, подтверждавшие его участие в гражданской войне, или рекомендации двух действительных членов землячества. В большинстве случаев заявители соответствовали этим требованиям. Но иногда комиссия не принимала положительного решения, а требовала предоставления дополнительных сведений²⁵.

Судя по всему, 30 мая 1931 г. образовалась фракция РКП(б) в составе бюро землячества. Вероятно, поводом для ее учреждения стало заявление Ф.И. Архипова о том, что А.Ф. Фатин не участвовал в партизанской борьбе. Заявление Ф.И. Архипова поддержали Г. С. Ивкин, И.П. Маздрин и П.Р. Семенихин. А.Ф. Фатин признался, что ни в каких боях не участвовал. Коммунистическая фракция обязала А.Ф. Фатина сдать свой партизанский билет и предложила бюро землячества проверить стенограмму его воспоминаний²⁶.

²⁴ Там же. Д. 32. Л. 16.

²⁵ Там же. Д. 4. Л. 12–29, 33–37, 46–56.

²⁶ Там же. Л. 11.

²³ ГАНО. Ф.Р-1298. Оп. 1. Д. 10. Л. 71.

В дальнейшем коммунистическая фракция свое внимание обращала в основном на идеологические проблемы в работе землячества. Так, 25 января 1932 г. фракция заслушала вопрос о взглядах члена бюро землячества Я.П. Новикова. Судя по косвенным данным, бдительность проявила А.Н. Геласимова, которая обвинила бюро землячества в либерализме по отношению к бывшему троцкисту Я.П. Новикову. В действительности Я.П. Новиков, вступивший в РСДРП(б) 5 марта 1917 г., десять лет спустя поддержал Л.Д. Троцкого, за что был исключен из партии. Но являясь беспартийным, он добросовестно работал в бюро землячества и ни в чем не обнаруживал антипартийных взглядов (как писал сам Я.П. Новиков, «ни малейшего запаха троцкизма нет»). Коммунистическая фракция поддержала Я.П. Новикова, признав, что он «в своей работе в землячестве троцкистских взглядов не проявлял», и оставила его в составе бюро²⁷.

На этом же заседании коммунистическая фракция предъявила претензии, можно сказать, бессменному председателю бюро землячества Г.С. Ивкину, потребовав от него «изложить свои взгляды о руководстве и роли партии в партизанском движении». Решением фракции Г.С. Ивкина сняли с поста председателя бюро, но оставили членом бюро²⁸. Не исключено, что попытка предъявить претензии к Г.С. Ивкину была обусловлена стремлением П.Г. Кринкина занять пост председателя бюро и тем самым возглавить землячество.

Тогда же фракция заслушала сообщение Я.С. Щербинина о дисциплине членов землячества и предъявила обвинения А.Н. Геласимовой и З.В. Кравченко в том, что они дезорганизуют работу землячества, агитируют за непосещение его собраний. В постановлении фракции такое поведение было квалифицировано как «несовместимо[е] с[о] званием члена партии»²⁹. Однако никаких организационных мер по отношению к А.Н. Геласимовой и З.В. Кравченко фракция не приняла.

Заседания землячества довольно значительно различались по количеству участвовавших в них членов. Приведем статистические данные о численности присутствовавших на нескольких заседаниях: 15 января 1930 г. – 55–60 чел., 11 марта – 50 чел., 10 апреля – 30 чел., 23 апреля – 18 чел., 13 мая – 11 чел., 16 декабря – 40 чел., 25 декабря – 46 чел.; 28 января 1931 г. – 18 чел., 9 марта – 36 чел., 24 марта – 17 чел., 18 апреля – 29 чел., 9 ноября – 70 чел., 19 ноября – 58 чел.; 24 декабря – 36 чел., 30 декабря – 21 чел.; 10 января 1932 г. – 20 чел., 10 февраля – 11 чел.,

24 февраля – 20 чел., 12 мая – 23 чел., 24 мая – 31 чел., 25 июня – 20 чел.; 13 января 1933 г. – 90 чел.³⁰

Установить точную численность членов землячества за все время его существования не представляется возможным. Это не позволяют сделать высокая мобильность его членов, неритмичность работы, плохо налаженный текущий учет в секторах, группах и бригадах. В середине 1934 г. руководство землячества насчитывало 124 партизана и 178 подпольщиков, а также 140 красногвардейцев, примерно три четверти которых являлись членами ВКП(б). Оно считало, что в Сибири в землячестве за все время его существования состояло около 400 чел. Наверное, эту цифру можно признать близкой к действительной. Во всяком случае 15 ноября 1932 г. на общем собрании землячества присутствовало около 300 чел.³¹

Не отличался стабильностью руководящий состав бюро землячества, что объяснялось как изменениями в составе членов общества, так и пересмотром поставленных перед ним задач. Первые три года в бюро землячества задавали тон бывшие партизаны, которые численно преобладали в обществе. Но с ростом числа подпольщиков они в основном вытеснили партизан и возглавили бюро землячества и его структурных подразделений. Главные позиции в бюро заняли старые большевики Д.П. Долбежкин, П.Г. Кринкин, В.С. Онучин, А.Я. Флюков, Я.С. Щербинин и единственный представитель партизан И.П. Маздрин. Они смогли навести дисциплину в рядах членов землячества, близкую к военной, активизировали работу секторов, секций и бригад по решению поставленных руководством Центрального музея задач.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗЕМЛЯЧЕСТВА

Свою первоочередную задачу бюро землячества видело в информировании бывших партизан о создании в Москве организации, которая занялась сбором материалов, изучением и освещением истории партизанского движения. 24 марта 1929 г. бюро утвердило текст письма-обращения «Товарищи красные партизаны Алтая и Западной Сибири!». В нем содержалась просьба собирать материалы, документы, фотографии, писать индивидуальные и коллективные письма и воспоминания о боевой деятельности, записывать рассказы других партизан и все эти материалы направлять в бюро землячества при Музее РККА³².

Это письмо было опубликовано во многих газетах Западной Сибири. В ответ до конца года бюро получило несколько десятков писем-воспоминаний с

²⁷ ГАНО. Ф.Р-1298. Оп. 1. Д. 3. Л. 142; Д. 4. Лл. 8–9.

²⁸ Там же. Л. 8.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Д. 3. Л. 96, 195, 238; Д. 4. Л. 1, 16; Д. 5. Л. 13, 18, 22, 24, 26, 27, 29, 30, 36–38; Д. 12. Л. 56, 59, 60, 63; Д. 18. Л. 62.

³¹ Там же. Д. 12. Л. 14; Д. 20. Л. 12; Д. 22. Л. 1; Д. 24. Л. 16.

³² Там же. Д. 2. Л. 43.

биографиями, на большинство которых оно или руководство музея ответило благодарностями и инструкциями о том, как нужно продолжить работу.

Одновременно члены землячества проанализировали состояние раздела экспозиции Центрального музея, посвященной партизанскому движению в Западной Сибири. В результате почти все ее экспонаты были заменены новыми.

14 апреля и 17 мая на общих собраниях землячества были заслушаны доклады-воспоминания Г.С. Ивкина о возникновении партизанского движения в Степном Алтае и приехавшего в Москву на XIV Всероссийский съезд Советов члена ВЦИК и ЦИК, председателя Бийского окружного исполкома Советов И.В. Громова о возникновении партизанского движения в Каменском уезде. Оба доклада вызвали явный интерес. Состоялись прения, в которых приняли участие по несколько человек. Доклады и прения были застенографированы³³. Тем самым было положено начало формированию у землячества собственной базы данных о партизанской борьбе в Западной Сибири.

Главным и самым крупным мероприятием, проведенным землячеством в 1929 г., стало празднование 10-летия освобождения Сибири от колчаковцев. Поскольку организация не имела ни одного освобожденного работника и никаких финансовых средств, было принято решение скооперироваться с существовавшим в Москве землячеством студентов-сибиряков. Договоренность была достигнута. Юбилейный вечер состоялся 14 декабря. На нем, по разным данным, присутствовало от 400 до 500 чел. С докладом об освобождении Сибири выступил бывший партийно-советский руководитель Омской губернии Е.В. Полудов, затем были зачитаны воспоминания участников партизанского движения, состоялся концерт. Для участников были устроены выставки – литературы о гражданской войне в Сибири, а также художественных произведений, в том числе картин Н.В. Ерушева, только что окончившего Высший государственный московский художественный институт. На вечере была принята резолюция, прославлявшая ВКП(б) и советское правительство, с обещанием решительно бороться за проведение в жизнь их решений³⁴. По итогам 1929 г. землячество сибирских партизан оказалось у руководства Центрального музея на хорошем счету.

Превращение Землячества сибирских партизан в Землячество участников гражданской войны сначала не дало положительного эффекта. Сектор подпольщиков до конца 1930 г. не смог даже создать соб-

ственное бюро³⁵. В плане работы сектора пятоармейцев фигурировали всего два доклада – М.Н. Тухачевского и В.П. Файдыша. Но выступил только В.П. Файдыш, рассказавший 23 апреля о политработе в 5-й армии³⁶. До конца года никак не могла определиться с направлениями своей работы очень сильная по составу литературная бригада, в которую входили Р.М. Азарх, И.Е. Кантышев, И.М. Новокшенов, П.С. Парфенов, Н.Ф. Чужак-Насимович, Г.Х. Эйхе³⁷.

Успешно работал только партизанский сектор. В нем практиковались три разных канала получения новой информации – дискуссии, доклады и воспоминания. 28 февраля 1930 г. было запланировано устроить между 8 и 11 марта дискуссию на тему «Руководство партизанским движением со стороны партии». Вступительное слово поручалось В.М. Косареву, а принять участие в мероприятии приглашались руководитель Сибистпарта В.Д. Вегман, известный историк и архивист В.В. Максаков, Е.В. Полудов, П.С. Парфенов, В.Г. Яковенко и др.³⁸

Но 11 марта дискуссия состоялась на другую тему: «Состав партизанских отрядов и руководство ими». Присутствовало 50 чел. Ее открыл А.А. Ширямов, а в прениях выступили В.Д. Вегман, П.С. Парфенов, И.И. Романов, Я.П. Новиков, В.Г. Яковенко и несколько дальневосточников. Поскольку не все желающие смогли выступить, дискуссия была продолжена через месяц. Информация об этом была опубликована 10 апреля в ряде столичных газет. В этот день из 30 присутствовавших выступили еще 11 чел., включая П.А. Александрова-Баранова, Н.В. Ерушева, И.М. Буркова-Зубова, И.В. Сурнова и трех дальневосточников³⁹.

Довольно много поступало предложений о докладах, посвященных конкретным партизанским отрядам или событиям. Так, 30 мая состоялся доклад Я.П. Жигалина об отряде Е.М. Мамонтова, 9 сентября – В.П. Шевелева-Лубкова о партизанском движении в Томской губернии⁴⁰. В 1930 г. руководство партизанского сектора имело большой перечень предложений от членов землячества на несколько месяцев работы вперед⁴¹.

16 декабря состоялся вечер воспоминаний, посвященный вопросам снабжения и вооружения партизанских отрядов. Присутствовали 40 чел., выступили несколько человек, в том числе И.В. Громов, А.М. Мустаев, П.Р. Семенихин. Тема оказалась на-

³⁵ Там же. Д. 2. Л. 131.

³⁶ Там же. Д. 3. Л. 192; Д. 5. Л. 36.

³⁷ Там же. Д. 18. Л. 60, 61, 64.

³⁸ Там же. Д. 3. Л. 192.

³⁹ Там же. Д. 2. Л. 128.

⁴⁰ Там же. Д. 3. Л. 178, 186; Д. 12. Л. 68.

⁴¹ Там же. Д. 2. Л. 32–33; Д. 3. Л. 184, 192.

³³ ГАНО. Ф.Р-1298. Оп. 1. Д. 5. Л. 35; Д. 12. Л. 67, 69.

³⁴ Там же. Д. 2. Л. 54, 102; Д. 8. Л. 1, 2.

столько интересной, что ее обсуждение продолжалось 25 декабря. В присутствии 46 чел. своими воспоминаниями поделились С.Т. Баталов, А.Н. Геласимова, Я.И. Звягинцев, А.К. Низовцев, Я.П. Новиков, И.И. Романов⁴². Фактически в 1930 г. Землячество участников гражданской войны в Сибири оставалось Землячеством сибирских партизан.

В 1931 г. обстановка изменилась незначительно, несмотря на систематическую критику со стороны начальника Центрального музея В.К. Трофимова в адрес большинства землячеств. В.К. Трофимов указывал на отсутствие у них планов деятельности, невыполнение взятых на себя обязательств, низкую активность и слабую вовлеченность в работу рядовых членов.

Между тем объективно ситуация для работы становилась для землячеств все сложнее, несмотря на то, что количество их членов увеличивалось. Руководство Центрального музея ставило перед ними все новые задачи: требовало постоянного обновления экспозиций, выделения людей для экскурсионной работы, пропаганды исторических знаний на предприятиях и в воинских частях, участия в составлении словника и написании статей для готовившейся «Советской военной энциклопедии», подготовки материалов для альбомов по истории гражданской войны и подполья. По сути дела, В.К. Трофимов превратил общественную организацию в структуру Центрального музея, а ее членов поставил в положение подчиненных ему сотрудников.

Но груз обязанностей и ответственности многократно возрос после опубликования постановления ЦК ВКП(б) от 30 июля 1931 г. о подготовке многотомной «Истории гражданской войны». Землячество участников гражданской войны в Сибири своей главной задачей признало «обслуживание материалами» VI тома «Истории гражданской войны». Планировалось собственными силами написать для него главы об «анненковщине», большевистском подполье, партизанском движении и национальной политике сибирской контрреволюции, а совместно с бывшими командирами и политработниками 5-й армии – о разгроме вооруженных сил Верховного правителя А.В. Колчака⁴³. Одновременно землячество взяло на себя обязательство к 15-летию освобождения Сибири от белогвардейцев и интервентов на основе уже имевшихся у него материалов подготовить сборник по истории освобождения Сибири от колчаковщины. Содержание сборника должно было состоять из 54 воспоминаний и статей объемом от четверти до печатного листа каждая⁴⁴.

Увеличение объема работы землячества не способствовало повышению ее качества. На объективность содержания подготавливаемых воспоминаний и докладов негативно влияли требования бюро (состоявшего в основном из бывших подпольщиков) освещать все события с классовой точки зрения, а также критика в адрес алтайской группы за недооценку руководящей роли Коммунистической партии в развитии партизанского движения. В отчете о работе бюро за 1931–1932 гг. П.Г. Кринкин считал нужным отметить, что с такими взглядами бюро вело упорную борьбу, «в результате чего эти искривления в дальнейшей работе землячества были исправлены и роль партии в руководстве революционным и партизанским движением поставлена на надлежащую высоту»⁴⁵. Под влиянием таких требований со временем в воспоминаниях и выступлениях членов землячества стала присутствовать самоцензура. Все это привело к дальнейшему отступлению членов землячества от принципа объективности в освещении и интерпретации событий, а в ряде случаев – и к их прямой фальсификации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переориентация землячества на срочное решение совсем других проблем, требовавших иного уровня квалификации его членов, объективно замедлила достижение им изначальной цели, отодвинув ее на задний план. Но сбор сведений о партизанском движении в Сибири члены землячества продолжали, хотя темпы этой работы снизились. Никакого вклада ни в разработку «Советской военной энциклопедии», ни в написание многотомной «Истории гражданской войны» они не внесли.

Статистическая информация об объеме проделанной землячеством работы едва ли отличается точностью. Тем не менее она свидетельствует, что за 1929–1934 гг. члены землячества сделали 116 докладов, по которым в прениях выступило 524 чел.⁴⁶ Почти все доклады и прения были застенографированы, затем большинство стенограмм было вычитано выступавшими и выправлено. Наряду с автобиографиями, анкетами, подлинниками присланных партизанами документов и фотографий они составили значительную часть источниковой базы для изучения важнейшей темы гражданской войны в Сибири.

В конце 1934 г. по распоряжению Политуправления РККА все землячества при Центральном музее были ликвидированы. Сибирское землячество не составило исключения. Правда, оно попыталось реор-

⁴² Там же. Л. 4. Л. 1; Д. ? Л. 16.

⁴³ Там же. Д. 3. Л. 65, 72–73, 85, 88.

⁴⁴ Там же. Д. 3. Л. 46–50.

⁴⁵ Там же. Д. 14. Л. 53–54.

⁴⁶ Там же. Д. 22. Л. 1 об.

ганизоваться в Сибирскую секцию Всесоюзного общества друзей музеев революции. Но в середине 1936 г. постановлением Совнаркома СССР это общество было тоже ликвидировано. Во второй половине 1936 г. руководство бывшего землячества и Сибирской секции передало все архивные дела, а также материалы подготавливавшегося сборника статей в Новосибирск в распоряжение Западно-Сибирского краевого истпарта.

Материалы сборника были частично опубликованы в Новосибирске под названием «За власть Советов. Воспоминания участников партизанского движения в тылу Колчака. Документы» только в 1947 г. [За власть Советов ..., 1947]. К тому времени часть бывших партизан была репрессирована и их воспоминания, естественно, в сборник не вошли. Воспоминания некоторых членов землячества (И.В. Громова, Я.П. Жигалина, И.П. Маздрин и др.) в более полном объеме, но уже с учетом текущего состояния советской историографии, что обесценило их значение, увидели свет в конце 1950-х – 1960-е гг.

Документы землячества не сохранились как единый комплекс. Они оказались рассредоточены по разным центральным и местным архивам СССР. Мемуары партизан пользовались большой популярностью у советских историков и краеведов, работавших в 1945–1985 гг. Они широко и чаще всего некритически использовались в их исследованиях, что частично повлияло на формирование взглядов на историю партизанского движения в Сибири в советской историографии.

Землячество участников гражданской войны возникло как общественная организация. Но в таком качестве оно просуществовало не больше года. Довольно скоро организация была превращена в типичную советскую структуру, вписанную в тоталитарную систему. В ее рамках землячество решало текущие политико-идеологические задачи Политуправления РККА и ЦК ВКП(б), хотя частично смогло сохранять в своей работе элементы автономии и самостоятельности. История трансформации землячества позволяет выяснить, какие практики, механизмы и инструменты использовал коммунистический режим для «переделки» общественной организации в элемент советской тоталитарной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Геласимова А.Н. Записки подпольщицы. М.: Мысль, 1967. 303 с.
- За власть Советов. Воспоминания участников партизанского движения в тылу Колчака. Документы. Новосибирск: ОГИЗ, 1947. 347 с.
- Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2001. 215 с.
- Кантышев Ив. Из истории крестьянского движения в Алтайском округе в 1919 году // Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917–1920). Омск, 1920. С. 130–138.
- Коржихина Т.П. Извольте быть благонадежны! М.: РГГУ, 1997. 372 с.
- Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. 487 с.
- Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2006. 320 с.
- Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2014. 327 с.
- Туманова А.С. Общественные организации в России: правовое положение. 1860–1930-е гг. М.: Проспект, 2019. 479 с.
- Установление Советской власти в Кузбассе (1917–1919): сборник документов. Кемерово: Кн. изд-во, 1957. 430 с.
- Флеров В. Жизнь – подвиг. Владимир Михайлович Косарев. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 75 с.

REFERENCES

- Flerov V. (1967). Life as a feat. V. Kosarev. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo, 73 p. (In Russ.)
- (1947). For the power of the Soviets. Memoirs of participants in the partisan movement behind Kolchak's lines. Documents. Novosibirsk, Novosibgiz, 347 p. (In Russ.)
- Gelasimova A.N. (1967). Notes of the member of an underground organization. Moscow, Mysl, 303 p. (In Russ.)
- Ilyina I.N. (2001). Public organizations in Russia in the 1920s. Moscow, 215 p. (In Russ.)
- Kantyshev Iv. (1920). From the history of the peasant movement in the Altai district in 1919. *Tri goda bor'by za diktaturu proletariata (1917–1920)*. Omsk, pp. 130–138. (In Russ.)
- Korzhikhina T.P. (1997). Please be trustworthy! Moscow, Ros. gos. gumanitar. un-t, 372 p. (In Russ.)
- (1957). The establishment of Soviet power in Kuzbass (1917–1919): collection of documents. Kemerovo, Kn. izd-vo, 430 p. (In Russ.)
- Tumanova A.S. (2002). Autocracy and public organizations in Russia. 1905–1917. Tambov, Izd-vo TGU, 487 p. (In Russ.)
- Tumanova A.S. (2006). Voluntary associations and Russian public at the beginning of the 20th century. Moscow, Novyy khronograf, 326 p. (In Russ.)
- Tumanova A.S. (2014). Public organizations of Russia during the First World War (1914 – February 1917). Moscow, ROSSPEN, 327 p. (In Russ.)
- Tumanova A. S. (2019). Public organizations in Russia: legal status. 1860–1930. Moscow, Prospekt, 480 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.10.2023

Дата рецензирования 16.10.2023

Статья принята к публикации 19.10.2023,

DOI: 10.15372/HSS20230410
УДК 94:338(47+57)"1929/1931"
EDN: TYDBDN

М.А. ФЕЛЬДМАН

ФЕНОМЕН УДАРНИЧЕСТВА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»

Уральский институт – филиал Академии народного хозяйства
и государственной службы РФ,
РФ, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66

История движения ударников в контексте ряда исторических процессов периода первой пятилетки принадлежит к одному из наиболее таинственных сюжетов советской истории – стремительное появление этого движения в 1929 г., позиционирование его в качестве «высшего выражения социалистического соревнования» – и фактическое исчезновение в начале 1930-х гг. Предлагаемая статья показывает спектр надежд лидеров СССР на ударничество: в обстановке нарастания кризисных явлений в городе и массовых волнений крестьян в деревне правящей партии нужна была верная социальная опора, способная стать примером для рабочих. Для Сталина и его ближайшего окружения идея «социалистического соревнования» и его наиболее концентрированного выражения в 1929–1931 гг. – ударничества – становилась частью «Великого перелома», с масштабным использованием штурмовых методов работы и доминированием моральных стимулов. Сделан аргументированный вывод о том, что осознание неэффективности ударничества пришло к руководству СССР на XVI съезде партии.

Ключевые слова: ударничество, ударные бригады, рабочие промышленность, партия, Советский Союз, хозрасчет, социалистическое соревнование.

Для цитирования: Фельдман М.А. Феномен ударничества в промышленности СССР как составная часть «Великого перелома» // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 4. С. 87–98. DOI: 10.15372/HSS20230410

M.A. FELDMAN

THE PHENOMENON OF SHOCK WORK IN THE INDUSTRY OF THE USSR – AS AN INTEGRAL PART OF THE “GREAT BREAK”

Ural Institute – Branch of the Academy of National Economy
and Public Administration of the Russian Federation,
66, 8 th of March Str., Yekaterinburg, 620144, Russian Federation

The history of the movement of shock workers (udarniks) in the context of a number of historical processes during the First Five-Year Plan period belongs to one of the most mysterious plots of Soviet history: the rapid emergence of the movement in 1929, its positioning as the “highest expression of socialist competition”, and its actual disappearance in the early 1930s. The article shows the range of hopes of the USSR leaders for shock work: in the context of growing crisis phenomena in the city and mass unrest of peasants in the village, the ruling party needed a faithful social support that could become an example for the working class society, the personnel reserve of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), and a tool for influencing “old specialists.”

However, the study of the influence from above on the workers’ society represents only one plane of the historical process, which includes both the progress of the implementation of the First Five-Year Plan and the workers’ own understanding of their interests. For Stalin and his inner circle, the idea of “socialist competition” and its most concentrated expression in 1929–1931, which was shock work movement, became part of the “Great Turning Point.” That is why the call for widespread and total entry into shock brigades coexisted with the slogan of “mass workers’ control over the state apparatus” in the format of “nominating the best shock workers to economic, Soviet and trade union work” and exposing “saboteurs” among “some of the specialists who betrayed the interests of the working class.” The article analyzes the implementation of plans to turn shock brigades into a “locomotive of the socialist economy”.

Михаил Аркадьевич Фельдман – д-р ист. наук, профессор, Уральский институт – филиал Академии народного хозяйства и государственной службы, e-mail: feldman-mih@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9825-6650>.

Mikhail. A. Feldman – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Institute – Branch of the Academy of National Economy and Public Administration Russia.

The author has noted a number of voluntaristic decisions in the areas of financing, compliance with labor protection standards, and the motivation system, which alienated the majority of workers from shock work. It appears that an explanation of these plots is possible as a result of a systematic study of the history of shock work movement in the context of a number of historical processes: the internal party struggle in 1928–1929; discussions on the fate of the First Five-Year Plan; system analysis of crisis phenomena in the USSR economy in 1929–1931; determining the attitude of the working masses themselves to shock work; identifying the economic consequences of the movement of shock brigades. Outside the consideration of these processes, the history of shock work movement turns into a schematic and ideologized overview of events, devoid of historical specifics.

Key words: *shock work movement, workers, industry, party, Soviet Union, shock brigades, cost-accounting, socialist competition.*

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Мифологизация советской истории касалась всех сторон жизни советского общества, но в наибольшей степени – истории рабочего класса, поскольку основополагающий тезис марксизма о нем как гегемоне исторического процесса принуждал историков рассматривать рабочий социум в качестве руководящей силы общества, даже в тех случаях, когда конкретные факты свидетельствовали об обратном. История ударничества – наглядный тому пример. Внезапное и бурное появление массового движения ударников в 1929 г., столь же внезапный его фактический переход в небытие в начале 1930-х гг., несмотря на все попытки официальной статистики и пропаганды поддержать видимость сохранения движения ударников до конца 1930-х гг. [Индустриализация..., 1971, с. 548–554], – все это до сей поры остается покрыто тайной.

Наиболее проницательные советские исследователи рабочей тематики периода первой пятилетки в своих трудах восторженные оценки ударничества, взятые целиком из партийных документов, сочетали с указанием на отдельные факты, характеризующие действительное положение рабочих в промышленности СССР на рубеже 1920–1930-х гг. [Дадыкин, 1954; Вдовин, Дробижев, 1976; Рогачевская, 1977]. Однако диапазон негативных фактов и явлений в советскую эпоху, как правило, определялся содержанием официальных документов партийно-государственного характера. Указание на приток новых отрядов рабочих из крестьянской среды, незнакомых с производственной и трудовой дисциплиной; весьма осторожное замечание об ухудшении в годы первой пятилетки жилищно-бытовых условий промышленных рабочих; признание уравниловки в оплате труда становились максимально допустимым пределом в публикациях историков.

В последние годы советской эпохи, в конце 1980-х гг., появилась брошюра О.В. Хлевнюка «Ударники Первой пятилетки» [Хлевнюк, 1989], в которой впервые была сделана попытка по-новому оценить появление движения ударников. Автор указывал на комплекс мероприятий партийно-государственных структур в борьбе с массовыми нарушениями трудовой дисциплины. В этом контексте движение ударников рассматривалось как преимущественно вос-

питательное в общем формате мер по укреплению дисциплины на производстве, с «применением определенных методов интенсификации труда, носящих преимущественно кампанейский характер» и нацеленных на «использование, главным образом, организационных, лежащих на поверхности резервов» [Хлевнюк, 1989, с. 6, 9]. Автор обратил внимание на рассмотрение на Первом съезде ударных бригад острой проблемы: каково вообще предназначение ударных бригад в социалистической экономике? Уже сама постановка такого рода вопросов в брошюре означала отход от одиозной парадности в оценке ударничества. Однако ответов на поставленные вопросы не последовало.

Уход рабочей тематики в постсоветский период на второстепенные позиции в исторических исследованиях привел к тому, что на сегодняшний день в научной литературе отсутствует понимание: в чем же заключалась подлинная причина появления движения ударников; какова его историческая роль в событиях первой пятилетки; в чем причина его ухода «по-английски» с исторической сцены? Каково было подлинное отношение и участие рабочих в движении ударных бригад? Поиску ответов на поставленные вопросы посвящена наша статья.

СТАНОВЛЕНИЕ УДАРНИЧЕСТВА В 1929 г.

Как представляется, пояснению указанных сюжетов должно помочь системное изучение истории ударничества в контексте ряда исторических процессов – внутрипартийной борьбы в 1928–1929 гг., дискуссий о судьбе Первого пятилетнего плана; системный анализ кризисных явлений в экономике СССР в 1929–1931 гг.; определение отношения самих рабочих масс к ударничеству; выявление экономических последствий движения ударных бригад. Вне рассмотрения этих процессов история ударничества превращается в схематический и идеологизированный обзор событий, лишенный исторической конкретики.

На двух пленумах ЦК ВКП(б) в апреле и июле 1928 г. победу одержали сторонники сохранения нэпа [Фельдман, 2018]. Это способствовало разработке основ Первого пятилетнего плана, в котором большое значение придавалось научным принципам пополнения рабочих коллективов промышленности квалифицированными кадрами [Пятилетний план..., 1930а,

с. 76–82]. Тон работе ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1928 г. задали три доклада о контрольных цифрах народного хозяйства на 1928/29 гг. – председателя СНК А.И. Рыкова, председателя Госплана Г.М. Кржижановского и председателя ВСНХ В.В. Куйбышева. Без прямой полемики в них излагались позиции противоборствующих сторон: сторонников и противников форсированной индустриализации. В исторической литературе отмечалось, что предварительное сближение плановых установок Госплана и ВСНХ на деле означало в большей степени уступки госплановцев директивам ВСНХ под руководством В.В. Куйбышева и стоящего за его спиной Сталина [Кун, 1992, с. 231, 233].

На заседаниях президиума Госплана СССР 29 декабря 1928 г. и 5 января 1929 г. возникла острая дискуссия, в ходе которой специалисты Госплана доказывали, что расчеты ВСНХ «не имеют экономической обоснованности». В свою очередь ВСНХ в очередной раз увеличил контрольные цифры на пятилетку (примерно на треть). 21 января 1929 г. СНК, несмотря на резкие возражения Кржижановского, под давлением Сталина поддержал вариант ВСНХ. Доводы ученых о несбалансированности «оптимального варианта», о том, что многие его элементы экономически не обоснованы, были проигнорированы [Рогачевская, 1994, с. 323].

Осень 1928 – зима 1929 г. стали временем плановой турбулентности. Если обоснованный и тщательно просчитанный вариант Госплана («Перспективы развертывания народного хозяйства») предусматривал рост экономики за пятилетие на 79,5 %, то утвержденный правительством отправной вариант предусматривал рост на 134,9 %, а оптимальный – на 179 % [История социалистической экономики..., 1977, с. 19].

Каким же образом следовало выполнить резко увеличенный пятилетний план? Что могло бы содействовать реализации ежегодных заданий, оторванных от обеспечения материальными ресурсами и квалифицированными кадрами?

Разработанная Госпланом СССР ставка на основательную подготовку рабочих кадров была прописана в Первом пятилетнем плане. За пять лет планировалось обучить 1535,8 тыс. индустриальных рабочих, в том числе в школах ФЗУ – 217,3 тыс., в профтехшколах – 44,6 тыс. и через базы Центрального института труда – 112,5 тыс.; непосредственно на производстве – 1162, 4 тыс. чел. Общие расходы на подготовку рабочих кадров составляли 732 млн руб. (при росте численности рабочих за пятилетку на 33 %) [Пятилетний план..., 1930б, с. 245–246]. Это означало, что к концу пятилетки более половины состава заводских коллективов должны были быть представлены квалифицированными рабочими.

Однако такой курс не вписывался в тактику «форсированной» индустриализации и «бешеных темпов» первых двух лет пятилетки [Такер, 2013, с. 121–123]. В июле – августе 1929 г. ЦК ВКП(б) принял ряд постановлений о дополнительном форсировании роста ряда отраслей промышленности. На этой основе в представленном в ноябре 1929 г. так называемом **уточняющем варианте** Первого пятилетнего плана оказались сделаны явно нереалистичные исправления в сторону увеличения показателей. Этот вариант явился «типичным примером волевого планирования, без научного обоснования и экономической аргументации». Но и на этом деформации пятилетнего плана не закончились [Белых, 1990, с. 32, 52]. Результат не заставил себя ждать: печатный орган ЦК ВКП(б) – газета «Правда» – в декабре 1929 г. отмечала «невыполнение плановых заданий первых трех месяцев второго года пятилетки»¹.

Оставалась ставка на использование внутренних ресурсов советских рабочих – увеличение физических нагрузок и протяженности рабочего дня – факторов, заметим, противоречивших официальным установкам Первого пятилетнего плана. Социальная мобилизация – системная характеристика сталинского режима на стадии его утверждения (конец 1920-х – 1930-е гг.) – позволяла структурам власти «концентрировать максимум ресурсов и возможностей общества на выполнение провозглашенных целей» [Красильников, 2018]. Столь очевидное противоречие нуждалось в мощном идеологическом прикрытии. Идея «социалистического соревнования» и его наиболее концентрированного выражения в 1929–1931 гг. – ударничества – должна была стать теоретическим обоснованием интенсификации труда советских рабочих, составной частью «Великого перелома».

Наиболее значимые акции советской политики всегда сочетались с именем Ленина. Указание на магическое воздействие ленинской статьи «Как организовать соревнование», опубликованной в январе 1929 г.², по официальной версии, «вооружившей партию теорией социалистического соревнования» и «разбудившей энергию и энтузиазм рабочих масс» [История советского рабочего класса..., с. 258–259], не выдерживает критики: в указанной статье говорилось только о необходимости содействовать талантам из рабочей среды, а также борьбе с жуликами с помощью «практического учета и контроля за количеством труда и за распределением продуктов» [Ленин, 1974, с. 195–295]. Заявления типа: «в (ленинской) статье был изложен развернутый план организации социа-

¹ Правда. 1929. 12 дек. С. 3.

² Там же. 1929. 20 янв.

листического соревнования в общегосударственном масштабе» [Дадыкин, 1954, с. 89] следует отнести на условия существования историков в тоталитарном государстве.

Отсюда сведения в советской исторической литературе о *стихийном движении* рабочих масс как инициаторах социалистического соревнования явно диссонируют с указанием на повсеместное учреждение при партийных органах (обкомах, горкомах, райкомах, заводских и цеховых парткомах) специальных комиссий по развертыванию социалистического соревнования [Дадыкин, 1954, с. 109]. В такой ситуации административные методы воздействия воспринимались как естественные. Например, приказ от 16 января 1929 г. председателя ВСНХ В.В. Куйбышева, предписывавший всем хозяйственным органам оказать содействие в организации и работе ударных бригад, автоматически получал продолжение: «весной и летом 1929 г. почти на всех предприятиях парткомы принимали решения о развитии ударных бригад», нацеленных на перевыполнение плановых заданий, борьбу с прогулами, иными нарушениями трудовой дисциплины [Рогачевская, 1977, с. 104].

Выполняя решения партии, ВЦСПС установил «плановый показатель» так называемого ленинского призыва в 500 тыс. ударников; аналогичные задачи были поставлены областными профсоюзными советами. Чудесным образом эти задачи (фактически за месяц!) к концу февраля 1929 г. были выполнены и перевыполнены [Пастухов, 1930а, с. 12–14].

В исторической литературе широко освещается тот факт, что наибольший отклик призыв к развертыванию ударных бригад нашел среди молодых рабочих, как наиболее восприимчивых к пропаганде [История советского рабочего класса..., 1984, с. 257–258]. К чести предшественников-историков чисто внешнее противоречие «стихий и организованности» они понимали верно. Так, в монографии Р.П. Дадыкина (1954 г.) отмечалось, что «руководство (социалистическим соревнованием) зачастую осуществлялось канцелярскими, бюрократическими методами. Как следствие, действительное участие рабочих подменялось парадной шумихой, пышными обещаниями. На торжественные вызовы, обмен делегациями уходило много времени, энергии, средств» [Дадыкин, 1954, с. 109]. Спустя почти четверть века оценки не изменились: по мнению Л.С. Рогачевской, «элементы кампанейщины и парадности; стремление прежде к количественному охвату; неопределенность материальных и моральных стимулов» определяли сущность социалистического соревнования и ударничества [Рогачевская, 1977, с. 101].

Приведенные выше характеристики позволяют лучше понять подлинную картину развертывания

«социалистического» соревнования в СССР в 1929 г.: многочисленные сообщения о соревновании регионов («Урало-Сибирская переключка»), отдельных предприятий [История советского рабочего класса..., с. 254–255] в условиях «неопределенности материальных и моральных стимулов» работы ударных бригад и «социалистического» соревнования в целом, о создании ударных бригад по указанию партийных и профсоюзных комитетов указывали только на внешнюю, формальную сторону явления.

Ярким примером отношения Сталина и его окружения к «социалистическому соревнованию», к рабочему социуму в целом является один из самых романтизированных и мифологических документов предвоенных пятилеток – постановление ЦК ВКП(б) «О социалистическом соревновании фабрик и заводов», принятое 9 мая 1929 г. Оно предусматривало как моральные (красный список, почетная грамота, переходящее трудовое знамя и т.д.), так и материальные (премии) формы поощрения. Для премирования создавался особый фонд [Решения партии..., 1967, с. 53–55]. Обратим, однако, внимание на принципиальный момент: постановление *не указывало на принципы формирования фонда премирования*. И это не было случайностью: лихорадочное повышение плановых показателей первого года пятилетки превращало проблему финансирования труда работников промышленности во второстепенную.

Трудности с формированием фонда премирования объяснялись еще одним важным обстоятельством, не замеченным исследователями: цели движения ударничества ограничивались наведением *элементарного порядка на производстве* – имелось в виду уплотнение рабочего дня, рациональное использование станков; необходимость в подготовке рабочих мест и инструктаж рабочих; бережное отношение к станкам и инструментам; уменьшение брака в выпуске продукции [Заромский, 1930, с. 18–19].

Утверждения исследователей о том, что в течение марта – апреля 1929 г. соревнование приобрело массовый характер и охватило 2 млн соревнующихся, соседствовали с признаниями о «нацеленности встречных заводских планов, главным образом, на количественное увеличение выпуска продукции» [Рогачевская, 1977, с. 101]; с заявлениями (на всех уровнях) о низкой производственной дисциплине и недостаточной производительности труда в промышленности [Хлевнюк, 1989, с. 7]. Без комментариев оставались данные о наличии в «некоторых городах предприятий, целиком являвшихся ударными», и тот факт, что в декабре 1929 г. в СССР насчитывалось не более 300 тыс. ударников [Дадыкин, 1954, с. 136]. Это означало, что в ударных бригадах насчитывалось менее 10 % от 3 млн рабочих в советской промыш-

ленности [Вдовин, Дробижев, 1976, с. 97]. Журнал Наркомата труда «Вопросы труда» указывал на несколько больший показатель: 10–15 %, при этом оговариваясь, что «ударничеством охвачена только передовая часть рабочих» [Пастухов, 1930а, с. 12].

К чести работников журнала, иллюзий в отношении «ленинского призыва» не было: незамеченными не остались ни «слабый учет результатов соцсоревнования», ни частые случаи формального отношения к ударничеству. Как особо опасные характеризовались факты «провозглашения целых заводов ударными без предварительной подготовки», что вело к «опошлению социалистического соревнования» [Пастухов, 1930а, с. 12–14].

Даже по официальным данным – отчетам ВЦСПС, к январю 1930 г. *соревнованием и ударничеством* было охвачено лишь 29 % рабочих основных отраслей, или 903 тыс. чел., т.е. менее половины апрельского уровня [Дадыкин, 1954, с. 208]. После года «массового развертывания социалистического соревнования» и «небывалого подъема политической и производственной активности рабочего класса» такой итог был явно неожиданным для руководства СССР.

Чем объясняло руководство ВКП(б) такое несоответствие эйфории пропагандистских лозунгов и реальных фактов? Непониманием инженерно-технических работников роли социалистического соревнования; «вредительством» со стороны «старых» специалистов; позицией ряда профсоюзов и «вражеской верхушки ВЦСПС, навязывавшей тред-юнионистские подходы»; наличием в рабочем социуме обширного слоя отсталых рабочих [Дадыкин, 1954, с. 94, 108]. Все эти объяснения хорошо укладывались в сталинскую схему «обострения классовой борьбы». В советской исторической науке только констатировались поразительные факты, явно дискредитирующие ударничество. Например, с движением ударников связывалось начатое летом 1929 г. «добровольное снижение расценок и повышение норм выработки» рабочими, имеющее целью «дать добавочные средства на дело строительства социализма» и столь же «добровольное» «уплотнение рабочего дня и переход на обслуживание большего числа станков» [Дадыкин, 1954, с. 139, 140, 141].

Цинизм целенаправленного снижения и без того невысокого уровня жизни советских рабочих пыталась скрыть пропагандистская машина, но скорее неудачно, если тем же летом 1929 г. (в июле) на Президиуме ВЦСПС отмечались весьма сомнительные результаты от работы ударных бригад [Хлевнюк, 1989, с. 10]. За счет более высокой выработки «ударники давали значительный брак в выпуске продукции и тем самым приносили не пользу, а вред предприя-

тию» [Дадыкин, 1954, с. 142]. Не способствовали доверию к ударным бригадам и появившиеся в профсоюзной печати сообщения о необоснованно высокой, опасной для здоровья, интенсификации труда ударников. Случалось, они работали без выходных, сверхурочно, попадали из-за перенапряжения в больницы. Перечисленные факторы подводят к вполне определенному итогу: незначительная доля рабочих, действительно вошедших в ударные бригады, свидетельствовала о весьма скромном воздействии пропаганды на рабочие массы.

Только в сентябре 1929 г. СНК СССР принял постановление о порядке премирования передовиков, в котором говорилось о премировании за повышение производительности труда и выпуска продукции, за улучшение качества, за снижение себестоимости продукции и уменьшение брака³. В постановление говорилось о создании Фондов содействия социалистическому соревнованию, но фактически только на рентабельных предприятиях. До достижения такого уровня «предприятия, по соглашению с подлежащими профессиональными организациями, должны были производить авансовые отчисления на образование этих фондов в размере от 1/4 до 1/2 процента установленного для них фонда заработной платы».

О незначительности этих сумм свидетельствует уже такой факт: общая сумма денежных средств фонда, выделенная для премирования передовиков соревнования в промышленности и на транспорте, составила к концу 1928/29 хозяйственного года – 6 млн руб. С учетом того, что численность только промышленных рабочих СССР в 1928 г. составила 3,1 млн чел. и стремительно росла в 1929 г., это была весьма небольшая величина. Премии передовикам на промышленных предприятиях выделялись, главным образом, в виде отдельных подарков, технической литературы, билетов в театр, радиоприемников и т.д. Это означало как преобладание натурального характера премирования, так и его отдаленность от взаимосвязи выработки продукции и оплаты труда. Примечательно замечание (удивительно смелое для 1954 г.!) Р.П. Дадыкина о том, что на многих предприятиях «фонды премирования либо не создавались вовсе, либо создавались, но не расходовались по назначению, а если расходовались, то на выдачу чрезвычайно мизерных премий» [Дадыкин, 1954, 161]. Такой уровень финансирования явно не способствовал мотивации труда рабочих. В этом заключалась главная причина невысокой реальной численности ударных бригад на протяжении 1929–1930 гг.

³ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1929. № 219.

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД УДАРНЫХ БРИГАД
(5–10 ДЕКАБРЯ 1929 г.)

В сложившейся ситуации 5 декабря 1929 г. в Москве, в Доме Союзов собрались делегаты Первого Всесоюзного съезда ударных бригад. В предисловии к сборнику документов и материалов этого съезда, опубликованному только через 30 лет – в 1959 г.(!), сообщалось о предыстории съезда («созыву Всесоюзного съезда предшествовали областные и краевые, окружные съезды ударных бригад, где были подведены первые итоги ударничества, избраны делегаты (свыше 1000 чел.) на Первый Всесоюзный съезд ударных бригад [Первый Всесоюзный съезд..., 1959, с. 5]. В реальности в первый день работы съезда его участниками стали 820 делегатов, в том числе 690 ударников из 17 отраслей промышленности СССР [Дадыкин, 1954, с. 5]. Открытие съезда совпало с официальным подведением итогов первого года первой пятилетки, определив осмысление соответствия результатов развития движения ударников и всей экономики Страны Советов.

Почему, зная о весьма скромных результатах развертывания движения ударников, руководство ВКП(б) пошло на созыв Первого Всесоюзного съезда ударных бригад? Почему публикация документов столь примечательного мероприятия в советской истории задержалась на 30 лет?

Анализ событий ноября – декабря 1929 г. позволяет дать ответ на поставленный вопрос. Ноябрьский (1929) Пленум ЦК ВКП(б), проходивший по сталинскому сценарию «в обстановке неоправданного оптимизма, восхваления мнимых успехов, игнорирования недостатков и перегибов в коллективизации» [Ивницкий, 1995, с. 294–297], поддержал постулат о «коренном изменении отношения крестьянства к коллективным хозяйствам и одобрил нереальный план роста промышленности и ускоренной коллективизации» [Верт, 1992, 188]. На пленуме в ноябре 1929 г. руководитель Госплана Кржижановский только констатировал факт очередного резкого увеличения плановых показателей на основе «целого ряда постановлений директивного (партийного) органа летом – осенью 1929 г.» [Как ломали нэп..., 2000, с. 21–24].

В противовес выступлению Кржижановского, Куйбышев заявил о «безусловной» поддержке рабочими сталинского курса: «в рабочем классе мы видим огромное проявление активности, небывалый подъем активности, ... выразившийся в широком развертывании процесса социалистического соревнования. Рабочий класс всколыхнулся для быстрейшего построения социализма, для активного участия в социалистическом строительстве». Правда, в подтверждение столь пафосных слов Куйбышев привел только отдельный пример работы ударной молодежной брига-

ды на электростанции в Ленинграде [Как ломали нэп..., 2000, с. 39].

На ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) были очерчены основы социально-экономической политики «Великого перелома»: на третьем заседании – в призыве к увеличению норм выработки для советских рабочих; на десятом заседании – в проведении коллективизации за счет крестьянских средств [Фельдман, 2020]. Начавшаяся в ноябре 1929 г. первая волна коллективизации и репрессий, продолжавшаяся до весны 1930 г., вызвала потрясение и разрушение крестьянской экономики. Одновременно с началом коллективизации была уничтожена частная патентованная торговля. Постановление Политбюро от 15 августа 1929 г., принятое по инициативе Сталина, санкционировало новую волну репрессий против частных заготовителей и торговцев. Гонения на частный сектор экономики и насильственная коллективизация стали главными причинами резкого ухудшения продовольственного снабжения населения, обусловив развал рынка и введение карточной системы на основные продукты питания – хлеб, крупу, мясо, сельдь, масло, сахар, чай, яйца [Осокина, 1999, с. 70–72].

В обстановке нарастания кризисных явлений в городе и массовых волнений крестьян в деревне правящей партии нужна была *верная социальная опора*. Такой опорой и должны были стать ударники. Само по себе движение ударников, нацеленное на выполнение и перевыполнение производственных заданий, как и соблюдение трудовой дисциплины, вполне укладывалось в систему мер по совершенствованию организации труда на производстве. Но в конкретных драматических условиях декабря 1929 г. (начала «Великого перелома») ударники превращались в стратегический ресурс сталинского руководства. Помимо агитации в рабочей среде за выполнение завышенных, фактически нереальных, заданий на долю ударников выпало и активное участие в походе в деревню – в формате «двадцатипятипятитысячников» [Борисов, 1959]. Ударники как «образцовые советские рабочие», прославляемые средствами пропаганды, должны были отвлечь внимание народных масс от стремительного снижения жизненного уровня – следствия волонтаристского пренебрежения рыночными законами. Наконец, успех движения ударников должен был убедить колеблющуюся часть ЦК ВКП(б) в правильности и неизбежности «Великого перелома».

Заседания Первого Всесоюзного съезда ударных бригад широко освещались в официальной прессе. В день открытия съезда в газете «Правда» в редакционной статье «Большевистский привет съезду ударных бригад» были сформулированы задачи, стоящие перед Всесоюзным съездом ударных бригад: от рабочих промышленности СССР требовалась «макси-

мальная эффективность» в своей работе; готовность к производственным достижениям. В условиях «преступной медлительности хозяйственников по отношению к ударничеству» ударники рассматривались как резервуар управленческих кадров на предприятиях. Передовая статья указывала на динамику развития ударничества: движение от ударных бригад к ударным цехам, от них – к ударным заводам⁴. Поскольку передовые статьи в «Правде», после апрельского Пленума ЦК ВКП(б) 1929 г., как правило, выражали мнение Сталина, постольку перед нами показательный образец использования партийного влияния на формирование «общественного движения» в советской реальности.

Печатный орган ВСНХ СССР и РСФСР – «Торгово-Промышленная газета» – назвал ударников «передовыми бойцами на фронте классовой борьбы»⁵. Газета «Известия» – печатный орган ЦИК СССР и ВЦИК, публикуя Приветствие ЦК ВКП(б) съезду ударных бригад, указывала на необходимость ударникам активно участвовать в движении двадцатипяти тысячников⁶. «Известия», провозгласив в начале работы съезда партийную установку: «производственные коммуны – есть высшая форма социалистического соревнования»⁷, уловив настроения делегатов, быстро перестроились, заявив, что к «производственным коммунам следует относиться весьма осторожно»⁸.

Характер освещения работы съезда ударных бригад в прессе в первой половине 1929 г. демонстрировал попытку правящей партии сконструировать принципиально новый, послушный «социалистический» рабочий социум. Анализ публикаций в газетах в указанный период показывает и ограниченность возможностей редакций газет: освещение работы съезда носило очевидный описательный характер; изложение партийных директивных документов оставалось без комментариев и разъяснений; отсутствовало какое-либо подведение итогов работы съезда ударных бригад.

Работу первого дня съезда открыл доклад члена Политбюро ЦК ВКП(б), председателя ВСНХ В.В. Куйбышева «О социалистическом соревновании и ударных бригадах и их роли в деле построения социализма» [Первый Всесоюзный съезд..., 1959, с. 41–54]. Патетически прозвучали слова Куйбышева о грандиозности происходящего события, о том, что ударничество и движение бедняцко-средняцкой части крестьянства «по линии создания социалистиче-

ских форм хозяйства в 1928/29 г. делают 1928/29 хоз. год рубежом совершенно нового масштаба и размаха строительства социализма». Необходимость удвоения плановых показателей по ряду ведущих отраслей Куйбышев представил как данность, а решение правительства – «во что бы ни стало форсировать это дело» – как прямую обязанность рабочих, «взявших максимально ударные темпы». Ударникам глава ВСНХ предписывал перевоспитание «отсталых словес рабочего класса, а инженерно-техническим работникам – обязанность помогать ударным бригадам» [Первый Всесоюзный съезд..., 1959, с. 45–47].

Таким образом, в первый же день работы съезда директивные указания руководства ВКП(б) «великому движению, начавшемуся среди нашего рабочего класса» [Там же, 1959, с. 48], определили его задачи и обязанности. Ударные бригады, охарактеризованные Куйбышевым в качестве «высшего выражения социалистического соревнования» [Там же, с. 46], должны были стать штурмовым отрядом правящей партии в осуществлении «Великого перелома».

Выступление на второй день работы съезда секретаря ВЦСПС Г.Д. Вейнберга с докладом ВЦСПС «О ходе социалистического соревнования в стране и задачах ударных бригад» [Там же, 1959, с. 61–76] фактически повторяло все оценки, данные председателем ВСНХ. Однако руководство ВЦСПС вынуждено было отражать настроения рабочих и, хотя бы частично, давать объективную картину происходящего. Отсюда в докладе Вейнберга отмечались и негативные черты движения ударников: незначительное число ударных бригад, нередко оторванных от основной массы рабочих. В работе ударных бригад доминировала ставка на количественные показатели в ущерб качеству выпускаемой продукции. В результате при увеличении выпуска продукции был очевиден рост доли брака и ухудшение качества изделий [Там же, 1959, с. 65].

Прецедент был создан, и в выступлениях делегатов съезда профсоюзов прозвучали оценки ударничества, явно неписывавшиеся в «светлую картину социалистического соревнования» из доклада Куйбышева. Делегаты съезда отмечали совершенно неудовлетворительно организованную практику заключения социалистических договоров, отсутствие необходимого учета их выполнения; неконкретность отдельных обязательств и слабую работу по рационализации и изобретательству. Показательным можно считать выступление Д.М. Кузьмина от рабочих «Красное Сормово», заявившего, что «отсутствие на предприятии заводского и цеховых планов» оборачивается простоями в начале месяца и сверхурочными работами в конце месяца, «фактически срывающими соцсоревнование» [Там же, с. 124].

⁴ Правда. 1929. 5 дек. С. 1.

⁵ Торгово-Промышленная газета. 1929. 8 дек. С. 3.

⁶ Известия. 1929. 8 дек. С. 2.

⁷ Там же.

⁸ Там же. 8, 10 дек.

«Пар» недовольства ударников был выпущен. И в последний день работы съезда – 10 декабря 1929 г. – в безукоризненном, с точки зрения партийно-политического языка, «Обращении Первого Всесоюзного съезда ударных бригад ко всем трудящимся страны о расширении социалистического соревнования в стране» прозвучали нужные Сталину и его окружению слова призыва: «добиваться выполнения пятилетки в четыре года» [Там же, 1959, с. 173]. Обращение менее всего походило на документ, принятый по собственной инициативе делегатов съезда, рабочих-ударников. Призыв *к повсеместному и тотальному вступлению в ударные бригады* соседствовал с лозунгом «массового рабочего контроля над государственным аппаратом» в формате «выдвижения лучших ударников на хозяйственную, советскую и профсоюзную работу» и разоблачения «вредителей» из числа «части специалистов, предавших интересы рабочего класса» [Там же, с. 174–175]. Съезд указал на необходимость выдвинуть в течение 1929–1930 гг. на профсоюзную и хозяйственную работу не менее 5 тыс. ударников для «улучшения работы вышеназванных структур» [Там же, 1959, с. 176–177].

Примечательно противоречие мысли ведущего советского историографа социалистического соревнования – И.Е. Ворожейкина, утверждавшего, что в работе съезда «отразился пафос созидания, охвативший широкие массы трудящихся в связи с грандиозными планами пятилетки», но уже в следующем же абзаце, признавшего, что «ударничество не отличалось большой массовостью» (!), «охватив лишь передовую, самую сознательную часть рабочего класса» [Ворожейкин, 1984, с. 75].

Кто же должен был улучшить работу управленческих структур? Анализ анкет делегатов Первого съезда ударных бригад показал, что ¼ из них (73,5 %) были коммунистами и комсомольцами; около половины из них выполняли партийную работу, 69,7 % – профсоюзную. 67,2 % участников съезда Первого съезда ударных бригад были молодые люди до 30 лет; причем 30,2 % – делегаты моложе 22 лет [Там же, 1959, с. 180]. Как видно, основную массу делегатов составляли молодые рабочие из коммунистов и комсомольцев. Молодые, плохо образованные рабочие из вчерашних крестьян острее чувствовали необходимость улучшить свое материальное положение и легче впитывали пропагандистские призывы и идеологические лозунги.

Ударников отличал невысокий образовательный уровень: 50,8 % делегатов не имели и начального школьного образования. Только десятая часть (10,2 %) делегатов закончили школу второй ступени (5–7-е классы) или продолжали в ней учиться. Такая

же часть делегатов (10,4 %) закончила школы ФЗУ. Вместе с тем как знамение времени можно считать появление в среде делегатов небольшой группы (2,9 %) студентов вечерних и заочных отделений техникумов и вузов. Всего же почти треть делегатов съезда (30,7 %) продолжали учиться в различных образовательных учреждениях. Среди молодых рабочих (до сорока лет) этот показатель поднимался до 40 % [Первый Всесоюзный съезд..., 1959, с. 183–184]. Портрет ударника – это портрет читающего рабочего, но читающего преимущественно (98,2 %) газеты с постоянным набором агитационно-пропагандистских материалов. Специфической была структура читаемых ударниками журналов: преобладали партийно-профсоюзные журналы (37 %) и существенно меньше было научно-технических журналов (20 %) [Там же, 1959, с. 183–184]. Рабочий-активист, с партийным или комсомольским билетом, участвовавший в различных формах обучения либо еще ожидавший своего часа, был наиболее характерным участником съезда ударных бригад.

Таким образом, рожденное по воле руководства ВКП(б) движение ударников должно было стать донором правящей партии и одновременно орудием в ее руках, выступить в роли «идеального образца» для трудящегося населения СССР. В движении ударников должен был рождаться «новый человек» социалистической эпохи.

АПОГЕЙ УДАРНИЧЕСТВА: СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1930 г.

По решению правящей партии главной задачей первых месяцев 1930 г. стал курс на стремительное расширение состава движения ударников. Оттолкнувшись от опыта ВКП(б) – практики «ленинского призыва» в партию в 1924 г., партийно-профсоюзные органы начали подталкивать рабочих, коллективы целых цехов и заводов «объявлять себя ударниками». 21 января 1930 г. в «Правде» было опубликовано Обращение ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ о проведении нового «ленинского призыва» ударников, а 25 января – в Обращении ЦК ВКП(б) партийные, комсомольские и профсоюзные организации обязывались принять активное участие в движении ударных бригад [Социалистическое соревнование..., 1973, с. 75].

За неполные два месяца нового «ленинского набора» (январь – февраль 1930 г.) ряды ударников (по официальным данным) выросли на 1,5 млн чел. [Материалы к отчету..., 1929, с. 25]. Несколько иные данные привел секретарь ВЦСПС Н.М. Шверник на XVI съезде ВКП(б) в июле 1930 г.: «на 1 марта 1930 г. в промышленности СССР охвачено социалистиче-

ским соревнованием 2 млн, а ударничеством – 1,5 млн промышленных рабочих. При этом ударными бригадами сейчас охвачено 47 % рабочих, индивидуальных ударников – 4,7 %. Инженерно-технических работников, перешедших на ударную работу, уже имеется сейчас 51 %» [XVI съезд, 1935, с. 649]. Согласно официальной пропаганде, «ударничество стремительно набирало силу».

Однако кризисная ситуация в экономике в первой половине 1930 г. требовала более реалистических оценок. В постановлении ЦК ВКП(б) от 28 апреля 1930 г. «Об итогах ленинского набора ударников» наряду с положительными достижениями были отмечены и недостатки: «объявление ударными целых цехов и предприятий зачастую без участия рабочих». Признавались массовые нарушения трудовой дисциплины – но только у «новых рабочих» [Социалистическое соревнование..., 1973, с. 76–77].

Одновременно широкое распространение на предприятиях получили в этот период производственные коммуны и так называемые производственные коллективы; уже к 1 мая 1930 г. в них, по данным профсоюзов, состояло 13 % всех соревновавшихся рабочих. Зимой 1930 г. производственные коммуны и коллективы рассматривались как более «высокая форма организации труда, чем ударные бригады», поскольку «соединяли коллективную работу и коллективную оплату труда» [Заромский, 1930, с. 18]. Нельзя не отметить, что при оптимистичных оценках развития производственных коммун и коллективов не осталось незамеченным и слабое распространение этого вида ударничества в рабочей среде, и негативное восприятие на предприятиях уравниловки в оплате труда, присущей производственным коммунам и коллективам [Заромский, 1930, с. 20, 25]. Производственные коммуны и коллективы, базирующиеся на уравнительном распределении заработков, насаждались насильно. Это была часть формирующейся командно-административной системы, инструмент социальной мобилизации [Красильников, 2018, с. 25].

Правящей партией ударники рассматривались как «передовые рабочие», они составляли значительную часть из почти миллионной армии рабочих, принятых в массовом порядке срочно в ряды кандидатов в члены ВКП(б) в 1930–1931 гг. [Юдин, 2018, 1973, с. 117, 128]. Однако удвоение численности партии коммунистов не повлияло на положение дел в экономике и на настроения в рабочем социуме.

Наращение ненаучных «левацких» взглядов в высшем руководстве СССР в самых различных сферах экономики на протяжении «особого квартала» 1929 г. – 1930 г. имело вполне очевидный результат: производственные планы были настолько преувеличены, что невозможно было заключать реалистичные контракты. Поскольку под эти планы было открыто

«щедрое финансирование предприятий», это означало, что «деньги никто не считал», и дорога к стремительной инфляции была открыта [Davies, 1996, с. 51].

Огромные капитальные вложения в тяжелую промышленность в 1929–1930 гг. в значительной мере были заморожены в незавершенных стройках. Индустриальные скачки, несоразмерное увеличение капитальных вложений в тяжелую промышленность, игнорирование экономических рычагов управления и массовые репрессии против специалистов, вызвавшие волну так называемого спецедействия, падение дисциплины на производстве привели к **глубокому кризису** в советской промышленности в 1930 г. Реагируя на кризисные явления в экономике, Пленум ЦК ВКП(б) в декабре 1930 г. провозгласил курс на укрепление финансовой дисциплины и сокращение расходов. Так в конце 1930 г. завершился первый этап сталинской революции, наглядно продемонстрировавший ее разрушительный характер [Хлевнюк, 2010, с. 84–86]. Тотальная дезорганизация производства, массовая текучесть на предприятиях; введение карточной системы дезавуировали смысл и содержание движения ударничества, превращая его в формальное явление. Руководство ВКП(б) решило возглавить критику «отдельных недостатков» ударничества с самой «высокой трибуны» – XVI съезда партии в июне 1930 г.

Организационный отчет XVI съезду, представленный секретарем ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичем, свидетельствовал о многочисленных случаях искусственного, административного создания «отрядов» ударников; массовых «мобилизациях» в ударники по приказу сверху. «Есть случаи», – иронизировал секретарь ЦК, – «когда объявляются ударными целые цехи и заводы, а ... рабочие даже не знают о том, что они ударники...». Наряду с этим речь шла о проявлении «иждивенческих, уравнилельных тенденций» при создании «тесно связанных с ударным движением»... «производственных коммун и производственных коллективов» [XVI съезд, 1935, с. 118–119].

Информировав съезд о том, что «обследование Госплана, происходившее в мае 1930 г. и охватившее 20 крупнейших предприятий, показало, что соцсоревнованием охвачено 87 % рабочих этих предприятий, (а) ударничеством – 48 % рабочих», Каганович тут же констатировал: «на ряде заводов, чем шире становится охват рабочих ударными бригадами, тем меньше становится в них действительного ударничества» [XVI съезд, 1935, с. 161–117].

Последующая мысль Кагановича о том, что если «количество ударных бригад расширяется до больших размеров, ... они превращаются просто в группы обычных рабочих с одним только названием» [XVI съезд, 1935, с. 117], в принципе это прозвучало как приговор «высшему выражению социалистиче-

ского соревнования». В данном случае речь идет о проявлении разочарования Сталина и его окружения в неспособности ударничества остановить нарастающие негативные явления в экономике страны в первом полугодии 1930 г. Каким же был экономический эффект от движения ударников? Как сами рабочие оценивали ударничество? В чем заключалась позиция руководителей предприятий, цехов, участков? Ответов на эти вопросы делегаты съезда не получили, за исключением скупой реплики секретаря ЦК: «Точно подсчитать экономическую эффективность ударничества очень трудно». Показательно другое: примеры действенного ударничества в Организационном отчете в реальности говорили только о наведении элементарной производственной дисциплины.

В такой атмосфере съезда ВКП(б) было неудивительно, что доклад секретаря ВЦСПС Н.М. Шверника «О задачах профсоюзов в реконструктивный период» [XVI съезд, 1935, с. 645–665] был «задвинут» на предпоследнее заседание партийного форума. Судя по тексту Стенографического отчета, единственное место доклада, получившее одобрительную реакцию зала, было посвящено критике ударничества – «заводов, которые формально объявляют себя ударными, не подготовив всю массу к работе по-ударному, не оправдывают своего звания ударных заводов», а также многочисленных случаев «лжеударничества» [XVI съезд, 1935, с. 651].

Тем не менее резолюция съезда «О перспективах развития промышленности, опыте социалистического соревнования и работе ударных бригад»⁹ включила практически все тезисы из передовой статьи «Правды» за 5 декабря. Прежде всего, это касалось динамики развития ударничества: движения от ударных бригад – к ударным цехам, от них – к ударным заводам. Всем рабочим промышленности СССР предстояло стать ударниками!

Показательна и оценка журнала Наркомата труда состояния ударничества за 1929/1930 хозяйственный год: по итогам проверок значительная часть ударников носит это звание чисто формально; в Москве есть заводы и фабрики «без ударников», а там, где они есть, не исчезли ни прогулы, ни нарушения производственной дисциплины и высокий уровень брака [Пастухов, 1930б, с. 43]. Сравнение статей двух номеров журнала Наркомата труда («Вопросов труда» – апрельского и октябрьского за 1930 г.), посвященных развитию ударничества, позволяет сделать вывод о заметном снижении оптимистических настроений, состояние ударничества не могло привлечь большинство рабочих к участию в этом движении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Составной частью истории СССР на рубеже 1920–1930-х гг. являлось движение ударников и ударных бригад. Мифология, соседствующая с рациональными основами Индустриального проекта, породила широкий спектр надежд лидеров СССР на ударничество в обстановке нарастания кризисных явлений в городе и массовых волнений крестьян в деревне. Правящей партии нужна была верная социальная опора, способная стать примером для рабочего социума, кадровым резервом ВКП(б), инструментом воздействия на «старых специалистов». Для Сталина и его ближайшего окружения идея «социалистического соревнования» и его наиболее концентрированного выражения в 1929–1931 гг. – ударничества становилась частью «Великого перелома». Именно поэтому призыв к повсеместному и тотальному вступлению в ударные бригады соседствовал с лозунгом «массового рабочего контроля над государственным аппаратом» в формате «выдвижения лучших ударников на хозяйственную, советскую и профсоюзную работу», разоблачения «вредителей» из «части специалистов, предавших интересы рабочего класса». Анализ реализации планов превращения ударных бригад в «локомотив социалистической экономики» приводит к выводу о том, что ряд волонтеристских решений в сферах финансирования, соблюдения норм охраны труда, а также нарушения в системе мотивации оттолкнули большинство рабочих от ударничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белых А.А. История советских экономико-математических исследований (1917 – начала 60-х годов). Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 141 с.
- Борисов Ю.С. 25-тысячники. М.: Госполитиздат, 1959. 95 с.
- Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса СССР. 1917–1940. М.: Мысль, 1976. 264 с.
- Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 480 с.
- Ворожейкин И.Е. Летопись трудового героизма. Краткая история социалистического соревнования в СССР. М.: Политиздат, 1984. 336 с.
- Дадыкин Р.П. Начало массового социалистического соревнования в промышленности СССР. М.: Госполитиздат, 1954. 224 с.
- Заремский И. Производственные коллективы – новая форма организации труда // *Вопр. труда*. 1930. № 4. С. 18–29.
- Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов // *Судьбы российского крестьянства*. М.: РГГУ, 1995. С. 249–297.
- Индустриализация СССР. 1926–1941 гг. М.: 1971. Т. 3: Индустриализация СССР. 1933–1937 гг. 654 с.
- История советского рабочего класса: в 6 т. М.: Наука, 1984. Т. 2: Рабочий класс – ведущая сила в строительстве социалистического общества. 1921–1937 гг. / отв. ред. Л.С. Рогачевская. 511 с.
- История социалистической экономики: в 7 т. М.: Наука, 1977. Т. 3: Создание фундамента социалистической экономики в СССР. 1926–1932 гг. / отв. ред. И.А. Гладков. 536 с.
- Как ломали НЭП: Стенограммы пленумов ЦК и ЦКК ВКП(б). 1928–1929 гг.: в 5 т. / отв. ред. В.П. Данилов. М.: Между-

⁹ Правда. 1929. 12 дек.

народный фонд «Демократия»: Материк, 2000. Т. 5: Пленум ЦК ВКП (б). 10–17 ноября 1929. 694 с.

Красильников С.А. Раннесоветский опыт социальной мобилизации // Урал. ист. вестн. 2018. № 4 (61). С. 38–45.

Кун М. Бухарин: его друзья и враги. М.: Республика, 1992. 480 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Госполитиздат. 1974. Т. 35. 600 с.

Материалы к Отчету ВЦСПС IX съезду профсоюзов. М.: Профиздат, 1932. 230 с.

Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 гг. М.: РОССПЭН, 1999. 271 с.

Пастухов М. Итоги ленинского призыва ударников // Вопросы труда. 1930а. № 4. С. 12–17.

Пастухов М. Движение ударников к началу решающего года пятилетки // Вопросы труда. 1930б. № 10. С. 41–46.

Первый Всесоюзный съезд ударных бригад (к тридцатилетию съезда). М.: Профиздат, 1959. 191 с.

Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. М.: Плановое хозяйство. 1930а. Т. 1. 167 с.

Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. 3-е изд. М.: Плановое хозяйство. 1930б. Т. 2: Строительная и производственная программа. Ч. 1. 418 с.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг.: сб. док. за 50 лет / сост.: К.У. Черненко и М.С. Смиртюкова. М.: Политиздат, 1967. Т. 2: 1929–1940 гг. 798 с.

Рогачевская Л.С. Социалистическое соревнование в СССР. Исторические очерки: 1917–1970 гг. М.: Наука, 1977. 352 с.

Рогачевская Л.С. Альтернативы первому пятилетнему плану // Россия в XX веке: Историки мира спорят: [сб. стат.]. М., 1994. С. 319–328.

Социалистическое соревнование в промышленности СССР. М.: Профиздат. 1973. 368 с.

Такер Р. Сталин – диктатор. У власти. 1928–1941 гг. М.: Центрполиграф, 2013. 797 с.

Фельдман М.А. Кем была одержана победа? К вопросу о результатах дискуссии на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) // Россия и современный мир. 2018. № 4. С. 169–184.

Фельдман М.А. Пройденный рубеж (обсуждение внутрипартийных и государственных проблем на Пленуме ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929 г.) // Общественные науки и современность. 2020. № 1. С. 102–116.

Хлевнюк О.В. Ударники первой пятилетки. М.: Знание, 1989. 63 с.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 478 с.

Юдин И.Н. Социальная основа КПСС М.: Политиздат, 1973. 295 с.

Davies R.W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London, 1996, 612 p.

XVI съезд: стеногр. отчет. М.: Партиздат, 1935. Т. 1. 781 с.

REFERENCES

Belykh A.A. (1990). History of Soviet economic and mathematical research (1917 – early 60s). Leningrad, Izd-vo LGU, 141 p. (In Russ.)

Borisov Yu.S. (1959). 25-thousanders. Moscow, Gospolitizdat, 95 p. (In Russ.)

Chernenko K.U., Smirtyukova M.S. (comps.) (1967). Decisions of the party and the government on economic issues: collection of doc. Moscow, Politizdat, vol. 2. 1929–1940, 798 p. (In Russ.)

Dadykin R.P. (1954). The beginning of mass socialist competition in the industry of the USSR. Moscow, Gospolitizdat, 224 p. (In Russ.)

Danilov V.P. (ed.) [et al.] (2000). How the NEP was broken: transcripts of the Plenums of the Central Committee of the All-Union

Communist Party (Bolsheviks) in 1928–1929: in 5 vols. Mezhdunar. fond “Demokratiya”. Vol. 5. Plenum of the Central Committee of VKP(b) on November 10–17, 1929, Moscow, 703 p. (In Russ.)

Davies R.W. (1996). The industrialisation of Soviet Russia. Macmillan Press, vol. 4. Crisis and progress in the Soviet economy, 1931–1933, 612 p.

Feldman M.A. (2018). Who won a victory? On the issue of the results of the discussion at the July (1928) Plenum of the Central Committee of VKP(b). *Rossiia i sovremennyy mir*, no. 4, pp. 169–184. (In Russ.)

Feldman M.A. (2020). The milestone reached (discussion of internal party and state problems at the Plenum of the Central Committee of VKP(b) on November 10–17, 1929). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 102–116. (In Russ.)

(1930a). Five-year plan of national economic construction of the USSR. 3rd ed. Moscow, Planovoe khoz-vo, vol. 1: Summary review. 167 p. (In Russ.)

(1930b). Five-year plan of national economic construction of the USSR. Moscow, Planovoe khoz-vo, vol. 2: pt. 1. Construction and production program of the plan, 486 p. (In Russ.)

Gladkov I.A. (ed.) (1977). The history of the socialist economy of the USSR. In 7 vols. Moscow, Nauka, vol. 3. Creating the foundation of socialist economy in the USSR. 1926–1932, 532 p. (In Russ.)

Ivitskiy N.A. (1995). Collectivization and dispossession in the early 1930s // *Sud'by rossiyskogo krest'yanstva*. Moscow, pp. 249–297. (In Russ.)

(1971). Industrialization of the USSR. Moscow, Nauka, vol. 3. 1933–1937: documents and materials. 654 p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. (1989). Shock workers of the First Five-Year Plan. Moscow, Znanie, 63 p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. (2010). Master of the house. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship. Moscow, ROSSPEN, 478 p. (In Russ.)

Krasilnikov S. A. (2018). Early Soviet experience of social mobilization: history for theory. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, no. 4, pp. 38–45. (In Russ.)

Kun M. (1992). Bukharin: his friends and enemies. Moscow, Respublika, 480 p. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974). The complete works. 5th ed. Moscow, Gospolitizdat, vol. 35, 600 p. (In Russ.)

(1932). Materials for the report of the All-Union Central Council of Trade Unions (VTsSPS) to the IX Congress of Trade Unions. Moscow, Profizdat, 230 p. (In Russ.)

Osokina E.A. (1999). Behind the facade of “Stalinist abundance”: distribution and market in supplying the population during the years of industrialization, 1927–1941. Moscow, ROSSPEN, 271 p. (In Russ.)

Pastukhov M. (1930b). The movement of shock workers by the beginning of the decisive year of the five-year plan. *Voprosy truda*, no. 10, pp. 41–46. (In Russ.)

Pastukhov M. (1930a). The results of Lenin's call for shock workers. *Voprosy truda*, no. 4, pp. 12–17. (In Russ.)

Rogachevskaya L.S. (1977). Socialist competition in the USSR: historical essays, 1917–1970. Moscow, Nauka, 352 p. (In Russ.)

Rogachevskaya L.S. (1994). Alternatives to the First Five-Year Plan. *Rossiia v XX veke: istoriki mira sporyat: [sb. st.]*. Moscow, pp. 319–328. (In Russ.)

Rogachevskaya L.S. (ed.) [et al.] (1984). The history of the Soviet working class. In 6 vols. Moscow, Nauka, vol. 2. The working class as the leading force in the construction of a socialist society, 1921–1937. 511 p. (In Russ.)

(1973). Socialist competition in the industry of the USSR. Moscow, Profizdat, 368 p. (In Russ.)

(1959). The First All-Union Congress of shock brigades (to the thirtieth anniversary of the Congress). Moscow, Profizdat, 191 p. (In Russ.)

Tucker R. (2013). Stalin as a dictator. In power. 1928–1941: transl. from Engl. Moscow, Tsentrpoligraf, 797 p. (In Russ.)

Yudin I.N. (1973). Social basis of the CPSU. Moscow, Politizdat, 295 p. (In Russ.)

Vdovin A.I., Drobizhev V.Z. (1976). The growth of the working class of the USSR, 1917–1940. Moscow, Mysl', 264 p. (In Russ.)

Vert N. (1992). History of the Soviet state. 1900–1991: textbook: transl. from French. Moscow, Progress, 479 p. (In Russ.)

Vorozheikin I.E. (1984). Chronicle of labor heroism: a brief history of socialist competition in the USSR. Moscow, Politizdat, 336 p. (In Russ.)

Zaromsky I. (1930). Production collectives – a new form of labor organization. *Voprosy truda*, no. 4, pp. 18–29. (In Russ.)

(1935). The XVI Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): verbatim rep. 2nd ed. Moscow, OGIZ; Leningrad, Mosk. rabochiy, 781 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.08.2023

Дата рецензирования 08.10.2023

Статья принята к публикации 16.10.2023

DOI: 10.15372/HSS20230411
УДК 94(4+7+470)"1939/1945"
EDN: RBJULN

Е.О. ЕМЕЛЬЯНОВА

РАССЛЕДОВАНИЕ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
РФ, 163000, г. Архангельск, Набережная Северной Двины, 17

В статье на основе материалов зарубежных и российских архивов, главным образом рассекреченного в 2014 г. архива Комиссии Объединенных Наций по военным преступлениям, рассматривается международное следствие по делам о преступлениях нацистов в годы Второй мировой войны. Раскрыты основные проблемы, препятствовавшие полноценной кооперации между следственными органами стран антигитлеровской коалиции, и причины отказа СССР принять участие в работе указанной комиссии. Основной проблемой Комиссии Объединенных Наций по военным преступлениям стало отсутствие у нее активных следственных полномочий. В условиях преднамеренного уничтожения нацистами улик, запоздалого начала расследования и других сложностей специалистам удалось составить более 8 тыс. дел, в которых фигурировали около 36 тыс. обвиняемых.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Комиссия Объединенных Наций по военным преступлениям, международное следствие, концентрационные лагеря, внешняя политика СССР.

Для цитирования: Емельянова Е.О. Расследование военных преступлений Второй мировой войны: проблемы организации и межгосударственного взаимодействия // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 4. С. 99–104. DOI: 10.15372/HSS20230411

Е.О. EMELYANOVA

INVESTIGATION OF WAR CRIMES OF THE SECOND WORLD WAR: PROBLEMS OF ORGANIZATION AND INTERSTATE COOPERATION

Northern (Arctic) Federal University named after. M.V. Lomonosov,
17, Northern Dvina embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation

The article is devoted to the study of materials from foreign and Russian archives, mainly the archive of the United Nations Commission, declassified in 2014. The author examines the international investigation of Nazi crimes during the Second World War. The study reveals the main problems that hindered the full cooperation between the investigative bodies of the countries of the anti-Hitler coalition, including the reasons for the USSR's refusal to participate in the work of the United Nations Commission. The main problem of the United Nations War Crimes Commission was the lack of active investigative powers. The specialists managed to compile more than 8 thousand cases, involving about 36 thousand defendants. They carried out this extensive work in the conditions of the deliberate destruction of evidence by the Nazis, the late start of the investigation and other difficulties.

Key words: World War II, United Nations War Crimes Commission, international investigation, concentration camps, USSR foreign policy.

ВВЕДЕНИЕ

Проведение международного следствия о преступлениях нацистов Комиссией Объединенных Наций являлось одним из основных направлений деятельности стран антигитлеровской коалиции во вре-

мя и после Второй мировой войны наряду с совместными военными операциями, ленд-лизом, организацией Нюрнбергского процесса. В послевоенное время важнейшие принципы международного сотрудничества легли в основу создания Организации

Екатерина Олеговна Емельянова – аспирант Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск), заместитель заведующего лабораторией истории и социологии Второй мировой войны в Арктике, e-mail: emelyanova55@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-9367-9804>.

Ekaterina O. Emelyanova – Postgraduate Student of the Northern (Arctic) Federal University Named After. M.V. Lomonosov (Arkhangelsk), Deputy Head of the Laboratory of History and Sociology of the Second World War in the Arctic.

Объединенных Наций. А специальная Комиссия Объединенных Наций по военным преступлениям (далее – Комиссия ООН) стала одной из структурных предшественниц ООН.

Как в отечественной, так и в зарубежной историографии многочисленные труды посвящены истории Международного военного трибунала [Нюрнбергский процесс, 2007; Шкаревский, 2021]. Исторических исследований о самом следствии ничтожно мало. Среди таких работ выделяются фундаментальные монографии Дэна Пleshа¹ [Plesch, 2017] и Арье Кохави [Kochavi, 1998], рассматривавших подготовку к Суду народов и сбор доказательств с точки зрения прав человека, а также в контексте внешнеполитического курса стран-союзниц. Особняком в зарубежной историографии стоит докторская диссертация Якуса Шумахера, посвященная анализу расследования, проведенного вермахтом [Schuhmacher, 2017].

В отечественной историографии исследователи уделили больше внимания истории Чрезвычайной государственной комиссии СССР, которая представлена в основном отдельными проблемно-ориентированными статьями [Петров, 2007; Sorokina, 2020], а также исследованиями региональных аспектов ее деятельности [Степаненко, 2010]. Между тем исторических работ по вопросам проведения международного следствия, равно как о деятельности Комиссии ООН, до настоящего времени в России не было.

Данное исследование базируется на материалах рассекреченного в 2014 г. архива Комиссии ООН по военным преступлениям, размещенного на портале секции архивов ООН². Часть этого архива опубликована на ресурсах Международного уголовного суда³. Кроме того, в процессе работы над настоящей статьей были изучены документы из Государственного архива Великобритании, Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива новейшей истории.

СОЗДАНИЕ КОМИССИИ ООН

1–2 января 1942 г. 26 государств антигитлеровской коалиции подписали Декларацию Объединенных Наций. Одно из основных ее положений каса-

лось всестороннего сотрудничества государств–подписантов в борьбе против фашистского блока. Однако конкретные формы этого сотрудничества не указывались. Декларация, подписанная союзниками в Лондоне 13 января 1942 г., конкретизировала направления предполагаемого взаимодействия, определив как одну из основных совместных задач – наказание военных преступников и передача их правосудию⁴. Во втором томе документов, изданных в Лондоне по случаю подписания Декларации, были впервые представлены и обобщены материалы предварительного расследования военных преступлений нацистов⁵.

Впервые о намерениях создать специальную Комиссию ООН по расследованию военных преступлений заявил президент США Ф.Д. Рузвельт 7 октября 1942 г., когда на фронтах войны наметился явный перелом. Однако комиссия не без проволочек была учреждена только спустя год, накануне встречи «Большой тройки» в Тегеране, а именно – 20 октября 1943 г. Первым ее председателем был избран британский юрист и судья сэра Сесил Херст. Именно британцам по договоренности в Тегеране была отведена определяющая роль на Европейском театре военных действий. Штаб-квартира Комиссии ООН была размещена в британской столице.

Герберт Пелл, представитель США в Комиссии ООН и друг президента Рузвельта, полагал, что главная цель Комиссии – не менее, чем предотвращение третьей мировой войны [Kochavi, 1998, p. 93]. На деле созданная организация имела вполне определенные и приземленные цели: расследование и фиксация доказательств военных преступлений, предоставленных государствами-членами комиссии; определение, составляют ли данные доказательства «prima facie case»⁶, по которому государство может привлечь виновных к ответственности; а также выдача рекомендаций правительствам стран-членов по вопросам права и процедуры для поддержки судебных процессов [Plesch, Owen, 2020, p. 164].

Организационная структура Комиссии ООН включала три главных комитета: 1 – «Факты и свидетельства», 2 – «Правоприменение», 3 – «Правовые вопросы». В странах-участницах комиссии были образованы собственные национальные офисы, которые занимались непосредственным расследованием преступлений. В СССР таким офисом могла бы быть

¹ Дэн Пlesh создал собственный сайт, посвященный своей монографии, на котором опубликовал многие труднодоступные источники и полезные инструкции, за что ему выражается заочная благодарность. URL: <https://unwcc.org> (accessed: 10.10.2023).

² United Nations War Crimes Commission (UNWCC) // United Nations Archives : Archives and Records Management Section [Electronic resource]. URL: <https://search.archives.un.org/united-nations-war-crimes-commission-unwcc-1943-1949> (accessed: 10.10.2023).

³ United Nations War Crimes Commission (UNWCC) // ICC Legal Tools Database (UNWCC) [Electronic resource]. URL: <https://www.legal-tools.org/> (accessed: 10.10.2023).

⁴ Punishment for war crimes. The inter-allied declaration signed at St. James palace. London: His Majesty's Stationery Office. 1942. P. 3–4.

⁵ Punishment for war crimes (2). Collective notes presented to the governments Great Britain the USSR and the USA and relative correspondence. London: His Majesty's Stationery Office. 1942. P. 15–40.

⁶ «Prima facie case» (лат.) – обвинение, достаточное для возбуждения дела.

Чрезвычайная государственная комиссия⁷, организованная в 1942 г. Однако в качестве условия своего вступления в состав Комиссии Объединенных Наций советское правительство выдвинуло запрос на отдельное представительство семи республик – Украинской, Белорусской, Молдавской, Латвийской, Литовской, Эстонской и Карело-Финской. Комиссия ООН, многие представители которой не согласились с новым статусом этих территорий, отказала в требовании СССР⁸. Тем не менее СССР в принципе выражал готовность к сотрудничеству, по крайней мере, официально⁹. Целью сталинской дипломатии в данном случае было международное признание за Советским Союзом западных территорий, присоединенных в 1939–1940 гг. Вопрос о новой советской границе на Западе постоянно задавался советскими представителями практически на всех переговорных площадках. В марте – мае 1942 г. в ходе подготовки союзных договоров и визита В. Молотова в Лондон и Вашингтон стороны активно обсуждали этот вопрос, включая предложение Сталина подписать «секретный протокол» о новых границах [Супрун, 2023, с. 15]. Кроме того, подспудными причинами были явное неприятие международной Комиссией ООН так называемых kangaroo courts, или показательных судебных процессов, распространенных в СССР, а также тщательный подбор доказательств со стороны Комиссии ООН (многие недостаточно расследованные дела отправлялись на доработку)¹⁰. Можно предположить, что и Советский Союз не стремился к тесной кооперации с союзниками из-за Катынского скандала. Уже на самом начальном этапе работы комиссии возникли первые проблемы, помешавшие полноценному взаимодействию союзников в вопросах проведения следственных процедур.

«НА РАССЛЕДОВАНИЕ НЕТ ВРЕМЕНИ»

До конца марта 1944 г. национальные офисы передали в Комиссию ООН не более 70 дел о военных преступлениях, причем все они касались преступлений, совершенных на Европейском театре военных действий. Из этих дел, как заметил лорд Саймон,

⁷ Полное название Комиссии – Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР.

⁸ ICC Legal Tools Database (UNWCC): UNWCC2.csv:590 – Memorandum on the Question of the Co-operation of the War Crimes Commission with the Russian Extraordinary State Commission. P. 1.

⁹ Punishment for war crimes (2). Collective notes presented to the governments Great Britain the USSR and the USA and relative correspondence. London: His Majesty's Stationery Office. 1942. P. 6–7.

¹⁰ Это означает, что Комиссия ООН не была «штамповочным станком», утверждающим все без разбора обвинения, где фигурируют немцы.

«половина неполная, и большое количество дел можно охарактеризовать только как тривиальные по своему характеру» [Narrelle, Кнаар, 2017, р. 522]. В оправдание этой ситуации в документах комиссии можно встретить такие утверждения: Несомненно, имеются трудности в получении точной информации, когда союзные территории до сих пор под вражеской оккупацией, и когда военнопленные все еще в руках врага¹¹.

В этом контексте важен опыт работы югославской комиссии, формально созданной 30 ноября 1943 г., но фактически начавшей свою деятельность годом раньше, по мере развертывания национально-освободительного движения в Югославии. Уже тогда к каждому подразделению Национальной освободительной армии Югославии были прикреплены специальные комитеты по расследованию преступлений¹². Благодаря такой организации сведения о военных злодеяниях собирались по «горячим следам», по мере освобождения югославской территории.

В США, как и в других странах, вопросами военной юстиции занимается специальное ведомство – Корпус Генерального судьи-адвоката (Judge Advocate General's Corps – далее JAG). Во время сбора доказательств о военных преступлениях специальные секции (Judge Advocate's Section) были прикреплены к армейским структурам. В данных подразделениях работали следователи-оперативники (field investigation officers).

Военные США взаимодействовали и с национальными офисами других стран. В Отчете о проведении совместного следствия представитель Чехословакии Богумил Эсер отмечал: В целом я удовлетворен работой, проведенной американским отделом по военным преступлениям и моим сотрудничеством с ними. Как я уже указывал, американские офицеры работают с энтузиазмом. Однако существует несколько организационных и рабочих дефектов, поскольку отдел по военным преступлениям был учрежден с запозданием, т.е. в конце апреля 1945¹³.

Расследование преступлений в лагере Бельзен также проводилось силами JAG. Группа офицеров-юристов из JAG 21st Army Group под командованием майора Смеллвуда прибыла в Бельзен для проведения расследования в помощь военной администрации. Кроме того, в лагере проводили работу представители союзных наций, граждане которых были узниками

¹¹ United Nations Archives: 15840-00002 / UNWCC – Progress report (September 19, 1944). P. 2.

¹² ICC Legal Tools Database (UNWCC) : UNWCC2.csv:1749 – Summary of First Six Reports of the State Commission for the Investigation of the Crimes of the Invaders and Their Assistants. P. 5.

¹³ ICC Legal Tools Database (UNWCC) : UNWCC2.csv:634 – Work of the Czechoslovak Investigating Team Attached to the H.Q. 12th Army Group in Wiesbaden. P. 1–7.

лагеря, но, как сообщается в документах: нет НИКАКОЙ¹⁴ информации относительно их расследований, если таковые имели место¹⁵.

Генерал Марсель де Баер, представитель Бельгии и руководитель Комитета Комиссии ООН, крайне жестко и эмоционально критиковал работу военных: «Я был глубоко поражен, читая прессу примерно 21 апреля [1945 года], что не проводится никакого систематического документирования расследования военных преступлений, которые были обнаружены в немецких концентрационных лагерях. Я читал в частности «Daily Express» (и подтверждение этому встречались в других газетах), что несколько военных, которые записывали имена и краткое описание некоторых преступлений, делали это в качестве второстепенной работы, имея другую основную задачу. На расследование нет времени. Эти люди начали изучать историю злодеяний, потом они получили приказ о передислокации перед тем, как начать расследование»¹⁶.

Помимо недостатков в работе военных властей Марсель де Баер в своем меморандуме поднимал центральную проблему собственно Комиссии ООН, которая преследовала ее на протяжении всего периода существования. Это недостаток полномочий. Как ни странно, но Комиссия не обладала полномочиями проводить следствие (по причине нехватки персонала и политической самостоятельности). Комиссия делегировала эту функцию национальным офисам, которые, однако, не всегда имели полномочия действовать за пределами границ своих стран¹⁷.

Представитель Бельгии был самым первым сторонником более активных действий: «Очень просто для тех, кто не был затронут ужасами нацизма, представлять академические взгляды по данным вопросам. Наша Комиссия **по расследованию военных преступлений**, и никаких ограничений не может возникнуть для нас, чтобы производить расследование. Более чем год назад я сделал все, что мог, чтобы обратить внимание на недостатки организации. Я глубоко огорчен, что не было предпринято действий, чтобы воплотить наши предложения в эффективной и удовлетворительной манере. Я бы очень сожалел, если из-за недостатка дальновидности, и, спрятавшись за ошибочной интерпретацией круга наших

полномочий, наша Комиссия не выполнит свой долг перед человечеством».

В доказательство необходимости предоставления комиссии дополнительных полномочий генерал приводит пример с комендантом концлагеря в Берген-Бельзене – ярким нацистом Йозефом Крамером:

«В случае Крамера «зверя Бельзена» – нет ли опасности, что он может быть освобожден через некоторое время, поскольку ни одна страна не выдвинула против него обвинение и каждая страна ссылается на другую, или на Комиссию по военным преступлениям для контроля его содержания под стражей и предъявления обвинения? Неужели не должно быть организации для координации этих дел, когда вовлечены несколько стран, чтобы принять решение о стране, которая должна судить обвиняемых лиц, совершивших преступления против граждан различных стран, и чтобы предотвратить освобождение от ответственности лиц подобных Крамеру, из-за недостатка организации?»¹⁸

В конце меморандума Марсель де Баер предлагает создать еще одну структуру в оккупированной Германии, что, по его мнению, решило бы проблему, – Агентство по расследованию военных преступлений. В его компетенции были бы все обязанности, связанные со сбором улик, поиском и арестом военных преступников, подготовкой к суду. На первый взгляд организация дублировала бы Комиссию ООН, однако в предложенном виде Агентство имело бы **активные** следственные функции, и все сопутствующие мероприятия были бы сосредоточены в руках одной структуры во избежание существовавшей несогласованности действий.

МЕТОДЫ РАБОТЫ

Что касается методики проведения расследований, то использовался традиционный комплекс следственных процедур: допрос свидетелей, осмотр места происшествия, сбор всевозможных улик, в некоторых случаях – медицинское освидетельствование. К примеру, патологоанатомическая экспертиза, проведенная в отношении умерщвленных узников Института Хадамара¹⁹ доказала несостоятельность версии «эвтаназии из милосердия», поскольку, как выяснилось, люди совершенно не страдали от каких-либо неизле-

¹⁴ Выделение крупным шрифтом в тексте документа.

¹⁵ United Nations Archives: 15857-00003 / UNWCC – Report on Belsen camp by the 21st Army group (May 24, 1945). P. 3–5.

¹⁶ ICC Legal Tools Database (UNWCC) : UNWCC2.csv:596 – Renewal of the Proposal Made by M. de Baer on April 7, 1944, to Institute in Germany an Agency for the Investigation of War Crimes. P. 1.

¹⁷ ICC Legal Tools Database (UNWCC) : UNWCC2.csv:596 – Renewal of the Proposal Made by M. de Baer on April 7, 1944, to Institute in Germany an Agency for the Investigation of War Crimes. P. 8.

¹⁸ ICC Legal Tools Database (UNWCC) : UNWCC2.csv:596 – Renewal of the Proposal Made by M. de Baer on April 7, 1944, to Institute in Germany an Agency for the Investigation of War Crimes. P. 6–8.

¹⁹ Один из центров нацистской программы «принудительной эвтаназии», где умерщвлялись люди, которые согласно нацистской расовой теории «не имели права на существование». Подробнее об американском расследовании преступлений в Институте Хадамара: Liberation of the killing centre (1945) // Hadamar Memorial Museum [Electronic resource]. URL: <https://www.gedenkstaette-hadamard.de/en/history/liberation-of-the-killing-centre-1945/> (accessed: 10.10.2023).

чимых заболеваний. Были идентифицированы по крайней мере 300 поляков и 150 русских, убитых в этом лагере²⁰. Однако большинство жертв были немцами, не соответствующими «идеалам» расовой теории.

Установление всех обстоятельств дел, безусловно, осложнялось тем, что нацисты принимали меры по сокрытию следов преступлений. Речь идет об уничтожении документации, вещественных доказательств, останков тел. Из этого следует, что многие подсчеты количества жертв весьма условны. Польские юристы, проводившие расследование в Треблинке, отмечали: «Точный подсчет количества жертв в настоящее время невозможен. Наиболее надежный метод – подсчет вместимости поездов [прибывших в лагерь]. Данные, основанные на размерах газовых камер, не дают никакой точности»²¹.

Аналогичная ситуация сложилась в концлагерях Белжец, Хелмно и др. В Освенциме специалисты Чрезвычайной государственной комиссии СССР изучали только «остатки взорванных немцами при отступлении крематориев и газовых камер»²².

Вместе с тем во многих лагерях скрыть следы преступлений нацисты не смогли. За несколько дней до наступления американцев нацистская администрация намеревалась эвакуировать Дахау, но из-за недостатка организации и неповиновения заключенных эти планы сорвались. Согласно показаниям генерал-майора медицинской службы германской армии Вальтера Шрайбера, существовавший в годы войны специальный институт в г. Познань, занимавшийся подготовкой к бактериологической войне, также не успели эвакуировать в связи с быстрым наступлением Красной армии²³.

Еще одной сложностью был недостаток персонала для проведения расследования. Такая ситуация встречалась повсеместно. Расследование военных преступлений против граждан союзных наций в Норвегии было начато силами только одиннадцати офицеров. Позднее был создан специальный британский Отдел по расследованию военных преступлений Союзных сухопутных сил. Группа следователей была принята в Норвегии с изрядной долей скепсиса, поскольку никто из них не имел специального образования для выполнения возложенной на них задачи. Ин-

струкции были очень краткими, на выполнение задачи отводилось всего 10 недель [Солейм, 2012, с. 286]. В результате расследование проводилось выборочно – только по наиболее тяжким преступлениям²⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Создание международной и вполне представительной организации – Комиссии ООН по военным преступлениям – не решило в полной мере столь сложную проблему, как проведение интернационального следствия, зато несколько успокоило общественное мнение. Предложение расширить круг полномочий и предоставить Комиссии ООН активные следственные функции обсуждалось неоднократно на специальных заседаниях. Дискуссии привели члена комиссии Марселя де Баера к предложению создать в оккупированной Германии Агентство по расследованию военных преступлений.

В конечном итоге, несмотря на возникающие сложности, Комиссия ООН до момента окончания своей работы в 1948 г., утвердила более 8 тыс. дел, по которым проходили около 36 тыс. обвиняемых (комиссия составляла персональные списки предполагаемых военных преступников). Некоторые собранные комиссией материалы фигурировали затем на Нюрнбергском процессе, однако в общем количестве доказательств, по оценкам историка Н.С. Лебедевой, они занимали весьма незначительное место [Лебедева, 1975].

Следует заметить, что на Нюрнбергском процессе судили главных военных преступников. Комиссия ООН изначально была призвана собирать доказательства в отношении «рядовых» преступлений (по крайней мере, речь шла о преступлениях не таких глобальных, как злодеяния нацистской верхушки). По материалам Комиссии ООН в национальных судах было возбуждено не менее 2 тыс. судебных процессов по делам о военных преступлениях [Plesh, 2020, p. 160].

Следует принять без оговорок все неизбежные препятствия, возникающие в случае проведения такой крупномасштабной международной операции, как следствие: когда граждане одной страны долгое время находятся за ее пределами в статусе военнопленных, территории государств оккупированы, а правительства томятся в изгнании. Таким образом, дискуссионным остается вопрос об идеальной модели организации международных следственных процедур на основе имеющегося исторического опыта. При этом может быть использована практика двусторонних организаций (как, например, Советско-поль-

²⁰ ICC Legal Tools Database (UNWCC): UNWCC2.csv:600 – Visit of Delegation to Buchenwald Concentration Camp in Germany: Report. P. 7.

²¹ United Nations Archives: 15922-00004 / UNWCC – German crimes in Poland, 1946. P. 102–103.

²² Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1946. С. 401.

²³ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 58. Д. 524. Л. 19.

²⁴ The National Archives (TNA) : FO 371/57653 : Report of War Crimes Investigation Branch, Norway, and consideration of Danish case against Werner Best. Code 73. File 3608, p. 16.

ская комиссия), специализированных следственных органов с четко ограниченной задачей (как Британский отдел по расследованию военных преступлений в Норвегии) и, кроме того, положительные результаты работы Комиссии ООН, а также Чрезвычайной государственной комиссии СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лебедева Н.С. Подготовка Нюрнбергского процесса. М.: Наука, 1975. 238 с.

Нюрнбергский процесс : уроки истории : материалы Междунар. науч. конф., Москва, 20–21 нояб. 2006 г. / под ред. Н.С. Лебедевой, В.В. Ищенко. М.: ИВИ РАН, 2007. 266 с.

Петров Н.В. Чрезвычайная государственная комиссия и ее роль в судебных преследованиях военнопленных вермахта в СССР. 1943–1950 гг. // Австрийцы и судетские немцы перед советскими военными трибуналами в Беларуси 1945–1950 гг. / ред. С. Карнер, В. Семенов. Грац; Минск, 2007. С. 49–75.

Солейм М.Н. Советские военнопленные в Норвегии в 1941–1945 годах : численность, организация и репатриация. М.: Вест Мир, 2012. 390 с.

Степаненко С.Г. Деятельность Чрезвычайной государственной комиссии СССР по выявлению военных преступлений фашистской Германии на территории Краснодарского края: дис... канд. ист. наук. М., 2010. 215 с.

Супрун М.Н. Шпицберген в стратегии великих держав в годы Второй мировой войны // Новейшая история России. 2023. Т. 13 (1). С. 8–24.

Шкаревский Д.Н. Современная отечественная историография Нюрнбергского трибунала // Военно-юрид. журн. 2021. № 3. С. 28–32.

Kochavi A. Prelude to Nuremberg: Allied War Crimes Policy and the Question of Punishment. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1998. 334 p.

Narrelle M., Knaap A. When Institutional Design is Flawed: Problems of Cooperation at the United Nations War Crimes Commission, 1943–1948 // European Journal of International Law. 2017. Vol. 28, iss. 2. May. P. 513–534.

Plesch D. Human Rights after Hitler: The Lost History of Prosecuting Axis War Crimes. Washington: Georgetown University Press, 2017. 272 p.

Plesh D., Owen L. The United Nations War Crimes Commission: A Model for Complementarity today? // The Nuremberg War Crimes Trial and its Policy Consequences Today. 2nd, revised and extended edition / Beth A. Griech-Polelle (ed.). Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2020. P. 159–191

Schuhmacher J. The War Criminals Investigate: Nazi Justifications for War // University of Oxford, 2017. 351 p.

Sorokina M. On the Way to Nuremberg: The Soviets Commission for the Investigation of Nazi War Crimes // The Nuremberg War Crimes Trial and its Policy Consequences Today. 2nd, revised and extended edition / Beth A. Griech-Polelle (ed.). Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2020. P. 23–39.

REFERENCES

Kochavi A. (1998). Prelude to Nuremberg: allied war crimes policy and the question of punishment. Chapel Hill, Univ. of North Carolina Press, 334 p.

Lebedeva N.S. (1975). Preparation for the Nuremberg Trials. Moscow, Nauka, 238 p. (In Russ.)

Lebedeva N.S., Ishchenko V.V. (eds.) (2007). The Nuremberg Trials: history lessons: materials of the Intern. sci. conf., Moscow, Nov. 20–21, 2006. Moscow, IVI RAN, 266 p. (In Russ.)

Narrelle M., Knaap A. (2017). When institutional design is flawed: problems of cooperation in the United Nations War Crimes Commission, 1943–1948. *European Journal of International Law*, vol. 28, iss. 2, pp. 513–534. DOI: 10.1093/ejil/chx028.

Petrov N.V. (2007). The Extraordinary State Commission and its role in the prosecution of Wehrmacht prisoners of war in the USSR. 1943–1950. *Avstriytsy i sudetskie nemtsy pered sovetskimi voennymi tribunalami v Belarusi 1945–1950 gg.* Minsk, pp. 49–75. (In Russ.)

Plesch D. (2017). Human rights after Hitler: the lost history of prosecuting Axis war crimes. Washington, Georgetown Univ. Press, 272 p. DOI: 10.1353/book51680.

Plesh D., Owen L. (2020). The United Nations War Crimes Commission: a model for complementarity today? *The Nuremberg War Crimes Trial and its policy consequences today*. Baden-Baden, pp. 159–191. DOI: 10.5771/9783845280400-159.

Schuhmacher J. (2017). The war criminals investigate: Nazi justifications for war. Oxford, Univ. of Oxford, 351 p.

Shkarevsky D.N. (2021). Modern Russian historiography of the Nuremberg Trials. *Voenno-yuridicheskiy zhurnal*, no. 3, pp. 28–32. (In Russ.)

Soleim M.N. (2012). Soviet prisoners of war in Norway in 1941–1945: numbers, organization and repatriation. Moscow, Ves' Mir, 390 p. (In Russ.)

Sorokina M.Yu. (2020). On the way to Nuremberg: the Soviets Commission for the Investigation of Nazi War Crimes. *The Nuremberg War Crimes Trial and its policy consequences today*. Baden-Baden, pp. 23–39. DOI: 10.5771/9783845280400-21.

Stepanenko S.G. (2010). Activities of the Extraordinary State Commission of the USSR to identify war crimes of Nazi Germany in the territory of the Krasnodar region: Cand. hist. sci. diss. Moscow, 215 p. (In Russ.)

Suprun M.N. (2023). Svalbard in the strategy of the great powers during the Second World War (1939–1945). *Noveyshaya istoriya Rossii*, vol. 13, no. 1, pp. 8–24. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.10.2023

Дата рецензирования 24.10.2023

Статья принята к публикации 30.10.2023

ОСВОЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЕВРАЗИИ

DOI: 10.15372/HSS20230412

УДК 94:910+165.9(571)"17"

EDN: SERFRR

И.А. ШИПИЛОВ

ИСТОРИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ КАК НАУКИ В РОССИИ: ОТ Д.Г. МЕССЕРШМИДТА ДО П.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена не исследованной в историографии проблеме становления физической географии как отдельного направления в российской науке XVIII в. в ходе и по результатам академических и правительственных экспедиций в Сибирь – под руководством Д.Г. Мессершмидта, Второй Камчатской, путешествия во главе с академиком П.С. Палласом. Установлено, что первым физико-географом в России стал Д.Г. Мессершмидт, который выявил и описал в Сибири различные геосистемы. Прослежено значение для оформления физической географии экспедиционных работ северных морских и академического отряда Второй Камчатской экспедиции. Показана системная апробация метода физико-географического районирования участниками «физических» экспедиций 1768–1774 гг. Репрезентирована роль П.С. Палласа, предпринявшего генерализацию и комплексный анализ имеющихся достижений и результатов собственных разработок, касающихся физической географии Сибири, как организатора и ее субдисциплин. Сделан вывод, что П.П. Семеновым-Тян-Шанским осуществлена концептуализация физической географии как самостоятельного научного направления, становление которого произошло в XVIII в.

Ключевые слова: история научного изучения Сибири, российские научные экспедиции, физическая география в России, Д.Г. Мессершмидт, И.Г. Гмелин, П.С. Паллас, П.П. Семенов-Тян-Шанский.

Для цитирования: Шипилов И.А. История физической географии как науки в России: от Д.Г. Мессершмидта до П.П. Семенова-Тян-Шанского // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 4. С. 105–112. DOI: 10.15372/HSS20230412

I.A. SHIPILOV

THE HISTORY OF PHYSICAL GEOGRAPHY AS A SCIENCE IN RUSSIA: FROM D.G. MESSERSCHMIDT TO P.P. SEMENOV-TYAN-SHANSKY

¹Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article is devoted to the unexplored in historiography problem of the formation of physical geography as a science in Russia in the 18th century. There are arguments proving that the works and materials of the largest academic and governmental expeditions to Siberia were of particular importance for the disciplinary registration of this scientific direction. It is an established fact that the first physical geographer in Russia was D.G. Messerschmidt, who identified and described forest, meadow, steppe, tundra and mixed natural zones in Siberia with different relief, soil, flora and fauna. The article demonstrates the importance of the expeditionary works of the Northern marine and academic detachments of the Second

Работа выполнена при поддержке проекта по теме госзадания «Память о прошлом в письменных источниках XVI–XX вв.: актуализация событий, трансляция культурных традиций, исследовательские практики» (FWZM-2021-0005).

Илья Александрович Шипилов – канд. ист. наук, Институт истории СО РАН, e-mail: shipilof@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9067-3385>.

Илья А. Shipilov – Candidate of Historical Sciences, Institute of History SB RAS.

Kamchatka Expedition (1733–1743) for the formation of physical geography. For the first time, the marine detachments surveyed the Arctic region of Siberia, and J.G. Gmelin, S.P. Krashennnikov, G.W. Steller, I.P. Yakhontov, A.P. Gorlanov and other members of the academic detachment carried out zoning of the continental natural-territorial complexes of the region. The author shows that the systematic approbation of the method of physical and geographical zoning is associated with the work of participants of the academic expeditions of 1768–1774. The article reveals special significance of the scientific works of the Academician P.S. Pallas and the staff of his expedition detachment for the creation of a detailed scheme of the natural and climatic regions of Siberia and Russia. The study leads to the conclusion about the fundamental importance of Pallas' monographs and projects for the formation of biogeography, geomorphology and other physical and geographical subdisciplines established at the state level. The paper represents the role of P.P. Semenov-Tyan-Shansky in the final conceptualization and disciplinary organization of physical geography as a separate scientific field in Russia. When formulating this concept, P.P. Semenov-Tyan-Shansky proved himself as a practical scientist, theorist, historian and historiographer of physical geography, the formation of which took place in the 18th century in the works of D.G. Messerschmidt, J.G. Gmelin, S.P. Krashennnikov, P.S. Pallas and other representatives of the “great galaxy of researchers of the Eurasian continent”.

Key words: *the history of scientific study of Siberia, Russian scientific expeditions, formation of physical geography in Russia, D.G. Messerschmidt, J.G. Gmelin, P.S. Pallas, P.P. Semenov-Tyan-Shansky.*

ВВЕДЕНИЕ

Физическая география представляет собой комплексную научную дисциплину (направление), объектом изучения которой является географическая оболочка Земли и формирующие ее природно-территориальные комплексы (геосистемы). Фундаментальные характеристики и законы эволюции геосистемы Земли в целом составляют предметное поле комплексной физической географии. Региональные геосистемы изучаются такими отраслями компонентной физической географии, как биogeография, геоморфология, география почв, гидрометеорология и др. Главной целью и основным методом изучаемой науки является физико-географическое районирование определенной территории, предполагающее пространственную локализацию, описание, картографическое и/или графическое отображение природных комплексов различного таксономического уровня (природных зон, районов, провинций, стран и др.). При районировании аккумулируется междисциплинарный когнитивный инструментарий названных выше дисциплин [Географический энциклопедический словарь..., с. 322–323; Мильков и др., с. 261–254].

Большинство исследователей историю физической географии как самостоятельного научного направления начинают с XIX в. (обзоры историографии см.: [Есаков, 1987; Александровская, 1989]). Значение для данного процесса трудов участников сибирских академических и правительственных экспедиций XVIII в. в научной литературе не установлено. Восполним этот пробел.

СТАНОВЛЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Первой экспедицией, осуществившей комплексное научное изучение Сибири, стало путешествие (1719–1727 гг.) под руководством немецкого доктора медицины на русской службе Д.Г. Мессершмидта. Он включил в разработанную им в Тобольске научно-исследовательскую программу экспедиции задачу по изучению физической географии Сибири, предмет которой определил на стыке «естественной истории»

(ботаники, зоологии, геологии) и физики. В поездках по Сибири ученый, по его словам, «в естественной науке и физических наблюдениях» старался «оценивать преимущество той или иной области по сравнению с другими в отношении качества ее почвы, а также [отмечать] находящиеся в ней достопримечательности», составлять «отчеты о состоянии климата [тех областей]» и его влиянии на организмы. Кроме того, Мессершмидт сделал важное уточнение, подчеркнув, что метод сравнения в сочетании с географическим принципом придает его физико-географическим исследованиям сибирских территорий научный характер, а без них они являлись бы «не чем иным, как пустыми описаниями» [Первый исследователь Сибири..., 2019, с. 255–256].

Исследователями отмечено первенство Д.Г. Мессершмидта в применении ботанико-географического метода и ландшафтного принципа при анализе ареалов растений, произрастающих в разных широтах, которые определялись инструментально [Сытин, Сластунов, 2022, с. 52, 58–59]. Применение данной методики в «Sibiria Perlustrata» позволило доктору медицины репрезентировать распространение видов растений в корреляции с бассейнами крупных сибирских рек, впадающих в Северный Ледовитый океан [Messerschmidt, 2020]. В дополнение к выводам ученых следует сказать, что Мессершмидт в изучении Сибири не ограничивался лишь ботаническими описаниями и сборами, но выполнил при содействии своих помощников, главным из которых был Ф.И. Табберт фон Страленберг, одно из первых в истории научных физико-географических исследований региона.

Мессершмидт наряду с фитогеографическим произвел зоогеографический анализ фауны сибирских областей. В таких работах он стремился не только выполнить сравнительное изучение морфологии и экологии животных, но и охарактеризовать их внутреннее строение, производя для этого анатомирование. Показателен пример анатомического исследования сибирского осетра в соотнесении с другими представителями осетровых рыб [Messerschmidt,

1968, Bd. 4, S. 264–265]. В своих работах исследователь сочетал биогеографические описания с геоморфологическими, что свидетельствует о применении им метода физико-географического районирования территории. Этим способом им определены и описаны в Сибири лесные, луговые, степные, тундровые и смешанные зоны с горным, равнинным и комбинированным рельефом, почвой, растительным и животным миром. Примечательны дневниковые сообщения ученого о ландшафте Минусинской котловины, в котором он выделяет «чистые («открытые», «голые») степи без кустарников и болот, Уйбатские, Абаканские и другие», и «сильно поросшие кустарником и вперемежку с болотами нечистые степи», а также участки с вкраплениями лесной растительности – лесостепи. Оба вида степи и лесостепная зона, по данным путешественника, имеют равнинный и холмистый рельеф [Мессершмидт, 2012, с. 92–125].

Вслед за Мессершмидтом районирование Сибири по указанному выше принципу произвел Ф.И. Страленберг. Главным его достижением стало определение Уральских гор как естественного рубежа, отделяющего Европу от Азии [Strahlenberg, 1730].

Следуя своей научной программе, Мессершмидт сведения о природно-территориальных комплексах Сибири сочетал с выявлением климатических зон посредством регулярных наблюдений за погодой. К зоне холодного климата путешественником отнесена, например, Мангазея (Туруханск), к умеренному – местности в бассейне Нижней Тунгуски, а территория Даурии (Забайкалья) – к умеренному и мягкому климату [Messerschmidt, 1964, Bd. 2, S. 125; 1966, Bd. 3, S. 93; Bd. 4, S. 271]. Кульминацией такого рода исследований Мессершмидта можно считать постановку им проблемы влияния природно-климатических условий на человека [Messerschmidt, 1977, Bd. 5, S. 29]. Актуальность изучения данной проблемы отмечена и в монографии Страленберга, который, как и его руководитель, выделил три климатические зоны в Сибири, более детально очертив их географию. Города Березов, Сургут, Нарым, Мангазея, Якутск с прилегающими северными территориями, а также Камчатка отнесены им к холодному климату. В умеренном находились Верхотурье, Тобольск, Енисейск, Илимск, Тара, а в мягком – Томск, Красноярск и Даурия. Данное зонирование Страленберг произвел, используя физико- и экономико-географический критерии. Согласно его построениям, территории с холодным климатом подходят только для охоты, рыболовства и собирательства, в умеренных широтах возможно земледелие, но приоритет за промыслом, в областях с мягким климатом развиваются производящее и присваивающее хозяйство при доминировании первого [Strahlenberg, 1730, S. 171–179].

Начиная с экспедиции Мессершмидта, сравнительные физико-географические, «физические» по терминологии того времени, исследования становятся обязательными для последующих экспедиций. Академик П.С. Паллас, учитывая, что именно Д.Г. Мессершмидт задал вектор для становления нового научного направления в России, охарактеризовал его как первого физико-географа: «Среди ученых путешественников, которым мир обязан внутренним познанием Сибири, преимущественно в области физического описания Земли, естественной истории, самобытных народностей и т. д., Мессершмидт был первым» (цит. по: [Лефельдт, Бондарь, 2022, с. 78]).

Физико-географический спектр научных работ в Сибири, обозначенный в генеральных инструкциях перед участниками Второй Камчатской экспедиции 1733–1743 гг. (ВКЭ), составили: инструментальные метеорологические, гидрологические и смежные исследования природной среды региона в ее корреляции с местными флоро-фаунистическим и минеральным комплексами [Dokumente..., 2004, S. 96–142, 295–321].

Участники северных морских отрядов ВКЭ под общим командованием В.И. Беринга выполнили гидрографические работы в прибрежных морских акваториях Северного Ледовитого океана от пролива Югорский шар до Колымского устья, на приустьевых участках рек Обь, Енисей, Лена и др. Также ими была дана, в большинстве случаев впервые, физико-географическая характеристика рельефа, растительного и животного мира территории сибирской Арктики и одноименной экономической зоны России на пространстве от Ямала до Чукотки. Результаты исследований участников северных морских отрядов экспедиции были отражены на составленных ими на научной основе и наиболее точно для своего времени картах указанных выше территорий (подробнее об этом см.: [Шипилов, 2023, с. 154–166]).

Материалы сотрудников северных морских отрядов о сибирской Арктике дополняют физико-географические сведения участников академического отряда ВКЭ (АО ВКЭ), работавших под руководством академиков (профессоров) Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина и Л. Делиля де ла Кройера. В 1736–1739 гг. группа АО ВКЭ во главе с Л. Делилем де ла Кройером исследовала территорию Центральной и Северной Якутии в пределах бассейна Лены в ее нижнем течении. Геодезистом А. Ивановым был описан путь от Якутска до устья правого притока Лены р. Сиктях (Уэль-Сиктях), которым проследовала группа с 26 августа по 23 сентября 1737 г. Им охарактеризованы: особенности гидрологии Лены на данном участке, рельеф прилегающей местности, включая Центрально-Якутскую равнину, возвышенности Среднесибирско-

го плоскогорья на западе и отроги Верхоянского хребта на востоке, образующие водоразделы Лены с Оленеком и Яной соответственно¹. В конце 1737 – начале 1738 г. А. Иванов вместе с отрядом участвовал в изучении бассейна р. Оленек [Gmelin, 1752, Т. 3, S. 137–138]. Описание р. Виллой от устья до Верхневиллойска с физико-географической характеристикой речной долины, расположенной в Лено-Виллойской низменности, было выполнено с июля по август 1738 г. студентом Ф.Н. Поповым и учеником геодезии И. Шевыриным. Студент Л.И. Иванов по заданию профессора астрономии обследовал дельту Лены и побережье моря Лаптевых до Анабарского залива. В результате Л. Делилем де ла Кройером, включившим сообщения помощников в свою работу², геодезистами А. Ивановым и И. Шевыриным, студентами Л. Ивановым и Ф. Поповым были выявлены и описаны районы хвойной и хвойно-лиственной тайги на территории Центрально-Якутской равнины, которые по мере продвижения на север сменялись участками редколесья, лесотундрой и тундрой. Путешественники отметили, с одной стороны, суровые природно-климатические условия в бассейне Нижней Лены и ее дельты, с другой – богатство этих областей природными ресурсами, ценными видами ихтио- и орнитофауны в частности [Gmelin, 1752, Т. 3, S. 139–147; Georg Wilhelm Steller..., 2000, S. 385–399.].

Информацию о других физико-географических районах материковой Сибири собрали участники АО ВКЭ под руководством академиков И.Г. Гмелина и Г.Ф. Миллера. Профессор натуральной истории И.Г. Гмелин стал основным организатором «физических» исследований в отряде. Г.Ф. Миллер содействовал своему коллеге в проектировании и реализации сравнительно-географического принципа в исследованиях. В 1734 г. студенты С.П. Крашенинников, В.А. Третьяков и А.П. Горланов по инструкции профессоров совершили путешествие от Семипалатинской крепости (Семей) до Колывано-Воскресенского завода и описали его в дневнике, где привели сведения о природных зонах и ландшафтах территории на маршруте: «степи, горы или леса» и о том, «какие в лесах на горах деревья растут, какие те реки... берега имеют и где в прочем какая-нибудь земле перемена усмотрена»³.

Переводчик АО ВКЭ И.П. Яхонтов в своем описании на пути от Красноярска до Иркутска выделил зону горной тайги, которая продолжалась до Нижнеудинска, а по дороге к Тулуну и далее постепенно сменялась лесостепью Иркутско-Черемховской рав-

нины⁴. Затем путешествие Яхонтова проходило по районам Лено-Ангарского плато и отрогам Ангарского кряжа, которым переводчик дал весьма точную физико-географическую характеристику. Из Иркутска по долине р. Ангары до Братского острога поездка Яхонтова проходила, согласно его записям, по лугам, еланям, смешанным лесам. Маршрут от Середкиной деревни до устья р. Осы осуществлялся степью, т.е. исследователь посетил и верно определил участок Балаганских степей. К Илимскому острогу и до Усть-Кута Яхонтов проследовал «горами, на которых есть густой большой лес сосняк, кедровник, листвяк, ельник, пихтовник, осинник и березник...»⁵. Заметим, что степные участки на территории современной Иркутской области были правильно идентифицированы студентом Ф.Н. Поповым на пространстве между Оеком и Качугом⁶.

Студент А.П. Горланов в своей работе предложил лапидарную, но точную информацию о физико-географических районах Прибайкалья: от истока Ангары до устья Анги на западном побережье Байкала и от р. Большая Сухая до полуострова Святой нос – на восточном. Эти сведения дополнены сообщением о природном комплексе о. Ольхон⁷. Впоследствии Горланов составил сообщения о физико-географических районах Камчатки, но более обстоятельные исследования полуострова, имеющие фундаментальное значение для формирования ряда научных дисциплин, выполнит С.П. Крашенинников.

Детальную физико-географическую характеристику Камчатки Крашенинниковым начинает с анализа особенностей орографии полуострова. Он заключает, что Камчатка – это горная вулканическая страна, которую Срединный хребет разделит «почти на две равные» половины, а отроги Восточного хребта далеко выходят в Берингово море и Тихий океан, образуя многочисленные мысы («носы»), окаймляющие бухты и заливы. Соответственно, их больше на восточном побережье, чем на западном. Равнины и низменности полуострова «находятся токмо около моря... и по широким [речным] долинам, где между хребтами знатное расстояние» [Крашенинников, 1949, с. 100]. Подробное описание Ключевской и Авачинской сопки, Шевелуча, Жупановского, Вилучинского и других крупных вулканов полуострова дано в специальной главе «Описания земли Камчатки» [Крашенинников, 1949, с. 206–212].

Крашенинников констатировал дефицит плодородной почвы на Камчатке, что подтвердил своими ботаническими опытами по выращиванию агрокуль-

¹ Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 21. Оп. 5. Д. 24. Л. 192–196.

² Там же. Р. I. Оп. 13. Д. 25. Л. 1–21.

³ Там же. Д. 12. Л. 132–132 об.

⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. Портф. 517. Ч. 1. Д. 12. Л. 7–9 об.

⁵ Там же. Д. 13. Л. 3–15, 17.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 125. Л. 8 об.

⁷ РГАДА. Ф. 199. Портф. 517. Ч. 1. Д. 16. Л. 2 об.–6.

тур в Большерецке. Пригодные для земледелия почвы он отметил по рекам Камчатке и Быстрой [Крашенинников, 1949, с. 198]. В дополнение к этому участник АО ВКЭ зафиксировал положительный пример внедрения земледелия вблизи устья р. Ключевки (рон п. Ключи) [Крашенинников, 1949, с. 107].

По результатам исследования ботанической географии главных древесных пород на полуострове Крашенинников делает вывод, что «восточной берег Камчатки лесом изобильнее», чем западный, а в «Курильской землице» и в северных районах полуострова вследствие тундровых и болотистых мест «великое во оном оскудение» [Крашенинников, 1949, с. 199]. Данное утверждение разделял его коллега – студент А.П. Горланов⁸.

В своей монографии С.П. Крашенинников дает исчерпывающую информацию по зоологии и экологии большинства представителей камчатской фауны [Крашенинников, 1949, с. 241–333]. Следуя инструкции Гмелина⁹, он в своих флоро-фаунистических описаниях сравнивал морфологию животных и растений одного вида на территориях с различными природными условиями, пытаясь проследить внутривидовую изменчивость (дивергенцию) организмов в зависимости от природно-климатических условий. Одним из фитогеографических достижений Крашенинникова стало сравнительное дендрологическое описание и фиксация биогеографической изменчивости камчатской, сибирской и европейской березы [Крашенинников, 1949, с. 224–225]. Из зоологических материалов выделяются описания, посвященные соболю и лисице, обитающим в Сибири и на Камчатке [Крашенинников, 1949, с. 241–242, 255–269].

Другой участник АО ВКЭ – адъютант Г.В. Стеллер, следуя инструкции И.Г. Гмелина¹⁰, выполнил сравнительное изучение габиуса растений, эйдономии и анатомии животных Сибири, Камчатки, Командорских, Алеутских и других островов в северной части Тихого океана, а также Аляски. Для науки особенно важен вывод Г.В. Стеллера о результатах своих исследований, касающихся представителей дальневосточной фауны: он, описывая биологическую дивергенцию животных задолго до Ч. Дарвина, отмечает, что одинаковые виды животных, оказавшись в разных природных условиях, иногда так резко меняют свой внешний вид и поведение, что могут быть приняты за новые виды [Steller, 2011].

ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Работы С.П. Крашенинникова и Г.В. Стеллера обозначили становление биогеографии и физической

географии в России, как и многотомные труды их научного руководителя И.Г. Гмелина. В фундаментальных «Путешествии по Сибири» и «Флоре Сибири» Гмелин систематизировал результаты собственных экспедиционных наблюдений и материалы своих учеников, помощников и коллег по ВКЭ. Во «Флоре Сибири» профессор натуральной истории представил сравнительную фитогеографическую характеристику 1178 видов растений, из которых 500 были описаны впервые. Наглядность репрезентации растений придавали 294 рисунка, выполненных с высокой точностью художниками АО ВКЭ И.В. Люрсениусом, И.Х. Берканом и И.К. Деккером (подробнее см.: [Шипилов, 2023, с. 145–150]).

В «Путешествии по Сибири» ботанико-географические описания встроены Гмелиным в комплексную физико-географическую характеристику областей региона, включавшую сведения о бассейнах рек, хребтах и других элементах рельефа, типах почв, лесах, лугах, степях, тундрах и территориях со смешанными природными зонами и их животном мире. Биологические исследования Гмелина, как и его помощников, имели целью не только обстоятельное описание морфологии и анатомического строения видов, но и получение информации об их экологии и географической изменчивости как результатах адаптации к разным природно-климатическим условиям. В «Путешествии по Сибири» Гмелина произошло дальнейшее оформление и развитие поставленной Д.Г. Мессершмидтом [1752, Т. 3, S. 397–399] научной проблемы – природной среды как фактора дифференциации человеческих рас. Выявлению климатических зон в Сибири способствовали инициированные натуралистом в ходе ВКЭ систематические метеорологические наблюдения в регионе. Изучение форм рельефа дало основание Гмелину утверждать, что провинции и в целом геоморфологическая страна Восточной Сибири превосходят по высоте Западную.

Одним из системных результатов комплексного исследования Сибири Гмелина стало применение им метода физико-географического районирования для определения природных зон и границ. Таким способом ученый установил естественный рубеж по Енисею, который используется до сих пор для разграничения Западной и Восточной Сибири. Аргументация Гмелиным зоонирования Сибири по одной из крупнейших рек региона вполне актуальна для науки XXI в.: «Мне не казалось, что я в Азии нахожусь пока до Енисея реки не доехал. Не видал я до тех мест почти никаких зверей, которых бы и в Европе или по последней мере на степях вниз по Волге реке не было, никаких особливых трав, земли, камней. Весь вид земли до означенной страны казался мне европейским. Но от Енисея реки как на восток, так на юг и на север, земля другой вид и не знаю какую дру-

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 65. Л. 62 об.–63.

⁹ РГАДА. Ф. 199. Портф. 527. Д. 7. Л. 1, 5, 13 об. 15.

¹⁰ Там же. Д. 6. Л. 1–22.

гую силу получила; хребты и холмы сперва попадались местами, а там уже вся страна была гориста и красотою долин и степей, между гор лежащих, никакой стране не уступала. Оказывались звери нигде еще неизвестные, как, например, кабарги, или степные бараны. Не попадались уже травы везде в Европе растущие, но вместо них новые и в Европе не знаемые по малу появлялись. Сверх того, чистые, светлые и здоровые воды, вкусные рыбы и птицы и самый различный род тамошних народов, довольно доказывали, что там особливая часть света» [Крашенинников, 1749, с. 44–45].

Системную апробацию метод физико-географического районирования получил в работах участников академических экспедиций 1768–1774 гг., само наименование которых «физические» указывает на их главную цель – выявление и изучение природно-территориальных комплексов Российской империи. В Сибири эту цель успешно выполнила экспедиция во главе с академиком П.С. Палласом. Эффективная организация исследований в экспедиции, предполагавшая обстоятельное инструктирование и задействование студентов В.Ф. Зуева, Н.П. Соколова, С.М. Кашкарева и других сотрудников, комплексный анализ собственных материалов, работ помощников и трудов участников других путешествий позволили Палласу представить в своем «Путешествии» детальную схему геосистем Сибири и России в целом. Так, результатом введения в научный оборот и всестороннего изучения трудов и материалов из самостоятельных поездок 1771–1772 г. В.Ф. Зуева стало физико-географическое районирование академиком и студентом территорий Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, северных и центральных районов Красноярского края, где определены лесные, тундровые, лесотундровые зоны и участки арктических пустынь. Также Паллас использовал сообщения о Северном Приуралье И.И. Лепехина и его спутников. Природные комплексы южных областей Красноярья, а также Хакасии и Алтае-Саянской горной страны были выявлены и описаны академиком с использованием сведений студента С.М. Кашкарева, полученных в 1772 г. Поездки 1771–1772 г. Н.П. Соколова предоставили Палласу сведения о Рудном Алтае и Казахской степи на юге Западной Сибири, о Маньчжуро-Монгольской степной, Даурской лесостепной зонах и биогеографии Хэнтэй-Чикойского нагорья в Забайкалье. Дополнительную информацию о степях Восточного Казахстана Паллас почерпнет из описаний участников путешествия под руководством профессора И.П. Фалька, научной обработкой которых в связи со смертью Фалька будет заниматься адъюнкт И.Г. Георги [Паллас, 1773–1788]. По заданиям Палласа Георги во главе экспедиционного отряда вы-

полнил исследование и дал исчерпывающую физико-географическую характеристику оз. Байкал с прилегающими территориями, которая существенно дополнила сообщения участников АО ВКЭ.

Опубликованные в последней трети XVIII – начале XIX в. фундаментальные трактат о горообразовании [1778], «Флора России» [1784–1788] и «Русско-азиатская зоография» [1811–1831] П.С. Палласа, в которых произведена генерализация достижений Д.Г. Мессершмидта, И.Г. Гмелина, С.П. Крашенинникова и других предшественников, результаты собственного экспедиционного опыта и научных разработок, синтезирован географический и естественно-научный когнитивный инструментарий, маркировали оформление биогеографии, геоморфологии и других субдисциплин компонентной физической географии. О становлении последней свидетельствовал тот факт, что метод физико-географического районирования по инициативе Палласа был принят на государственном уровне в качестве основного принципа деления Российской империи на природно-климатические зоны. Екатериной II был поддержан проект П.С. Палласа по разделению России на три полосы: северную в пределах от 67° до 57° с. ш., среднюю – между 57° и 50° с. ш., южную – 50° с. ш. до государственной границы. Проект академика предполагал развитие экологии и экономики каждой из этих территорий за счет выращивания лесных пород, видов растений и животных в соответствии с климатическими условиями районов и естественной средой обитания организмов. Эффективное лесное хозяйство являлось в проекте Палласа системообразующим элементом [Колчинский, Сытин, Смагина, 2004, с. 107–129]. Положения проекта Палласа в своей обзорной физико-географической работе разделял И.Г. Георги.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Концептуализацию физической географии обычно связывают с научными трудами А. фон Гумбольдта. Однако, как отмечает А.К. Сытин, «планетарным гипотезам Гумбольдта» не хватало фактической обоснованности, поэтому они были «порой умозрительны и открывали простор для натурфилософских спекуляций» [Сытин, 2014, с. 279]. Продолжателем дела П.С. Палласа, с именем которого, на наш взгляд, следует связывать дисциплинарную организацию физической географии, стал знаменитый путешественник, председатель Отделения физической географии Императорского Русского географического общества (ИРГО), впоследствии вице-председатель общества П.П. Семенов-Тянь-Шанский. Он осуществил обзор историографии физико-географического изучения России и становления этой науки, заключив, что данная дисциплина многим обязана «великой плеяде

исследователей Евразийского материка» – Д.Г. Мессершмидту, И.Г. Гмелину, С.П. Крашенинникову, П.С. Палласу, И.Г. Георги и другим путешественникам XVIII в. [Семенов-Тянь-Шанский, 1915, с. 373]. Семенов-Тянь-Шанский в ходе путешествия 1856–1857 гг. в Тянь-Шань, принесшего ему мировую известность и приставку к фамилии, проезжая по Сибири, на личном опыте убедился в точности заключения И.Г. Гмелина, определившего Енисей в качестве физико-географического рубежа. Урал же, как заключает Семенов-Тянь-Шанский: «Ни в отношении климата, ни в отношении флоры и фауны... не представляет резкой границы» [1946, с. 61–62]. В продолжении своего путешествия он неоднократно подчеркивал точность наблюдений и справедливость выводов «великого северного естествоиспытателя» П.С. Палласа и других выдающихся исследователей из названной выше плеяды [1946, с. 67].

В предисловии к собственному переводу с немецкого языка «Землеведения Азии» К. Риттера 1856 г. П.П. Семенов-Тянь-Шанский дифференцирует физическую географию от других наук и дает ее определение в широком и узком смыслах, т.е. концептуализирует комплексный и компонентный раздел дисциплины [Семенов, 1856, с. 6–10]. Дальнейшее развитие физической географии как самостоятельного научного направления связано с деятельностью ИРГО, результаты которой за первые 50 лет существования общества (1845–1895) проанализировал П.П. Семенов-Тянь-Шанский.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что становление физической географии как самостоятельного научного направления происходило в России в течение XVIII в. Особое значение для этого процесса имела практика научных экспедиционных исследований Сибири и ее результаты. Первым физико-географом, апробировавшим в Зауралье метод по выявлению природных зон, являлся Д.Г. Мессершмидт. Дальнейшее формирование комплексной дисциплины происходило в ходе и по результатам ВКЭ благодаря научным трудам И.Г. Гмелина, С.П. Крашенинникова, Г.В. Стеллера и других участников путешествия. Системное применение метод физико-географического районирования получит в деятельности участников академических экспедиций 1768–1774 гг., в Сибири – в научных трудах академика П.С. Палласа и его помощников. Обзорные работы и проекты П.С. Палласа имеют фундаментальное значение для природно-климатического зонирования России, выведения данной проблематики на уровень государственного дискурса, оформления физико-географических субдисциплин. Концептуализация науки связана с именем П.П. Се-

менова-Тянь-Шанского, который выступил как практик, теоретик и историограф физической географии в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александровская О.А.* Становление географической науки в России в XVIII веке. М.: Наука, 1989. 230 с.
- Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины. М.: Сов. энциклопедия, 1988. 431 с.
- Есаков В.А.* Теоретические проблемы физической географии в России XIX – начала XX вв. М.: Наука, 1987. 207 с.
- Колчинский Э.И., Сытин А.К., Смагина Г.И.* Естественная история в России (Очерки развития естествознания в России в XVIII в.). СПб.: Изд-во СПб. ИИ РАН; Нестор-История, 2004. 242 с.
- Крашенинников С.П.* Перевод с предисловия, сочиненного профессором Гмелиным к первому тому Флоры сибирской. [СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1749]. 84 с.
- Крашенинников С.П.* Описание Земли Камчатки. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. 842 с.
- Лефельдт В., Бондарь Л.Д.* Восприятие исследований Мессершмидта в работах ботаников XVIII в. // От кунсткамеры к травопознанию. Развитие ботаники в России в первой половине XVIII века. СПб.: Келлер, 2022. С. 78–87.
- Мессершмидт Д.Г.* Дневники. Томск – Абакан – Красноярск. 1721–1722 гг. Абакан: Кооператив Журналист, 2012. 160 с.
- Мильков Ф.Н., Бережной А.В., Михно В.Б.* Терминологический словарь по физической географии. М.: Высш. шк., 1993. 288 с.
- Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи: 3 ч., 5 кн. СПб.: АН, 1773–1788.
- Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 гг. / сост. Е.Ю. Басаргина, С.И. Зенкевич, В. Лефельдт, А.Л. Хосроев. СПб.: Нестор-История, 2019. 310 с.
- Семенов П.П.* Предисловие переводчика // Землеведение Азии Карла Риттера. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1856. Т. 1. С. 1–16.
- Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Мемуары. Петроград: Изд-во семьи, 1915. Т. 3. 445 с.
- Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Мемуары. М.: Изд-во геогр. лит., 1946. Т. 2. 256 с.
- Семенов-Тянь-Шанский П.П.* История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895 гг.: в 3 ч. М.: Международные отношения, 2022. 440 с.
- Сытин А.К.* Ботаник Петр Симон Паллас. М.: КМК, 2014. 456 с.
- Сытин А.К., Сластунов Д.Д.* Даниэль Готтлиб Мессершмидт – ботаник // От кунсткамеры к травопознанию. Развитие ботаники в России в первой половине XVIII века. СПб.: Келлер, 2022. С. 43–62.
- Шитилов И.А.* Академические экспедиции XVIII века: роль вспомогательного персонала в изучении Сибири / отв. ред. А.Х. Элерт. Новосибирск: СО РАН, 2023. 368 с.
- Georg Wilhelm Steller, Stepan Krašeninnikov, Johann Eberhard Fischer: Reisetagebücher 1735 bis 1743 / Bearb. von W. Hintzsche, T. Nickol, O.V. Novochatko, D. Schulze. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen, 2000. 627 S.
- Gmelin J.G.* Flora Sibirica sive Historia plantarum Sibiriae: in 4 vol. Petropoli: Typographia Academiae scientiarum, 1747–1769.
- Gmelin J.G.* Reise durch Sibirien von dem Jahr 1738 bis zu Ende 1740: in 4 Teilen. Göttingen: Verl. Abram Vandenhoecks, 1752. Т. 3.
- Dokumente zur 2. Kamchatkaexpedition 1730–1733. Akademiegruppe / Bearb. von W. Hintzsche, N. Ochotina Lind, P.U. Möller. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen, 2004. 960 S.
- Messerschmidt D.G.* Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727: in 5 Teilen. Berlin: Akademie-Verlag, 1964–1968. Т. 2–5.

Messerschmidt D.G. Sibiria Perlustrata, etc. СПб.: СПбФ АРАН, Коло, 2020. 394 p.

Pallas P.S. Historie observations sur la formation des montagnes et les changemens arrivés, au Globe, particulièrement à l'égard de l'Empire de Russie... Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. 1778. Ps. 1. P. 21–64.

Pallas P.S. Flora Rossica: in 2 partes. Petropoli: Typographia Imperiali J.J. Weitbrecht, 1784–1788.

Pallas P.S. Zoographia Rosso-Asiatica: in 3 vol. Petropoli: Academiae scientiarum impress, 1811–1831.

Steller G.W. De Bestiis Marinis or, The Beasts of the Sea [1751]. Lincoln; Nebraska: Zea Books, 2011. 89 p.

Strahlenberg Ph.J.v. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm: In Verlegung des Autoris, 1730. 438 S.

REFERENCES

Alexandrovskaya O.A. (1989). The formation of geographical science in Russia in the 18th century. Moscow, Nauka, 230 p. (In Russ.)

Basargina E.Yu. (ed.). (2019). The first explorer of Siberia D.G. Messerschmidt: Letters and documents, 1716–1721. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 310 p. (In Russ.)

(1988). Geographical encyclopedic dictionary. Concepts and terms. Moscow, Sovet. Entsikl., 431 p. (In Russ.)

Esakov V.A. (1987). Theoretical problems of physical geography in Russia of the 19th – early 20th. Moscow, Nauka, 207 p. (In Russ.)

Gmelin J.G. Flora Sibirica sive Historia plantarum Sibiriae: in 4 vol. Petropoli: Typographia Academiae scientiarum, 1747–1769.

Gmelin J.G. (1752). Reise durch Sibirien von dem Jahr 1738 bis zu Ende 1740: in 4 Teilen. Göttingen, Verlag. Abram Vandenhoecks, T. 3, 583 S. (In German.)

Hintzsche W., Nickol T., Novochatko O.V., Schulze D. (Eds.). (2000). Georg Wilhelm Steller, Stepan Krašeninnikov, Johann Eberhard Fischer: Reisetagebücher 1735 bis 1743. Halle, Verlag. der Franckeschen Stiftungen, 627 S. (In German.)

Hintzsche W., Ochotina Lind N., Möller P.U. (Eds.). (2004). Dokumente zur 2. Kamchatkaexpedition 1730–1733. Akademiegruppe. Halle, Verl. der Franckeschen Stiftungen, 2004, 960 S. (In German.)

Kolchinskiy E.I., Sytin A.K., Smagina G.I. (2004). Natural History in Russia (Papers on Development of Natural History in Russia in the XVIII century). Saint Petersburg, Izd-vo SPb. II RAN, Nestor-Istoriya, 242 p. (In Russ.)

Krashennikov S.P. (1749). Translation from the preface composed by Professor Gmelin to the first volume of Flora Sibirica. [Saint Petersburg, Tip. Akad. nauk], 84 p. (In Russ.)

Krashennikov S.P. (1949). Description of the Land of Kamchatka. Moscow, Leningrad, Izd-vo Glavsevmorputi, 842 p. (In Russ.)

Lehfeldt W., Bondar L.D. (2022). Perception of Messerschmidt's research in the works of botanists of the XVIII century. *Ot kunstkamery k travopoznaniyu. Razvitie botaniki v Rossii v pervoy polovine XVIII veka*. Saint Petersburg, pp. 78–87. (In Russ.)

Messerschmidt D.G. (1964–1968). Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727: in 5 Teilen. Berlin, Akademie-Verlag, T. 2–5. (In German.)

Messerschmidt D.G. (2020). Sibiria Perlustrata, etc. Saint Petersburg, SPbF ARAN, Izdatel'skiy dom "Kolo", 394 p. (In Russ.)

Mil'kov F.N., Berezhnoy A.V., Mikhno V.B. (1993). Terminological dictionary of physical geography. Moscow, Vyssh. shk., 288 p. (In Russ.)

Pallas P.S. (1773–1788). Travel to different provinces of the Russian Empire: in 3 parts, 5 books. Saint Petersburg, Imp. Akad. Nauk, pt. 1–3, bk. 1–5. (In Russ.)

Pallas P.S. (1778). Historie observations sur la formation des montagnes et les changemens arrivés, au Globe, particulièrement à l'égard de l'Empire de Russie... Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae, ps. 1, pp. 21–64. (In French)

Pallas P.S. (1784–1788). Flora Rossica, seu Stirpium Imperii Rossici per Europam et Asiam indigenarum descriptiones et icones: in 2 partes. Petropoli, Typ. Imperiali J.J. Weitbrecht, t. 1, ps. 1–2.

Pallas P.S. (1811–1831). Zoographia Rosso-Asiatica: in 3 volumes. Petropoli, Acad. scientiarum impress, vol. 1–3. (In Latin.)

Shipilov I.A. (2023). Academic expeditions of the XVIII century: the role of support personnel in the study of Siberia / Resp. Ed. A.Kh. Elert. Novosibirsk, SO RAN, 368 p. (In Russ.)

Semenov P.P. (1856). Translator's preface. *Zemlevedenie Azii* by Karl Ritter. Saint Petersburg, vol. 1, pp. 1–16. (In Russ.)

Semenov-Tyan-Shansky P.P. (1915). Memoirs. Petrograd, Izd-vo sem'i, vol. 3, 445 p. (In Russ.)

Semenov-Tyan-Shansky P.P. (1946). Memoirs. Moscow, Izd-vo geogr. lit., vol. 2, 256 p. (In Russ.)

Steller G.W. (2011). De Bestiis Marinis or, The Beasts of the Sea [1751]. Lincoln, Nebraska, Zea Books, 89 p. (In English)

Strahlenberg Ph.J. (1730). Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, In Verlegung des Autoris, 438 S. (In German.)

Sytin A.K. (2014). Peter Simon Pallas as a botanist. Moscow, KMK, 456 p. (In Russ.)

Sytin A.K., Slastunov D.D. (2022). Daniel Gottlieb Messerschmidt as a botanist. *Ot kunstkamery k travopoznaniyu. Razvitie botaniki v Rossii v pervoy polovine XVIII veka*. Saint Petersburg, pp. 43–62. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.09.2023

Дата рецензирования 19.09.2023

Статья принята к публикации 21.09.2023

DOI: 10.15372/HSS20230413

УДК 930.2:304

EDN: SRGBRB

С.В. КОЗЛОВ

ЭГО-ДОКУМЕНТЫ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

В статье анализируется тенденция усиления внимания различных авторов к вопросам сохранения историко-культурного наследия, которое в европейских странах явилось значимым элементом национально-государственного строительства. Показано, как в связи с масштабными трансформациями, произошедшими в социогуманитарном знании в 1980-е гг., осуществляется становление нового междисциплинарного исследовательского направления *heritage studies*, занимающегося изучением наследия, в рамках которого сформировалось представление о наследии как о продукте, который создается и наделяется соответствующим символическим статусом заинтересованными в этом агентами в интересах воспроизводства разноразмерных идентичностей. Определено место, которое занимают в структуре наследия эго-документы как специфический вид источников, позволяющий вписывать индивидуальные биографии в общесторический контекст. Отмечено, что, начиная с 1980-х гг., как в России, так и за рубежом наметилось существенное повышение внимания к публикации и изучению эго-документального наследия.

Ключевые слова: эго-документы, историко-культурное наследие, публичная история, цифровое наследие, культурная память, идентичность, *heritage studies*.

Для цитирования: Козлов С.В. Эго-документы в контексте сохранения и изучения историко-культурного наследия // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 4. С. 113–121. DOI: 10.15372/HSS20230413

S.V. KOZLOV

EGO-DOCUMENTS IN THE CONTEXT OF PRESERVATION AND STUDY OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

The State Public Scientific and Technological Library SB RAS,
15, Voskhod Str., Novosibirsk, 630200, Russian Federation

Currently, various state, municipal and public institutions show a steady interest in the issues of preserving historical and cultural heritage. The reason for this interest is related to the integral role that heritage plays in the reproduction of national, regional and local identity, which involves turning to a common past. The emergence of both the very concept of heritage and various practices of its preservation in Europe in the 19th century was closely associated with trends in national and state construction. In the 1980s, both the methods of preserving heritage and the sphere of heritage research undergo significant transformations. On the one hand, the number of agents involved in the processes of attributing symbolic status of heritage to certain artifacts is increasing, on the other hand, a new interdisciplinary scientific field of heritage studies is emerging, which has made heritage an object of study. The approaches developed in this area allow us to consider heritage as a result of endowing symbolic status to tangible and intangible objects, which are given the meaning necessary for the agents participating in this process. Ego-documents occupy a significant place in the structure of historical and cultural heritage as a specific type of source that allows individual biographies to fit into the general historical context and correlate individual testimonies with the official narrative that forms the national memory. Since the 1980s, in both Russia and abroad there has been a significant increase in attention to the publication and study of ego-documentary heritage. Various agents use the assignment of the symbolic status of elements of national, regional and local heritage to the documents of personal origin to reproduce multilevel identity. The intensification of these practices is also associated with the processes of digitizing an array of historical data with the involvement of various establishments and organizations.

Key words: ego-documents, historical and cultural heritage, public history, digital heritage, cultural memory, identity, heritage studies.

Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект «Эго-документы по истории Великой Отечественной войны и других военных конфликтов XX века из архивохранилищ востока России: проблемы выявления, атрибуции и публикации», № 123011300094-0.

Сергей Васильевич Козлов – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, заместитель директора по научной работе, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: feld71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6784-8992>.

Sergey V. Kozlov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Deputy Director, The State Public Scientific and Technological Library SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие наследия¹ в настоящее время широко используется в публично-политическом дискурсе большинства стран мира. Это связано с тем, что те или иные элементы прошлого активно применяются различными мнемоническими акторами для конструирования и воспроизводства коллективной идентичности, без которой невозможно функционирование любого сообщества. Внимание к историко-культурному наследию стало частью процесса современного национально-государственного строительства, поскольку позволяло обеспечивать легитимацию государственно-политических, правовых и культурно-образовательных институтов посредством обращения к авторитету «общего прошлого». Наследие при этом может иметь как материальный, так и дискурсивный характер. Значимой частью наследия являются эго-документы (или документы личного происхождения), являющиеся одной из форм, позволяющих вписать индивидуальные биографии в общеисторический контекст и соотнести свидетельства индивида с официальным нарративом, формирующим национальную память [Козлов, 2022].

Возникшее в 1980-е гг. междисциплинарное научное направление *heritage studies* сделало наследие объектом изучения. Наследие при этом стало пониматься как процесс и результат конструирования материальных и нематериальных объектов в механизме (вос)производства разноразмерных идентичностей. Исследователей, работающих в рамках *heritage studies*, интересует динамика смены смыслов и практик по отношению к наследию, которое рассматривается как продукт, производимый для определенных целей.

Цель настоящей статьи – опираясь на выработанные в рамках изучения наследия подходы, рассмотреть, каким образом наследие конструируется и используется для поддержания идентичности на разных уровнях и какое место в этом занимают эго-документы в качестве специфического вида источников.

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА И КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
ГОСУДАРСТВА**

Сохранение наследия изначально представляло собой практики сбора случайным образом уцелев-

ших фрагментов прошлого. В XVI в. возникают первые дворцовые собрания, в которых концентрируются предметы, имеющие, с точки зрения их собирателей, историко-художественную ценность. Процесс создания музеев продолжился в эпоху Просвещения, когда различные коллекции – исторические, археологические, естественнонаучные, искусствоведческие – открываются для широкой публики. Однако по-настоящему массовой музеефикация становится в XIX в. Именно в этот период в европейских странах появляется концепция культурного наследия. Она «включала в себя наряду с ретрофикциями и мифологическими фантазиями также современное стремление к аутентичности при сохранении архитектурных сооружений. Вместе с историзмом развивался интерес к научно обоснованной истории и культуре собственной нации, что подразумевало внимание к национальному искусству, ландшафту, местным обычаям и фольклору. От восхищения греческой античностью и связанного с этим элитарного представления об эстетическом каноне в XVIII веке совершился переход к отечественным традициям в XIX веке» [Асман, 2019, с. 105]. Возникновение этой концепции было неразрывно связано с процессами создания национальных государств.

Отметим, что интересы национально-государственного строительства обслуживала и возникшая в то же время историческая наука. Как отмечает А.И. Миллер, «профессиональная история возникла в начале XIX столетия именно как часть предприятия по строительству наций и во многом такой остается» [Миллер, 2008, с. 130]. Однако потребителями исторических трудов были преимущественно лишь хорошо образованные слои. С целью поддержания ощущения сопричастности к коллективному прошлому у широких масс населения используется не история, а историческое наследие. Сохранение национального историко-культурного наследия должно было обеспечить визуальную репрезентацию тому создаваемому профессиональными историками историческому нарративу, который описывал «путешествие» нации-государства через века.

К началу XX в. в европейском публично-политическом дискурсе окончательно утверждаются представления о наследии как об освященном древностью времен комплексе объектов, обладающем как материальной, так и символической ценностью, а потому нуждающемся в сохранении для потомков. Наиболее последовательно эти взгляды отразил в своей концепции «исторического памятника» австрийский историк Алоиз Ригль, предложивший в 1903 г. проект законодательного регулирования исторических памятников [Ригль, 2018]. В рамках этого ставшего универсальным подхода предполагалось, что для отбора исторических артефактов, наделяемых статусом объ-

¹ Анализ публикаций по тематике наследия демонстрирует широкое разнообразие понятий, используемых авторами для концептуализации изучаемого феномена. Однако наиболее востребованными являются три термина: «культурное наследие», «наследие» и «историко-культурное наследие» (частотность упоминания их среди ключевых слов в электронной библиотеке eLIBRARY на 06.09.2023 г. составляет соответственно 5775, 2367 и 1982 раза, значительно превосходя по упоминаемости иные сходные понятия). Эти понятия имеют незначительные семантические различия, поэтому мы будем использовать их как синонимичные.

ектов культурного наследия, существуют четкие и предзаданные критерии, обуславливающие национальную ценность этих объектов. Необходимо отметить присутствующую в таких построениях позитивистскую ориентацию на объективность, наделявшую те или иные объекты свойствами, которые делали их заслуживающими сохранения «по определению».

Подчеркнем, что процесс наделения различных артефактов статусом наследия находился в руках агентов, которые обладали санкцией от государства на изучение, сохранение и интерпретацию прошлого, предстающего в виде общественного культурного достояния, сохраняемого при помощи законодательных предписаний. «Сертифицированное» бюрократическими инстанциями наследие целенаправленно использовалось в разных целях: для социализации представителей новых поколений, для легитимации и поддержания идентичности макрополитических (национальных) сообществ, демонстрируя единство прошлого и настоящего. Существенным эвристическим потенциалом для объяснения той роли, которую сохранение историко-культурного наследия играет в государственной культурной политике, обладает предложенная британским исследователем Гиллом Дэвисом «гипотеза господствующей идеологии». На примере британского наследия он показал, как правительства или правящие элиты продвигают месседж, легитимизирующий их статус [Davies, 1988].

HERITAGE STUDIES – ОТ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК К НАУЧНОМУ ОСМЫСЛЕНИЮ

Положение дел, при котором историко-культурное наследие было преимущественно сферой приложения усилий государственных функционеров, стало меняться в 1980-е гг. Именно в этот период под влиянием масштабных трансформаций, начавшихся в социогуманитарном знании в 1960–1970-е гг. («прагматический поворот» в гуманитаристике, появление публичной истории (*public history*), исследований памяти (*memory studies*), культурных, постколониальных, расовых, гендерных исследований (*cultural, postcolonial, race, gender studies*) и проч.), формируется новое междисциплинарное исследовательское направление, занимающееся изучением наследия – *heritage studies* [Колесник, Русанов, 2022]. В его рамках объединили усилия ученые, представляющие различные дисциплины: музееведение, теорию и практику архитектуры, культурную историю, историю искусств, социологию, антропологию и пр.

Хотя и ранее объекты и практики, относящиеся к наследию, уже изучались представителями различных дисциплин – от философии до архивоведения, однако в рамках каждой из них предлагались свои подходы и своя интерпретация наследия. Но именно в 1980-е гг. появляются работы, задавшие общую ме-

тодологическую рамку новой дисциплины. К ним относятся «Места памяти», многотомный коллективный труд (1984–1992 гг.) французских ученых, работавших под руководством Пьера Нора, книга Дэвида Лоуэнталя «Прошлое – чужая страна» [Lowenthal, 1985], а также книга Роберта Хьюисона «Индустрия наследия: Великобритания в условиях упадка» [Hewison, 1987]. Важно отметить, что в концепции «мест памяти», предложенной П. Нора, к этим местам относились не только материальные и топографические, но и символические, неосознанные.

Основоположниками *heritage studies* в основу методологической базы исследований наследия были заложены представления о том, что «прошлое является конструктом, которое в виде наследия повсеместно используется в политико-идеологических и коммерческих целях» [Фелькер, 2018, с. 28]. При этом необходимо подчеркнуть, что не любой фрагмент прошлого может стать частью наследия.

В этой перспективе возникла необходимость постановки вопроса об агентах, включенных в процесс формирования наследия. Исторические остатки и культурные артефакты обретают такой статус посредством сознательного отбора и интерпретации, в ходе которой они и наделяются теми смыслами, которые потом транслируются аудиториям. Это предполагает существование различных заинтересованных групп, преследующих собственные интересы.

Усилившееся внимание исследователей к проблеме конструирования наследия было связано и с тем, что в 1980-х гг. во многих европейских странах началась трансформация городской культурно-исторической политики и стали появляться новые меморативные практики, связанные с реставрацией и обновлением исторических памятников, открытием новых публичных мест и музеев, проведением фестивалей городской культуры [Колесник, Русанов, 2022, с. 59]. Тем самым произошло расширение круга агентов, вовлеченных в процесс определения объектов культурного наследия. По меткому замечанию британского историка Рафаэля Самюэля, история и наследие превратились в «дело тысячи рук» [Samuel, 1996, p. 42]. Исследователями была выдвинута идея утраты монополии государственных функционеров и экспертов в вопросах определения наследия и формирования исторической культуры.

Проблематизация понимания наследия, осуществленная работающими в рамках *heritage studies* исследователями, привела к фундаментальному переосмыслению понятия историко-культурного наследия. Оно стало рассматриваться не просто как свидетельство прошлого, а как меняющийся социальный конструкт, опосредованный через сложную сеть социальных институтов, агентов и практик. Наследие постоянно находится в процессе переосмысления и

переопределения идентичностей и культурных ценностей, в который включены разные социальные группы, сообщества и агенты [Колесник, Русанов, 2022, с. 58]. Другим важным направлением изучения наследия стало познание того, «каким образом прошлое, понимаемое как комплекс объектов и смыслов, используется в настоящем – посредством практик и создания (новых) смыслов. Специалисты в данной области исходят из того, что наследие создает человек путем своего выбора, что сохранять, а что нет, и путем формирования определенных дискурсов. Наследие заключает в себе множество смыслов, зачастую конкурирующих друг с другом» [Фелькер, 2018, с. 30].

Таким образом, в оптике *memory studies* наследие предстает «как совокупность материальных и нематериальных маркеров коллективной памяти, которые помогают выстраивать и поддерживать последнюю» [Фелькер, 2018, с. 33]. Наследие способствует формированию и закреплению культурной памяти на всех уровнях, наиболее значимыми из которых являются национальный, региональный и локальный.

СТАТЬ НАСЛЕДИЕМ: КАК ЭГО-ДОКУМЕНТЫ СТАНОВЯТСЯ ЕГО ЧАСТЬЮ

Исследования в области *heritage studies* показали, что наследие является продуктом целенаправленного конструирования, в ходе которого происходит наделение соответствующим символическим статусом материальных и дискурсивных свидетельств прошлого². Оно осуществляется теми или иными агентами, которые вписывают артефакты и нарративы в культурный контекст, поддерживающий необходимый им образ прошлого.

Одним из видов свидетельств такого рода являются *эго-документы*. Это понятие введено в научный оборот профессором Амстердамского университета Жаком Прессером в 1958 г. Он относил к эго-документам «те исторические документы, в которых исследователь сталкивается с “Я” или иногда (Цезарь, Генри Адамс) “Он” как одновременно пишущим и присутствующим в тексте субъектом описания» (цит. по: [Зарецкий, 2021, с. 185]). Таким образом, к ряду эго-документов оказались отнесены достаточно разнообразные тексты: автобиографии, мемуары, дневники, журналы путешествий, письма – объединенные характером их создания (поэтому понятие «*эго-документы*» является взаимозаменяемым с понятием «*документы личного происхождения*»).

Рост интереса к эго-документам, которые в силу их ненадежности до последней трети XX в. оставались на периферии внимания историков, совпал с описанными выше трансформациями в социогуманитарном знании. Становление в 1970-х гг. микроистории привело к тому, что стремящиеся написать «историю снизу» социальные историки начали активно обращаться к документам личного происхождения. Они стали использоваться в изучении истории семьи, ментальности, эмоций, чтения и пр. Как отмечает Н.В. Суржикова, «возникновение термина “эго-документ” на Западе стало не чем иным, как сигналом обновления тематических, источниковых и концептуальных рамок исторических исследований, с которыми обновился и их язык, их терминологическая рамка» [Суржикова, 2014, с. 7].

В отечественных условиях на трансформации в научном знании наложились и глубокие общественные изменения. Переосмысление прошлого, начавшееся на рубеже 1980–1990-х гг., вызвало повышенный интерес к тому, как масштабные исторические процессы воспринимались «маленьким человеком». Хотя до этого периода источники личного происхождения в России публиковались достаточно активно (уже к 1911 г., по подсчетам С.Р. Минцлова, число опубликованных дневников, записок, воспоминаний, писем и путевых заметок достигло 4,3 тыс. [Минцлов, 1911, 1912а, 1912б]), и позднее в XX в. поток публикаций не ослаб, но с 1990-х гг. в процесс издания эго-документов включились многие российские издательства, дав старт целому ряду специальных серий. Помимо издательств в публикации эго-документов участвовали и другие организации (музеи, библиотеки, архивы и проч.), а также частные лица.

Определить общий объем публикаций эго-текстов в последние десятилетия не представляется возможным, но подсчет по ключевым словам публикаций эго-документов (воспоминаний, дневниковых записей, писем) в библиографической базе данных «Научная Сибирь: природа, история, экономика, культура, наука Сибири и Дальнего Востока» (объем БД – более 1 200 000 документов), ведущейся отделом научной библиографии Государственной публичной научно-технической библиотеке СО РАН (ГПНТБ СО РАН), показывает, что в 2000–2020-е гг. произошел резкий рост публикаций, касающихся региональной сибирской тематики (см. таблицу). Аналогичный результат показывает анализ эго-документов сибиряков по истории Великой Отечественной войны: если в 1980–1990-е насчитывалось 45 таких публикаций, то в 2000–2010-е их число составило 213, а за 2020–2022 гг. вышло уже 55 таких публикаций [Мандринина, Соловьев, 2023, с. 84].

Таким образом, в состав историко-культурного наследия был введен значительный массив докумен-

² Следует отметить, что нормативный и символический статусы наследия не совпадают. В соответствии с Федеральным законом № 125-ФЗ от 22 октября 2004 г. весь архивный фонд Российской Федерации является неотъемлемой частью историко-культурного наследия. Однако с точки зрения *heritage studies* неопубликованные документы не могут считаться частью наследия, поскольку таковое значение для аудиторий они обретают в момент их обнародования.

**Число публикаций эго-документов
по сибирской тематике в 1985–2023 гг.
The number of publications of ego-documents
on Siberian topics in 1985–2023**

Виды эго-документов Types of ego-documents	1985–2000	2001–2023
Воспоминания (мемуары)	658	3020
Письма	313	1060
Дневники	133	746

Источник: База данных «Научная Сибирь: природа, история, экономика, культура, наука Сибири и Дальнего Востока» (1988 г.). URL: http://webirbis.spsl.nsc.ru/irbis64r_01/cgi/cgiiirbis_64.exe?C21COM=F&I21DBN=SIB&P21DBN=SIB&S21FMT=&S21ALL=&Z21ID=&S21CNR=20 (дата обращения: 03.10.2023).

тов личного происхождения. Очевидно, что из огромного корпуса подобного рода текстов обнародована может быть лишь небольшая часть. Подчеркнем, что эти документы приобретают статус наследия в случае их публикации. В связи с этим встает вопрос об агентах, вовлеченных в процесс отбора и обнародования, о тех целях, которые они при этом преследуют, а также результатах, к которым их деятельность по отбору и приданию символического статуса наследия приводит.

Свидетельством роста интереса исследователей, с одной стороны, и расширения практик публикации эго-документов региональными акторами – с другой, стала прошедшая в 2014 г. в Твери и Пушкино (Московской обл.) Международная научная конференция «Эго-документальное наследие российской провинции XVIII–XXI вв.: проблемы выявления, хранения, изучения, публикации». В конференции приняли участие более 50 исследователей из России, США, Украины, Беларуси, Узбекистана, Армении [Эго-документальное наследие..., 2014]. В 2021 г. на базе Лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований Института истории и археологии УрО РАН прошла масштабная конференция «Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX века в историко-литературном контексте», по результатам которой была издана коллективная монография, отражающая характер современной дискуссии профессионального сообщества об эго-текстах [Эго-документы, 2021]. А.Н. Кабацков, оценивая существующие подходы к изучению эго-документов, говорит «о возможности рассматривать материалы личного происхождения в качестве полноправного источника, характеризующего социальные сети, культуру, миропонимание отдельных групп и сообществ прошлых эпох, признание права за ними быть субъектами социальной жизни, даже если статус самих групп (сообществ) не был маркирован официальным порядком» [Кабацков, 2021, с. 99].

**НАЦИОНАЛЬНОЕ VS. РЕГИОНАЛЬНОЕ:
ЛОКАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ НАСЛЕДИЯ
И ИХ РОЛЬ В ПОДДЕРЖАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ**

Главной особенностью эго-документов является выраженный личностный характер репрезентации исторических событий. По мнению, Н.В. Суржиковой, эго-документы «могут быть квалифицированы как особый, где-то даже альтернативный официально санкционированным, “казенным” документам источниковый метатекст, который особым образом задумывается, производится, хранится и используется» [Суржикова, 2022, с. 198]. Наделение символическим статусом наследия тех или иных эго-документов (или даже эго-документальных комплексов) и интерпретация их роли при публикации могут служить разным задачам, поскольку исторические нарративы, легитимирующие ту или иную идентичность, могут быть разными. Как отмечает Д.Э. Летняков, «ощущение принадлежности к конкретному “воображаемому сообществу”, как правило, влечет за собой лояльность определенному историческому мифу, самоидентификацию с тем или иным историко-культурным наследием» [Летняков, 2023, с. 121].

Британские исследователи Г. Дж. Эшворт, Б. Грэхэм и Дж. Е. Танбридж обратили внимание на то, что в современных обществах в силу их гетерогенности культурное наследие не может быть общим [Ashworth et al., 2007]. Создание национального наследия в период формирования национальных государств предполагало максимальную унификацию и гомогенизацию через отбор наиболее типичных артефактов и коллективно разделяемых представлений. Однако «гомогенное национальное наследие лишает наследства непричастные к нему социальные, этнические и региональные группы, поскольку их особый исторический опыт игнорируется или искажается своевольным присвоением истории со стороны господствующих групп» [Эшворт, 2017, с. 168].

Начиная с 1980-х гг. тенденция к плюрализации исторической памяти стала преобладающей во многих странах. Она является частью более широкого процесса утраты государствами гегемонии в сфере производства и распространения культуры [Малахов, 2007]. Социальные процессы второй половины XX в., связанные с разочарованием в установках модерна, развитием мемориальной культуры, диверсификацией нарративов, привели к росту интереса к прошлому [Завадский, Дубина, 2021]. Произошло резкое расширение числа агентов, которые участвуют в формировании политики памяти и определении состава наследия. «Демократизация политики, легитимация культурных различий внутри национальных государств, активизация региональных идентичностей позволяют сегодня акторам, не принадлежащим к социокультуре

турному мейнстриму, успешно оспаривать доминирующий исторический нарратив и продвигать собственные контрстории» [Летняков, 2023, с. 110]. Для поддержания местной и региональной идентичности необходимо акцентирование внимания на уникальных свойствах, которые ассоциируются с данной территорией и проживающим на ней сообществом. Различные группы придают символический статус нарративам, артефактам, местам, формируя тем самым наследие, которое может быть сопоставимым для местного сообщества с национальным наследием (т.е. определенным государственными институтами).

Взросшая важность прошлого в современной общественной жизни проявилась помимо прочего в появлении публичной истории как совокупности академических исследований и профессиональных практик, направленных на изучение и создание репрезентаций прошлого с целью его переосмысления и возвращения в центр исторических нарративов человека [Завадский и др., 2017].

Рост интереса к прошлому характерен и для российского общества, поскольку Россия является страной, обладающей высокой степенью культурной неоднородности. Это проявляется и в том, что в национальных республиках и некоторых регионах, имеющих преимущественно русское население, существуют конкурирующие исторические нарративы, по-своему представляющие общее прошлое. Антрепренерами разных версий прошлого являются различные мнемонические акторы, в роли которых могут быть представители федеральных и региональных элит, политических организаций, работники сфер культуры и образования, публичные интеллектуалы, активисты и лидеры мнений. Наследие при этом выступает как оспариваемый ресурс, который может получить различные интерпретации в зависимости от общественно-политических взглядов тех групп, которые заинтересованы в его продвижении. И эго-документы наряду с другими компонентами наследия могут использоваться для того, чтобы приписать прошлому разные значения и ценности. По мнению А. Завадского и В. Дубиной, «эти процессы отражают ... попытки профессионального сообщества и, шире, гражданского общества противостоять политизации истории, инструментализации ее государственной властью» [Завадский, Дубина, 2021, с. 12].

М.А. Мельниченко и Н.В. Суржикова подчеркивают, что «несмотря на произошедшую в последние годы активизацию издания тех или иных самосвидетельств, их точечной публикации явно недостаточно для формирования более внимательного и ответственного отношения к эго-документам» [Мельниченко, Суржикова, 2021, с. 20]. В этой перспективе весьма значимую роль могут сыграть практики так называемой общественной архивистики. Одним из

наиболее масштабных их воплощений является проект «Прожито», созданный в 2015 г. в форме волонтерской инициативы как площадка для сбора и публикации текстов личных дневников на русском языке. В 2019 г. был создан Центр изучения эго-документов «Прожито» Европейского университета в Санкт-Петербурге³, который приступил к созданию цифрового архива проекта. К зиме 2022 г. волонтерами проекта было аннотировано более 9 тыс. авторов, загружены дневники 2 727 из них.

В связи с этим отметим, что «цифровая революция» последних десятилетий оказала влияние и на сферу историко-культурного наследия. Начавшийся в XXI в. процесс оцифровки различных текстовых и иконографических памятников привел к расширению и упрощению перевода их в категорию наследия. Кроме того, прошлое стало в значительной степени более доступным – для обеспечения доступа к его репрезентациям достаточно нескольких кликов. В связи с этим возникло понятие цифрового наследия, подразумевающее использование цифровых медиа для сохранения культурного (или природного) наследия. Значительную часть переводимых в цифровой формат материалов, которые попадают в разряд регионального цифрового культурного наследия, составляют эго-документы. В оцифровке регионального эго-документального наследия и формировании цифровых коллекций участвуют музеи, библиотеки, вузы, медиа, научные и некоммерческие организации. Более того, как подчеркивают А. Завадский и В. Дубина, «с развитием цифровой культуры активное участие в “преобразовании” прошлого и создании его публичных репрезентаций стали принимать “обычные” люди, пользователи социальных сетей и интернета в целом» [Завадский, Дубина, 2021, с. 10].

Изучение конкретных механизмов и процедур отбора тех эго-документов, которые затем становятся компонентами общего наследия, требует специфического инструментария, например, применения методов эмпирической, прагматической и ценностно-нейтральной социологии, которыми пользовалась Н. Эник, изучавшая «изготовление» культурного наследия во Франции [Эник, 2017]. Анализ тематики публикуемых, т.е. переводимых в состав наследия самосвидетельств, позволяет выявить то обстоятельство, что между издательскими стратегиями агентов, работающих на общероссийском и региональном/локальном уровнях, существуют четкие различия.

В качестве примеров можно привести серии московских издательств: «От первого лица: история России в воспоминаниях, дневниках, письмах» издательства «Новый хронограф», «Россия в мемуарах»

³ Центр «Прожито» ЕУСПб. URL: <https://prozhitto.org> (дата обращения: 10.11.2023).

издательства «Новое литературное обозрение» и серию «Всероссийская мемуарная библиотека» издательства «Русский путь». Несомненно, что составители серий делали акцент на вклад авторов самосвидетельств в общероссийскую историю.

Если обратиться к разнообразным региональным проектам, то станет очевидным, что лица, осуществляющие отбор документов для публикации, предпочитают документы, написанные земляками или повествующие о локальной истории. Так, в Государственной публичной научно-технической библиотеке СО РАН (г. Новосибирск) выходят три серии, посвященные эго-документальному наследию сибирского макрорегиона: «История Сибири в воспоминаниях и дневниках», «Люди книжной культуры» и «Восток России. Историческая память»⁴. В Государственной научной библиотеке Кузбасса им. В.Д. Федорова существует электронная коллекция «Семейная хроника войны», включающая документы из личных архивов жителей г. Кемерово⁵. Государственный архив Новосибирской области издал несколько сборников, включавших воспоминания, письма, так или иначе связанные с Новосибирском⁶.

Отметим, что для региональных акторов перевод эго-документов в разряд наследия – через презентации, выставки, участие в конференциях и других публичных мероприятиях – сопряжен с приумножением публичного капитала и демонстрацией собственной значимости хранителя регионального историко-культурного наследия. В этом такая деятельность пересекается со сферой публичной истории, направленной на репрезентацию истории в публичном пространстве.

Таким образом, можно утверждать, что эго-документы предстают как особого типа источники, которые используются для управления наследием при помощи артикуляции тех или иных сюжетов, которые бы могли оказаться в фокусе внимания конкретных групп или сообществ. Поскольку эго-документы характеризуют прежде всего их авторов – носителей

воспроизводящихся социальных идентичностей, то введение данных документов в состав историко-культурного наследия способствует воспроизводству этих идентичностей. В этой перспективе эго-документы могут быть рассмотрены в рамках публичной истории как «история для групп и сообществ», а не «история для профессионалов».

В использовании (этно)региональных версий прошлого иногда усматривают политические риски, ставящие под угрозу единство страны. Однако не меньшую опасность представляет и принудительная унификация памяти, которая нередко вызывает мнемотическое сопротивление [Ryan, 2014]. Существование различных версий прошлого, в том числе и отраженного в эго-документальном наследии, не угрожает сохранению единого символического пространства, поскольку локальная и региональная культурная память являются частью памяти общенациональной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, подходы, выработанные в рамках *heritage studies*, позволяют утверждать, что наследие представляет собой дискурсивную форму, которая приобретает культурную ценность благодаря наделению соответствующим символическим статусом. Придание этого статуса осуществляется разными агентами, вовлеченными в процесс производства наследия. При этом оно приобретает значения, необходимые в числе прочего и для поддержания коллективной идентичности, что предполагает отсылку к общему прошлому.

Вводимые в состав историко-культурного наследия эго-документы используются акторами, осуществляющими этот процесс, для управления наследием, привлечения внимания различных аудиторий к тем или иным сюжетам, а также формирования определенных дискурсов, обеспечивающих воспроизводство коллективной идентичности. Плюрализация подходов, рост числа агентов, участвующих в формулировании политики памяти, особенно заметны в практиках перевода эго-документов в разряд наследия в силу того, что они несут личностный взгляд на события прошлого. Использование документов личного происхождения способно поддержать локальную, региональную или национальную идентичность, сохраняя культурную память соответствующих сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
Завадский А., Дубина В. Введение // Все в прошлом: Теория и практика публичной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 9–16.

⁴ Опыт отбора документов для публикации в рамках реализации ГПНТБ СО РАН проекта научно-исследовательской работы «Эго-документы по истории Великой Отечественной войны и других военных конфликтов XX века из архивохранилищ востока России: проблемы выявления, атрибуции и публикации» (осуществляется с 2022 г.) свидетельствует, что он во многом носит ситуативный характер, главным критерием которого является региональная соотнесенность публикуемых документов.

⁵ Семейная хроника войны. URL: <http://fhw.kemrsl.ru/semhron> (дата обращения: 10.11.2023).

⁶ Письма с фронта. Новосибирск: Гос. архив Новосиб. обл., 2005; Поколение, уходящее в вечность: боевой путь 18-й гвардейской Краснознаменной Инстербургской ордена Суворова стрелковой дивизии в исследованиях, воспоминаниях фронтовиков и архивных документах. Новосибирск, 2020; П.Е. Щетинкин (1884–1927). Материалы к биографии. Новосибирск, 2021.

Завадский А.И., Исаев Е.М., Кравченко А.В., Склез В.М., Суверина Е.В. Публичная история: между академическим исследованием и практикой // *Неприкосновенный запас*. 2017. № 2 (112). С. 22–34.

Зарецкий Ю.П. Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // *Неприкосновенный запас*: дебаты о политике и культуре. 2021. Т. 137, № 3. С. 184–199.

Кабачков А.Н. Образы довоенного счастья: по материалам личных дневников А.И. Дмитриева // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2021. Т. 28, № 2. С. 97–104.

Козлов С.В. Эго-документы в структуре исторической памяти // *Библиосфера*. 2022. № 4. С. 3–9.

Колесник А.С., Русанов А.В. Наследие как процесс: дискуссии о концепте культурного наследия в современных социальных и гуманитарных науках // *Вестн. Перм. ун-та. История*. 2022. № 3(58). С. 58–69.

Летняков Д.Э. Историческая память российского общества: к построению агонистической модели // *Мир России*. 2023. Т. 32, № 1. С. 109–129.

Малахов В.С. Государство в условиях глобализации: учеб. пособие. М.: КДУ, 2007. 256 с.

Мандригина Л.А., Соловьев Н.А. Эго-документы сибиряков по истории Великой Отечественной войны: анализ документопотока // *Библиосфера*. 2023. № 4. С. 79–87.

Миллер А. История империй и политика памяти // *Россия в глобальной политике*. 2008. Т. 6, № 4. С. 118–134.

Мицлов С.Р. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Новгород: Губерн. тип., 1911. Вып. I: От скифских времен по смерть императора Павла I включительно. 171 с.

Мицлов С.Р. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Новгород: Губерн. тип., 1912а. Вып. II и III: Времена императоров Александра I и Николая I. 198 с.

Мицлов С.Р. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Новгород: Губерн. тип., 1912б. Вып. IV и V: Времена императоров Александра II, Александра III и Николая II. 115 с.

Ригль А. Современный культ памятников: его сущность и возникновение. М.: V-A-C press, 2018. 95 с.

Суржикова Н.В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (Вместо предисловия) // *История в эго-документах: Исследования и источники*. Екатеринбург: АсПУр, 2014. С. 6–13.

Суржикова Н.В. Эго-документы первой половины XX века в историко-литературном контексте: итоги дискуссии // *Урал. ист. вестн*. 2022. № 4 (77). С. 196–198.

Фелькер А.В. Исследования наследия и политики памяти – в поисках общих подходов // *Политическая наука*. 2018. № 3. С. 32–52.

Эго-документальное наследие российской провинции XVIII–XXI вв.: проблемы выявления, хранения, изучения, публикации: сб. науч. стат. по итогам Междунар. науч. конф. Тверь; Пушкино, 2014. 380 с.

Эго-документы: Россия первой половины XX века в межличностных диалогах. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 408 с.

Эрик Н. «Изготовление» культурного наследия // *Неприкосновенный запас*. 2017. № 114. С. 188–198.

Эшворт Г.Дж. Культурное наследие и проблема наследования. От истории к наследию – от наследия к идентичности: В поисках понятий и моделей // *Неприкосновенный запас*. 2017. № 114. С. 154–171.

Ashworth G.J., Graham B., Tunbridge J.E. *Pluralising Pasts: Heritage, Identity and Place in Multicultural Societies*. London: Pluto Press, 2007. XII. 236 p.

Davies G. *Potted History* // *Marxism Today*. 1988. N. 47 (May). P. 187–196.

Hewison R. *The heritage industry: Britain in a climate of decline*. London, Methuen, 1987. 160 p.

Lowenthal D. *The past is a foreign country*. Cambridge, Cambridge univ. press, 1985. 489 p.

Ryan L. *Cosmopolitan Memory and National Memory Conflicts: On the Dynamics of Their Interaction* // *Journal of Sociology*. 2014. Vol. 50, N. 4. P. 501–514.

Samuel R. *Theatres of Memory: Past and Present in Contemporary Culture*. London; Verso, 1996. 508 p.

REFERENCES

Ashworth G.J. (2017). Cultural heritage and the problem of inheritance. From history to heritage – from heritage to identity: In search of concepts and models. *Neprikosnovenny zapas*. No. 114, pp. 154–171. (In Russ.)

Ashworth G.J., Graham B., Tunbridge J.E. (2007). *Pluralising Pasts: Heritage, Identity and Place in Multicultural Societies*. London, Pluto Press, XII, 236 p.

Assmann A. (2019). *Forgetting history – obsession with history*. Moscow, Novoye literaturnoye obozrenye, 552 p. (In Russ.)

Davies G. (1988). *Potted History*. *Marxism Today*. No 47 (May), pp. 187–196.

(2014). Ego-documentary heritage of the Russian province of the XVIII–XXI centuries: problems of identification, storage, study, publication: collection of scientific articles based on the results of the International Scientific Conference. Tver-Pushkino, October 10–11, 380 p.

(2021). Ego-documents: Russia of the first half of the twentieth century in inter-source dialogues. Moscow, Ekateringurg, Kabinetnyy uchenyy, 408 p. (In Russ.)

Felcher A.V. (2018). Heritage studies and the politics of memory – in search for common approaches. *Politicheskaya nauka*. No. 3, pp. 32–52. (In Russ.)

Heinich N. (2017). The making of cultural heritage. *Neprikosnovenny zapas*. No. 114, pp. 188–198. (In Russ.)

Hewison R. (1987). *The heritage industry: Britain in a climate of decline*. London, Methuen, 160 p.

Kabatskov A.N. (2021). Images of pre-war happiness: based on A.I. Dmitriev's personal diaries. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 28, no. 2, pp. 97–104. (In Russ.)

Kolesnik A.S., Rusanov A.V. (2022). Heritage-as-process: the concept of cultural heritage in contemporary social sciences and humanities. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. No. 3(58), pp. 58–69. (In Russ.)

Kozlov S.V. (2022). Ego-documents in the structure of historical memory. *Bibliosfera*. No. 4, pp. 5–11. (In Russ.)

Letnyakov D.E. (2023). The Historical memory of Russian society: towards an agonistic model. *Mir Rossii*. Vol. 32, no. 1, pp. 109–129. (In Russ.)

Lowenthal D. (1985). *The past is a foreign country*. Cambridge, Cambridge univ. press, 489 p.

Malakhov V.S. (2007). *The state in the context of globalization: textbook*. Moscow, KDU, 256 p. (In Russ.)

Mandrinina L.A., Soloviev N.A. (2023). Siberians' ego-documents on the history of the Great Patriotic War: document flow analysis. *Bibliosfera*. No. 4, pp. 79–87. (In Russ.)

Miller A. (2008). History of empires and memory politics. *Rossiia v globalnoy politike*. Vol. 6, no. 4, pp. 118–134. (In Russ.)

Mintslov S.R. (1911). Review of notes, diaries, memoirs, letters and travels related to the history of Russia and printed in Russian. Issue I: From Scythian times to the death of Emperor Paul I inclusive. Novgorod, Gubernskaya tipografiya, 171 p. (In Russ.)

Mintslov S.R. (1912a). Review of notes, diaries, memoirs, letters and travels related to the history of Russia and printed in Russian. Issues II and III: The Times of the Emperors Alexander I and Nicholas I. Novgorod, Gubernskaya tipografiya, 198 p. (In Russ.)

Mintslov S.R. (1912b). Review of notes, diaries, memoirs, letters and travels related to the history of Russia and printed in Russian. Issues IV and V: The Times of the Emperors Alexander II, Alexander III and Nicholas II. Novgorod, Gubernskaya tipografiya, 115 p. (In Russ.)

Rigl' A. (2018). The modern cult of monuments: its essence and beginning. Moscow, V-A-C press, 95 p. (In Russ.)

Ryan L. (2014). Cosmopolitan Memory and National Memory Conflicts: On the Dynamics of Their Interaction // Journal of Sociology. Vol. 50, no 4, pp. 501–514.

Samuel R. (1996). Theatres of Memory: Past and Present in Contemporary Culture. London, Verso, 508 p.

Surzhikova N.V. (2014). Ego-documents: intellectual fashion or conscious necessity? (Instead of a preface). *Istoriya v ego-dokumentakh: issledovaniya i istochniki*. Ekaterinburg, pp. 6–13. (In Russ.)

Surzhikova N.V. (2022). Ego-documents of the first half of the XXth century in the historical and literary context: results of the discussion. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. No. 4 (77), pp. 196–198. (In Russ.)

Zaretskiy Yu.P. (2021). Ego-documents of the Soviet era: terms, historiography, methodology. *Neprikosnovenny zapas: debaty o politike i kul'ture*. Vol. 137, no. 3, pp. 184–199. (In Russ.)

Zavadskiy A., Dubina V. (2021). Introduction. *Vsyo v proshlom: teoriya i praktika publichnoy istorii*. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, pp. 9–16. (In Russ.)

Zavadskiy A.I., Isaev E.M., Kravchenko A.V., Sklez V.M., Suverina E.V. (2017). Public history: between academic research and practice. *Neprikosnovenny zapas: debaty o politike i kul'ture*. No. 3 (112), pp. 22–34. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.09.2023

Дата рецензирования 03.10.2023

Статья принята к публикации 16.10.2023

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям: отечественная история; историография, источниковедение и методы исторического исследования; археология; этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2021;

- индекс УДК;

- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора, orcid. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;

- название статьи с англоязычным переводом;

- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;

- ключевые слова на русском и английском языках (не менее 10);

- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 40 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков. Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php/trebovaniya-k-materialam.html>

В библиографической ссылке в тексте указываются в квадратных скобках фамилия (фамилии) автора (авторов) или первые слова названия публикации без автора, год, страница (страницы). В списке литературы дается полное библиографическое описание работы.

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php> (сайт издания); http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm (сайт Института истории СО РАН); <https://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.